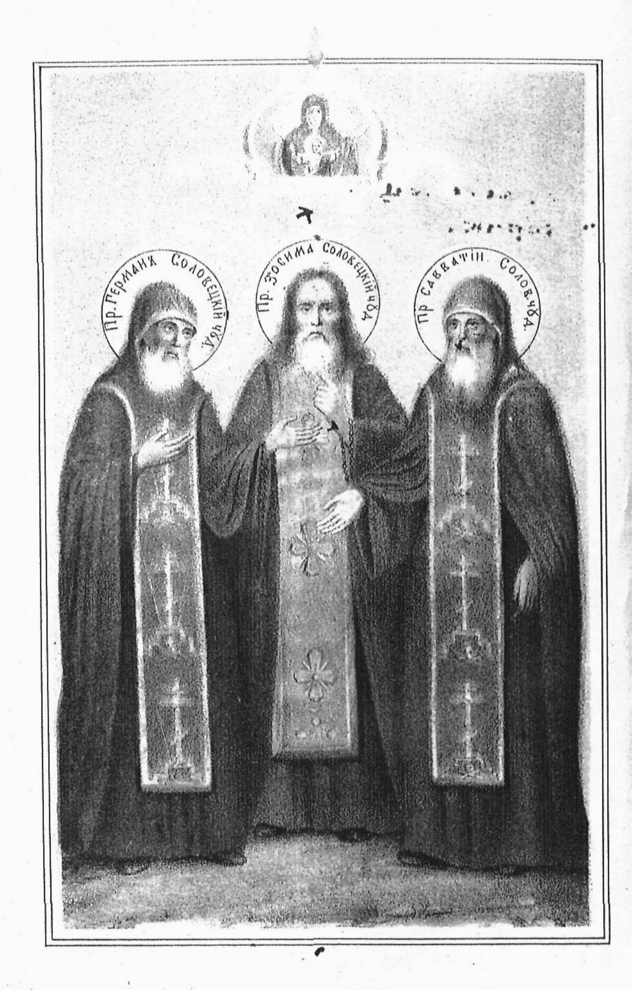


Пр. Германъ Соловецкій чуд.
Пр. Зосима Соловецкій чуд.
Пр. Савватій Солов. чуд.

Соловецкій

ПАТЕРИКЪ

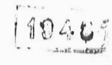
Тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли. Ап. Павла къ Евр. 11, 38.

При книгѣ находятся изображенія:

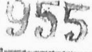
1. Преподобныхъ Савватія, Зосимы и Германа, Соловецкихъ и всея Россіи Чудотворцевъ.
2. Преподобнаго игумена Филиппа, впослѣдствіи св. митрополита Московскаго и Всероссійскаго.
3. Преподобнаго игумена Иринарха и Преподобнаго Елеазара Анзерскаго, Соловецкихъ Чудотворцевъ.
4. Іеросхимонаха Іова, основателя Голгоѳо-Распятскаго скита.
5. Пустынника отца Ѳеофана.
6. Старца отца Наума.

Рисунки:

1. Свято-Троицкій скитъ на Анзерскомъ островѣ.
2. Голгоѳо-Распятскій скитъ на Анзерскомъ островѣ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1873.



От С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры, печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, Іюня 20 дня, 1873 года.
Цензоръ Архимандритъ *Арсеній.*

Типографія и Литографія А. Траншеля, на углу Невск. и Владимірск. пр., д. № 45—1.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

стр.

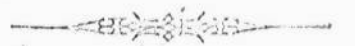
ПУСТЫННИКЪ ѲЕОФАНЪ.

СТАРЕЦЪ НАУМЪ.

ІЕРОСХИМОНАХЪ МАТѲЕЙ.

СХИМОНАХЪ ГЕРАСИМЪ.

МОНАХЪ ПАМФИЛЪ.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ теченіе пяти вѣковъ своего существованія, Соловецкая обитель, служа для всего сѣвернаго края нашего отечества разсадникомъ вѣры и благочестія, воспитала много истинныхъ рабовъ Божіихъ. Одни обрѣли спасеніе въ трудахъ послушанія и иночества; другіе оставили по себѣ память просвѣтительною дѣятельностію среди сѣверныхъ инородцевъ; третьи угодили Господу подвижничествомъ въ пустынномъ уединеніи; наконецъ были и такіе, которые, подражая основателямъ Соловецкимъ, Преподобнымъ Зосимѣ и Савватію, сами положили начало, подъ охраною и вліяніемъ Соловецкой обители, иноческимъ обществамъ, существующимъ до сего времени. Не говоримъ уже о безчисленномъ сонмѣ иноковъ, которые, взявъ свой крестъ, послѣдовали за Божественнымъ Крестоносцемъ и достигли блаженной вѣчности, незнаемые міромъ, въ совершенномъ смиреніи и полной безвѣстности. Между тѣмъ, до настоящаго времени не было сдѣлано ни малѣйшей попытки собрать и соединить отрывочныя сказанія о Соловецкихъ подвижникахъ, наиболѣе замѣчательныхъ. Эти сказанія, записанныя ближайшими свидѣтелями и современниками лицъ и событій, или даже рукою самихъ подвижниковъ, продол-

жали переходить изъ рода въ родъ, составляя какъ бы нѣкоторое духовное наслѣдство, дорогое для тѣхъ, которые поставили задачею своей жизни: подражать подвигамъ предковъ.

Наша цѣль — представить благосклонному вниманію читателя то, что сохранилось въ письменныхъ памятникахъ объ особенно замѣчательныхъ Соловецкихъ отцахъ. Наше повѣствованіе, начинаясь съ основателей и первоначальниковъ Соловецкаго иночества, продолжается чрезъ рядъ вѣковъ до настоящаго времени. Святое сѣмя иночества, насажденное подвижническою рукою Преподобныхъ Зосимы и Савватія на дикій и необитаемый островъ Студенаго моря, не переставало приносить плоды до ближайшей къ намъ современности. Надѣемся, что оно, при благословеніи Божіемъ, останется также плодоносно и на будущее время.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Иночество.—Характеръ его.—Соловецкое иночество.—Испытаніе.—Послушничество.—Постриженіе — Монашество.—Схима.—Вседневная жизнь.—Утреня.—Литургія.—Трапеза.—Вечерня.—Правило.—Настоятель.—Соборъ.—Должности.—Чреда священнослуженія.—Послушанія.—Кончина.

Иноческая жизнь, и по назначенію и по свойству своему, есть внутренняя, сокровенная. Хотя внѣшнія событія, совершавшіяся съ какою-либо обителью, и привлекаютъ, главнымъ образомъ, вниманіе повѣствователей; но для исторіи монашества они имѣютъ значеніе второстепенное, такъ какъ главною цѣлію подвижнической жизни служитъ спасеніе души. Не борьба съ внѣшними врагами, не успѣхи матеріальной и промышленной жизни, не дѣятельность исключительно среди міра для цѣлей земныхъ — назначеніе иноковъ, а борьба съ внутренними врагами спасенія, совершающаяся въ тайной храминѣ души, успѣхи жизни нравственной, дѣятельность въ высшей степени духовная — вотъ призваніе инока. Подвиги на этомъ поприщѣ большею частію остаются извѣстны одному всевидящему Богу.

Въ первыя времена христіанства, когда иночество, быстро развившись въ пустыняхъ Египта, поразило свѣтъ противоположностію правиламъ мірской жизни, многіе собирали свѣдѣнія о подвижникахъ и описывали ихъ образъ жизни. Изъ этихъ описаній составились Патерики, Лавсаики, Лугъ духовный.

Посѣтители отшельниковъ были люди благочестивые, искавшіе назиданія и записывавшіе поучительныя изреченія и подвиги благочестія древнихъ отцевъ.

Въ настоящее время монашеская жизнь есть уже явленіе обыкновенное. Многіе не считаютъ подвигомъ того, что люди, отказываясь отъ связей семейныхъ и гражданскихъ, отъ удовольствій міра, заключаются въ стѣны какой-либо обители; не ставятъ въ особую заслугу того, что инокъ проводитъ большую часть дня въ церковной службѣ и молитвахъ. Подчиненный строгому монастырскому уставу относительно пищи и безпрекословнаго повиновенія настоятелю, смиренно проходящій свое званіе безъ особыхъ подвиговъ, инокъ часто сходитъ въ могилу невѣдомымъ никому. Посѣтители обителей говорятъ о зданіяхъ и мѣстоположеніи, личныхъ впечатлѣніяхъ своихъ, иногда о порядкѣ службы, но духовная жизнь иноковъ для нихъ закрыта. Сами иноки, частію по смиренію, а частію по многосложнымъ послушаніямъ, не ведутъ лѣтописей своихъ обителей. Они не предаютъ памяти потомства подвижнической жизни своихъ собратій, и такимъ образомъ черты особенныхъ доблестей, проявляющіяся въ обителяхъ, остаются незамѣченными. Если бы въ каждой обители составляли свѣдѣнія о замѣчательныхъ инокахъ и эти свѣдѣнія сохранялись при монастырскомъ архивѣ, тогда списокъ подвижниковъ былъ бы полнѣе и у многихъ исправились бы неточныя понятія о монашествѣ.

Если мы прослѣдимъ жизнь Соловецкаго инока отъ поступленія его въ монастырь до кончины, то увидимъ, что и обыкновенная жизнь его есть подвигъ.

Только искренняя, твердая рѣшимость всецѣло служить Богу для спасенія души своей можетъ побудить кого-либо искать пристанища на пустынномъ Соловецкомъ островѣ. Этотъ островъ отдѣленъ отъ обитаемыхъ мѣстъ, по меньшей мѣрѣ, на сорокъ верстъ волнами Бѣлаго моря, прекращающаго своими льдами на восемь мѣсяцевъ сообщеніе съ берегомъ. Скудная растительность его, восьми-мѣсячная темная зима съ туманами и постоянною сыростію, не особенно привлекательны

для жизни, кромѣ выгоды уединенія и удаленія отъ міра. Казалось бы послѣ этого, одной рѣшимости жить на такомъ островѣ достаточно было бы для доказательства искренняго желанія монашеской жизни: однако никто не принимается прямо въ число послушниковъ. Всякій приходящій въ обитель живетъ первоначально въ качествѣ годоваго богомольца, какихъ бываетъ постоянно не менѣе 300 человѣкъ, помѣщающихся внѣ монастыря въ трехъ зданіяхъ, или и внутри монастыря, смотря по нуждѣ и удобству въ разныхъ мастерскихъ. Въ теченіе года ищущій монашества, трудясь въ послушаніяхъ, имѣетъ довольно времени размыслить — способенъ ли онъ къ монастырской жизни, узнать братство, въ средѣ котораго желаетъ подвизаться, и усмотрѣть для себя духовнаго отца, которому могъ бы довѣриться въ духовной жизни. Если, по прошествіи года, намѣреніе его остается неизмѣннымъ, то монастырское начальство еще внимательнѣе наблюдаетъ за нимъ и лишь чрезъ нѣсколько лѣтъ приписываетъ къ разряду послушниковъ. Никому изъ приходящихъ не дѣлается предпочтенія; всѣ наравнѣ пользуются одинаковою пищею, въ отдѣльной отъ иноковъ палатѣ, одинаковую имѣютъ одежду, помѣщаются въ общихъ каморахъ, и, по распоряженію нарядниковъ, всѣ наравнѣ выходятъ на труды. Обращается вниманіе только на крѣпость тѣлесныхъ силъ, и малосильнымъ назначаются занятія легчайшія. Среди этихъ послушаній, съ одной стороны, скоро обнаруживаются люди своевольные и легкомысленные, а потому и неспособные къ иноческой жизни; а съ другой — труды, непроизвольные и не всегда пріятные, пріучаютъ духъ къ смиренномудрію, покорности и терпѣнію. Всѣ подвижники, проходившіе съ пользою поприще новоначалія, съ умиленіемъ вспоминаютъ объ этомъ времени. Не скоро труженикъ удостоивается получить особую келью; еще болѣе проходитъ времени до облеченія его въ рясофоръ. Онъ достигаетъ этого долговременными подвигами благочестія и не легкими трудами, и потому принимаетъ съ радостію и веселіемъ. Рѣдкій удостоивается постриженія въ мантію ранѣе 10 лѣтъ по вступленіи въ монастырь. День постриженія бываетъ днемъ

духовнаго торжества для постригаемаго и для всѣхъ, потому что можно ли не радоваться инокамъ, видя сопричисленіе къ ихъ сонму истиннаго раба Божія? Можно ли не веселиться и самому постригаемому, достигающему, послѣ многолѣтнихъ усилій исполненія своихъ искреннихъ желаній? Сердце и сторонняго зрителя не можетъ не умилиться при трогательномъ обрядѣ постриженія, въ которомъ будущій инокъ, отрицаясь міра и всѣхъ его страстей, въ трогательныхъ обѣтахъ дѣвства, нестяжанія и послушанія, воспріемлетъ на себя благое иго Христово. Какъ новорожденное дитя въ таинствѣ крещенія поручается воспріемнику для наставленія его въ истинахъ вѣры и благочестія, такъ и новопостриженный инокъ торжественно предъ алтаремъ, отъ святаго Евангелія, какъ бы отъ руки Христовой, предается, какъ сынъ, духовному отцу, имѣющему научить его подвижничеству.

Тихо и безмятежно, годъ за годомъ, течетъ жизнь инока, по избранному имъ крестному пути, до послѣдняго предѣла, общаго всѣмъ людямъ. Со дня постриженія начинается обязательное выполненіе обѣтовъ, данныхъ при постриженіи, къ которымъ намѣревавшійся быть инокомъ пріучалъ себя съ самаго вступленія въ монастырь. Особенно обѣтъ послушанія настоятелю и братству управляетъ всѣми мыслями, всѣми душевными и тѣлесными силами Соловецкаго инока до конца его жизни; такъ что большая часть здѣшнихъ иноковъ, исполняя многочисленныя послушанія, находятъ покой только на болѣзненномъ одрѣ или въ могилѣ. Священный санъ и разныя монастырскія должности принимаются иноками не по желанію, а единственно по обѣту послушанія. Простившись на всегда съ міромъ, рѣдкіе изъ нихъ выѣзжаютъ на материкъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда нужда и польза общежитія заставляютъ кого-либо оставить монастырь на нѣкоторое время.

Постриженіе въ великую схиму принимаютъ только престарѣлые, изнемогшіе отъ трудовъ или заболѣвающіе къ смерти; но и схимники, находясь въ тѣсномъ затворѣ, по усердію, занимаются какимъ-либо дѣломъ: иной, вооружась очками, дѣйствуетъ иглой; другой вяжетъ новую сѣть или расплетаетъ ста-

рую; немощнѣйшій щиплетъ старыя веревки на конопатку судовъ.

Съ той минуты, какъ утромъ, среди ночной тишины, раздастся въ обители звукъ колокола, призывающій на утреннее молитвословіе, вседневная жизнь Соловецкаго инока представляетъ постоянную смѣну молитвы и труда.

Величественна ночь въ монастырѣ, замкнутомъ со всѣхъ сторонъ тяжелыми запорами. Повсюду безмолвіе, глубокій мракъ, среди котораго, какъ завѣтная звѣзда, мерцаетъ слабый свѣтъ неугасимой лампады, горящей высоко предъ образомъ Богоматери, пробитымъ выстрѣлами непріятеля. Но вотъ ночь преполовилась: среди повсюдной тишины, за часъ до благовѣста къ утрени, раздается на оградѣ и по корридорамъ бѣглый звонъ будильнаго колокольчика, какъ гласъ архангельской трубы, имѣющей въ послѣдній день міра возбудить умершихъ. Со звономъ колокольчика еще не начинается движеніе въ монастырѣ, потому что иноки, вставая теперь съ одра, послѣ кратковременнаго отдыха отъ трудовъ прошедшаго дня, выполняютъ свое келейное правило и посвящаютъ Богу самые начатки помышленій и чувствованій наступающаго дня. Утреннее богослуженіе обыкновенно начинается въ три часа, а въ праздники въ два и въ часъ пополуночи. Незадолго до благовѣста съ разныхъ сторонъ показываются иноки, направляясь преимущественно къ храму Преподобныхъ Зосимы и Савватія, такъ какъ, по существующему обычаю, каждый считаетъ для себя долгомъ, прежде всего, поклониться чудотворнымъ мощамъ св. Угодниковъ и испросить ихъ благословенія и помощи на дневное поприще жизни. Труждающіеся братія, большею частію, остаются для слушанія полунощницы въ храмѣ Преподобныхъ; но настоятель и всѣ священнослужители, кромѣ больничныхъ, обязываются находиться при всѣхъ службахъ въ соборѣ. Отъ утренняго богослуженія не освобождается никто; поэтому будильникъ, въ началѣ полунощницы, помолившись предъ мѣстными иконами и принявъ благословеніе настоятеля, оглядываетъ сперва клиросы и потомъ обходитъ всю церковь для повѣрки, всѣ ли находятся у службы; замѣтивъ отсутствую-

щихъ, отправляется къ нимъ для вторичнаго возбужденія и о непришедшихъ послѣ сего къ богослуженію, по окончаніи полунощницы, доноситъ настоятелю, съ объясненіемъ причины отсутствія. По пропѣтіи тропаря на «Богъ Господь», завѣдующій пекарскою и кухонною службами, сдѣлавъ, по обычаю, поклоненіе предъ мѣстными иконами, принимаетъ у настоятеля благословеніе на приготовленіе пищи, и потомъ, съ огнемъ отъ лампады у храмоваго образа, отходитъ на кухню для возженія очаговъ, на которыхъ изготовляется пища. Съ началомъ чтенія каѳизмъ, иноки, послушники и богомольцы также уходятъ изъ церкви для занятій въ урочныхъ послушаніяхъ, въ которыхъ и проводятъ цѣлый день; остаются въ храмѣ для продолженія молитвы только священно-церковно-служители, старѣйшіе иноки и больничные. Впрочемъ, старшимъ изъ монашествующихъ позволяется бывать у ранней литургіи, если не дѣлается чрезъ то опущеній въ послушаніяхъ. Служеніе въ соборномъ храмѣ совершается продолжительнѣе, нежели въ другихъ церквахъ; здѣсь всѣ стихиры и сѣдальны поются протяжно по диктовкѣ канонарха, и читаются во время утрени два или три поученія: послѣ сѣдальновъ по каѳизмахъ, читается въ простые дни толкованіе дневнаго Евангелія изъ благовѣстника блаженнаго Ѳеофилакта Болгарскаго; въ великій постъ поученія изъ Ефрема Сирина, въ сырную и страстную седмицы — изъ сборника; въ праздники — изъ разныхъ св. отцевъ; на канонѣ по 6-й пѣсни предлагаются чтенія изъ пролога, или синаксари, когда они положены. Лѣствичникъ вычитывается на часахъ великопостныхъ. Утреня въ простые дни продолжается около трехъ часовъ; послѣ нея въ великій постъ отправляется въ притворѣ литія по усопшимъ братіямъ. Послѣ утрени, послѣдовательно одна за другою, совершаются отъ трехъ до пяти раннихъ литургій, такъ что любителю церковныхъ молитвословій можно пребывать въ храмахъ отъ полуночи до полудня. Поздняя литургія бываетъ въ девять часовъ и на ней присутствуютъ настоятель и всѣ священнослужители безъ изъятія. Какъ на утрени и вечерни, такъ въ особенности на литургіи, производится съ ревностнѣйшимъ усердіемъ и благоговѣніемъ не-

опустительное поминовеніе почившихъ отецъ и братій и всѣхъ благотворителей обители, которыхъ имена вписаны въ синодики. Это поминовеніе совершается іеромонахами и благоговѣйнѣйшими иноками. Въ соборномъ храмѣ эту благочестивую обязанность отправляютъ четыре старца; въ прочихъ монастырскихъ и скитскихъ церквахъ по одному. Въ концѣ литургіи іеромонахъ окропляетъ богоявленскою водою приготовленные въ трапезахъ столы, а въ поварнѣ всю пищу; равнымъ образомъ освящаетъ въ хлѣбнѣ и просфорнѣ тѣсто или муку, назначенныя къ печенію для будущаго дня. Послѣ поздней литургіи, въ совокупности съ обѣдомъ, совершается ежедневно чинъ о панагіи. Въ предшествіи канонарха, громко читающаго 144-й псаломъ, чинно идутъ изъ собора въ трапезу впереди клиросные, за ними несется іеромонахомъ на высокомъ блюдѣ уготованная въ честь Пресвятой Богородицы большая просфора; настоятель, съ послѣдующею за нимъ братіею, заключаетъ это торжественное шествіе. Предъ обѣдомъ всею братіею поется Господня молитва «Отче нашъ», и затѣмъ настоятель, или, въ отсутствіи его, чередной іеромонахъ, благословляетъ предложенное *ястіе и питіе. Прежде вкушенія пищи*, *раздробленная* на мелкія части половина Богородичной просфоры разносится по столамъ всей братіи. Братскій обѣдъ всегда состоитъ изъ четырехъ перемѣнъ, между которыми въ мясоястіе, по простымъ днямъ, первенствуетъ соленая треска — кушанье, хотя и не очень любимое непривычными, но для обитателей поморія составляющее пріятнѣйшую, указанную самимъ Промысломъ, основу питанія и здравія. Въ лѣтнее время въ морѣ ловится достаточное количество сельдей, изъ которыхъ приготовляется уха; въ декабрѣ и январѣ добывается изъ подъ льда навага; но многочисленныя озера островов доставляютъ очень мало рыбы, и потому, чаще всего, на братскомъ столѣ появляется похлебка изъ сушеной трески съ мукою; обѣдъ заключается кашей съ молокомъ; въ праздники предлагается и бѣлый хлѣбъ. Постная пища составляется изъ грибовъ, ягодъ и овощей, растущихъ на островахъ. Трапезованіе иноковъ имѣетъ нѣкоторую торжественность, дѣйствующую на умъ и сердце.

Трапеза находится при соборномъ храмѣ Успенія Пресвятыя Богородицы; всѣ стѣны и своды ея украшены изображеніями страстей Господнихъ, Евангельскихъ блаженствъ и ликами преподобныхъ отцевъ въ колоссальномъ видѣ; до 400 иноковъ и послушниковъ возсѣдаютъ за длинными столами; повсюду царствуетъ глубокая тишина, прерываемая звучнымъ голосомъ чтеца, излагающаго добродѣтели и подвиги дневнаго святаго, или трогательныя увѣщанія сладкорѣчиваго Ефрема Сирина, возбуждающія къ воздержанію и покаянію. По окончаніи обѣда совершается возношеніе панагіи, по чину, изложенному въ уставѣ, съ пѣніемъ священныхъ пѣсней. Послѣ трапезы иноки опять расходятся на труды по послушаніямъ. Вино на трапезѣ никогда не предлагается инокамъ; только въ праздничные дни для старѣйшей братіи разрѣшается употребленіе винной порціи, по благословенію настоятеля въ келарской комнатѣ; въ храмовые и высокоторжественные праздники такое угощеніе происходитъ въ кельяхъ настоятеля. Холодный климатъ, продолжительность зимы, сырые туманы, бурные морскіе вѣтры, соленая пища и непрестанные труды, изнурительно дѣйствующіе на тѣло, достаточно извиняютъ подобное снисхожденіе къ человѣческой немощи.

Въ четыре часа пополудни совершается одна за другою двѣ раннія вечерни; благовѣстъ къ поздней вечерни бываетъ въ шесть, а зимою въ пять часовъ, по окончаніи занятій на всѣхъ послушаніяхъ, и потому въ вечернемъ богослуженіи принимаютъ участіе всѣ трудившіеся днемъ иноки и богомольцы. На повечеріи, по обычаю общежительныхъ монастырей, вычитываются каноны: Сладчайшему Іисусу, Божіей Матери и Ангелу Хранителю, съ акаѳистомъ Спасителю или Богородицѣ. Вслѣдъ за повечеріемъ бываетъ въ трапезѣ ужинъ, на которомъ предлагаются три перемѣны, и потомъ, не выходя изъ трапезы, братія слушаютъ молитвы на сонъ грядущимъ съ помянникомъ. Всякое богослуженіе совершается съ должнымъ благоговѣніемъ и безъ малѣйшей поспѣшности, почему даже въ простые дни на всѣ церковныя службы приходится 7—8 часовъ.

Иноческое правило, совершаемое въ нѣкоторыхъ обителяхъ въ храмѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ читается, какъ и на Аѳонѣ, каждымъ инокомъ въ кельѣ. Здѣсь въ вечернихъ молитвахъ участвуютъ съ иноками и годовые богомольцы, а въ лѣтнее время и всѣ пріѣзжающіе поклонники: на нихъ нельзя возлагать бремени, обязательнаго собственно для иноковъ. Кромѣ поклоновъ и упражненія въ умственной молитвѣ, каждый инокъ и послушникъ обязаны ежедневно прочитать извѣстное число каѳизмъ, съ поминаніемъ на «славахъ» живыхъ и умершихъ братій и сродниковъ; нѣкоторые имѣютъ въ обычаѣ неопустительно читать по нѣскольку зачалъ изъ Евангелія и Апостола и разные каноны и акаѳисты. Число, мѣра и время келейныхъ молитвенныхъ упражненій зависитъ, при усердіи къ Богу подвижника, отъ воли и назначенія духовнаго его отца.

Многочисленны виды послушаній, въ которыхъ, вмѣстѣ съ духовными занятіями, упражняются Соловецкіе иноки. Отличное отъ другихъ обителей положеніе Соловецкаго монастыря на уединенномъ и безплодномъ островѣ, въ средѣ малолюднаго и непроизводительнаго поморія, вдали отъ торговыхъ городовъ, заставляетъ иноковъ собственными руками приготовлять потребное для жизни. Здѣсь не сѣютъ и не жнутъ, но, вмѣсто того, нужда породила иныя множайшія и болѣе трудныя занятія. Мы перечислимъ монастырскія послушанія, чтобы дать ближайшее понятіе о дѣятельности и жизни обители. Первое послушаніе—должность настоятеля, которымъ бываетъ всегда архимандритъ, избираемый Святѣйшимъ Синодомъ, большею частію изъ настоятелей или братства иныхъ монастырей, засвидѣтельствовавшій уже себя лично въ достоинствѣ и способностяхъ къ прохожденію ввѣряемой должности. Настоятель есть отецъ, глава и руководитель своей многочисленной семьи, составившейся изъ лицъ, хотя и чуждыхъ другъ другу, различныхъ по званію, характеру, возрасту, состоянію и образованію, но ввѣрившихъ себя, ради Бога и собственнаго спасенія, его отеческому руководству, и положившихъ себѣ за правило творить не свою волю, но волю своего отца. Въ рукахъ настоятеля находятся всѣ части управленія; все отъ него за-

виситъ; малое и великое дѣлается по его велѣнію и указанію; къ нему обращаются всѣ за вразумленіемъ и наставленіемъ во всѣхъ родахъ монастырской дѣятельности, и всѣ его слова и внушенія пріемлются всѣми съ дѣтскою довѣрчивостію, безъ пытливости и разсужденія. По этому и самъ настоятель долженъ имѣть въ себѣ духъ сильный и высокій, обладать преимущественно предъ всѣми знаніемъ священнаго и отеческаго писанія и иноческихъ законоположеній и уставовъ, быть искуснѣйшимъ въ житіи монашескомъ и украшаться благоразуміемъ и опытностію. Труденъ и тяжелъ жребій настоятельскаго служенія. Не удивительно, что многіе, вкусившіе сладость келейнаго безмолвія и подначальной жизни, со страхомъ взираютъ на высоту этого званія и всѣми мѣрами уклоняются отъ такого тяжелаго и многоскорбнаго креста.

За настоятельскою должностію слѣдуютъ послушанія—намѣстника, казначея, благочиннаго, ризничаго и духовника. Во всѣ эти должности настоятель, по совѣту братіи, избираетъ преимущественно старшихъ іеромонаховъ, болѣе благоразумныхъ и трезвенныхъ, послѣ чего они утверждаются въ своихъ должностяхъ указами Московской Святѣйшаго Синода конторы. Эти должностныя лица, вмѣстѣ съ настоятелемъ, составляютъ монастырскій соборъ, носятъ званіе соборныхъ старцевъ и имѣютъ оффиціальныя засѣданія. Въ этомъ соборѣ, подъ вѣдѣніемъ настоятеля, разсматриваются и рѣшаются всѣ главнѣйшія дѣла монастырскаго управленія.

Намѣстникъ есть главный помощникъ настоятеля, заботящійся о благоустройствѣ обители по всѣмъ отраслямъ управленія.

Казначей имѣетъ въ вѣдѣніи и распоряженіи денежныя суммы и всѣ хозяйственные предметы и матеріалы.

Благочинный смотритъ за братіею и богомольцами въ церкви, трапезѣ и по кельямъ.

Ризничій завѣдываетъ всѣмъ церковнымъ имуществомъ, смотритъ за чистотою и благообразіемъ въ храмахъ и наблюдаетъ за своевременнымъ и благоговѣйнымъ отправленіемъ всѣхъ церковныхъ службъ.

Духовникъ обязанъ исповѣдывать братію во время постовъ. Онъ есть духовный врачъ и наставникъ, поучающій своихъ чадъ духовной жизни; по этому келья его открыта днемъ и ночью для всѣхъ, имѣющихъ нужду въ наставленіи и вразумленіи въ случаѣ недоумѣній, мысленной брани и различныхъ соблазновъ, встрѣчающихся въ жизни всякаго подвижника. Въ лѣтнее время для исповѣди поклонниковъ дается ему помощникъ.

Слѣдующее за тѣмъ послушаніе—чреда священнослуженія, отправляется іеромонахами и іеродіаканами и продолжается шесть недѣль. Всѣ іеромонахи и іеродіаконы, кромѣ занимающихся письмоводствомъ, живописью, позолотою и т. п., освобождаясь отъ общихъ послушаній, обязываются неопустительно ходить въ церковь ко всѣмъ службамъ, а въ кельяхъ съ прилежаніемъ и ревностію заниматься чтеніемъ божественнаго писанія и душеполезныхъ книгъ. Только по временамъ іеромонахи и іеродіаконы посылаются настоятелемъ на рыбную ловлю, уборку сѣна въ окрестностяхъ монастыря и сборъ ягодъ и грибовъ.

Далѣе нужно указать на послушаніе уставщика, которымъ всегда бываетъ іеромонахъ или іеродіаконъ, знающій въ совершенствѣ церковный уставъ и столповое знаменное пѣніе. На каждомъ клиросѣ первенствуетъ головщикъ, или зачинщикъ пѣнія. За ними слѣдуютъ пѣвцы, между коими на половину бываютъ іеромонахи и іеродіаконы, имѣющіе способность къ пѣнію, чтецы, канонархи, пономари, будильникъ.

Кромѣ этихъ, собственно церковныхъ послушаній, есть много должностей и занятій монастырскихъ, таковы: библіотекарь, правитель дѣлъ въ учрежденномъ соборѣ, письмоводители, звонари, закупщики, экономъ и нарядники, келарь, рухольный, амбарный, шкипера и механики (аттестованные по экзамену), живописцы, литографы, серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастера, позолотчики, рѣзчики, гранильщики и полировщики камней, часовщики, свѣчники, красильщики суконъ и холстовъ, мѣдники, слесаря, просфорники, хлѣбники, переплетчики, печатники, столяры, дрожечники, телѣжники, санники,

колесники, купоры, плотники, маляры, стекольщики, рыболовы, кузнецы, портные, сапожники, кожевники, шорники, канатчики, прядильщики, сѣтники, валяльщики, каменосѣчцы, каменьщики, кирпичники, печники, штукатуры, матросы, кочегары, мельники, солодовники, салотопники, пильщики, огородники, гостинщики, трапезники, повара, квасовары, прачешники, звѣроловы, смолокуры, угольники, дрововозы, конюхи, скотники, пастухи и прочіе, исправляющіе простыя и черныя работы. Соловецкое общежитіе своими средствами удовлетворяетъ большей части своихъ потребностей. Каждое отдѣльное занятіе называется послушаніемъ. Въ каждомъ послушаніи старшій и болѣе опытный именуется старостою, который и управляетъ порученнымъ ему дѣломъ и дѣлателями, подлежа самъ надзору и отвѣтственности предъ намѣстникомъ и экономомъ. Иныя послушанія исполняются многими лицами, на примѣръ въ портной и чеботарной до 70 человѣкъ; до 60 человѣкъ въ мореходствѣ на пароходахъ, шкунахъ и ладьяхъ; 30 мальчиковъ зимой занимаются пряденіемъ пеньки для рыболовныхъ сѣтей и неводовъ; до 40 человѣкъ, особенно въ лѣтнее время, упражняются въ рыболовствѣ; по 10 иногда горновъ дѣйствуетъ въ кузницѣ. Не говоримъ о сѣнокосѣ, на которомъ между всѣми, вблизи монастыря, является и настоятель. Главное вниманіе обращается на то, чтобы никто не оставался безъ дѣла и, особенно, чтобы никто не дѣлалъ чего либо самовольно.

Въ рукодѣльныхъ послушаніяхъ существуетъ благочестивое обыкновеніе—при каждомъ начатіи дѣла съ молитвою обращаться къ Богу, и потомъ, если дѣло совершается вмѣстѣ съ другими, каждый обращается къ старшему съ словомъ: «благослови, отче»,—и, получивъ отвѣтъ: «Богъ благословитъ», ограждается крестнымъ знаменіемъ и принимается за дѣло, совершая его съ молитвою въ умѣ, какъ бы предъ очами самого Бога и подъ Его всесильнымъ руководствомъ и помощію.

Блаженны иноки, которые, по уставу общежитія, отрекшись отъ своей воли, въ безпрекословной покорности, съ евангельскимъ самоотверженіемъ, проходятъ поприще своей жизни въ непрестанномъ трудѣ и всегдашней молитвѣ. За всѣ свои по-

двиги они не ждутъ себѣ награды на землѣ. Умираетъ инокъ—и три удара въ большой колоколъ возвѣщаютъ братіи о смерти сомолитвенника; останки, окутанные въ мантію, переносятся въ церковь, гдѣ до отпѣванія читается Псалтирь или Евангеліе, если умершій имѣетъ санъ священства. По отпѣваніи, давъ послѣднее цѣлованіе, несутъ усопшаго на кладбище и опускаютъ въ могилу съ большимъ на колокольнѣ трезвономъ, которымъ выражается радость Церкви, что преставленный, скончавъ теченіе, идетъ на мѣсто покоя. Возвратившись въ храмъ и совершивъ надъ кутіею послѣднюю литію, предстоятель и всѣ иноки полагаютъ 12 поклоновъ съ молитвою: «упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего», и этотъ канонъ долженъ совершать каждый инокъ 40 дней, съ молитвою о преставльшемся. Имя почившаго вписывается во всѣ церковные синодики для вѣчнаго поминовенія, а равнымъ образомъ и каждый братъ вноситъ въ свое поминанье для чтенія при келейномъ правилѣ. Надъ каждою могилою водружается большой деревянный крестъ въ ознаменованіе того, что почившій, отъ рожденія и до кончины, несъ крестъ свой, былъ истиннымъ послѣдователемъ Божественнаго Крестоносца и прешелъ отъ жизни земной въ жизнь нескончаемую въ уповаціи на крестныя заслуги своего Искупителя и Спасителя.

ПОДВИЖНИЧЕСТВО.

(Общій взглядъ).

Во главѣ Соловецкаго подвижничества сіяютъ; подобно лучезарнымъ звѣздамъ, Преподобные отцы Савватій, Зосима и Германъ. Они основатели и благоустроители своей обители; они первые жители необитаемаго Соловецкаго острова, разлившіе яркій свѣтъ вѣры и благочестія на весь сѣверный край нашего отечества. Подвиги ихъ неизгладимо начертаны въ исторіи Соловецкой обители и память ихъ свято чтится Православною Церковію. Примѣръ подвижнической жизни Соловецкихъ первоначальниковъ привлекъ къ нимъ многихъ послѣдователей, искавшихъ иноческаго безмолвія на отдаленномъ сѣверѣ, среди неблагопріятныхъ условій жизни, наиболѣе способствовавшихъ подвижничеству. Иночество процвѣло на Соловецкомъ островѣ, и обитель Преподобныхъ Савватія, Зосимы и Германа воспитала многихъ подвижниковъ, достойныхъ памяти потомства. Вліяніе этихъ замѣчательныхъ мужей было весьма благотворно для окружавшей ихъ среды, а жизнь ихъ остается поучительною для всѣхъ.

Кромѣ подвижниковъ, просіявшихъ въ Соловецкой обители, въ ней приняли монашество и духовно возрасли приснопамятные іерархи Россійской Церкви—патріархи Іоасафъ I и Никонъ, митрополиты —Исидоръ новгородскій, Иларіонъ псков-

скій, Игнатій тобольскій, Рафаилъ астраханскій, Іовъ новгородскій; архіепископы — Маркеллъ вологодскій и Варсонофій архангелогородскій. Патріархъ Никонъ, оставившій въ нашей церковной исторіи неизгладимую память, постриженъ въ иночество Преподобнымъ Елеазаромъ, основателемъ Анзерскаго скита, который и былъ первымъ мѣстомъ строгихъ подвиговъ его. Здѣсь, въ теченіе четырехъ лѣтъ, Никонъ созрѣвалъ для будущихъ великихъ дѣлъ церковнаго управленія и научался терпѣнію, которое было необходимо ему при послѣдующей превратности судьбы его. Такимъ образомъ духовное вліяніе Соловецкой обители, не ограничиваясь ближайшими предѣлами, распространялось на все наше отечество.

ПРЕПОДОБНЫЙ САВВАТІЙ, СОЛОВЕЦКІЙ ПЕРВОНАЧАЛЬНИКЪ И ЧУДОТВОРЕЦЪ.

Жизнь въ Кирилло-Бѣлоезерскомъ монастырѣ.—Переходъ въ Валаамскую обитель.—Свиданіе съ Германомъ.—Прибытіе на Соловецкій островъ.—Предвѣщательное знаменіе.—Предчувствіе кончины.—Отплытіе къ рѣкѣ Выгѣ.—Встрѣча съ игуменомъ Наѳаниломъ.—Причащеніе.—Бесѣда съ Іоанномъ. — Кончина и погребеніе. — Перенесеніе мощей.—Прославленіе.

Первымъ мѣстомъ иноческихъ подвиговъ Преподобнаго Савватія былъ Кирилло-Бѣлоезерскій монастырь. Проводя жизнь свою въ постѣ, бдѣніи и молитвахъ, онъ служилъ назидательнымъ примѣромъ для всѣхъ иноковъ. Послушаніе игумену и братіи и прилежное исполненіе монастырскихъ службъ пріобрѣло ему уваженіе и любовь со стороны знавшихъ его. Но, не терпя славы человѣческой, смиренный инокъ замыслилъ удалиться изъ монастыря въ уединенное мѣсто. Дошелъ до него слухъ, что на озерѣ Нево (нынѣ Ладожское), на островѣ Валаамѣ, есть пустынный монастырь Преображенія Господня, въ которомъ иноки, пріобрѣтая нужное для жизни трудами рукъ своихъ, отличаются особенною строгостію своихъ подвиговъ. Савватій просилъ игумена и братію отпустить его туда, куда влекло его желаніе сердца, и, получивъ благословеніе ихъ, перемѣстился въ Валаамскій монастырь. Но смиренная душа его и здѣсь не обрѣла себѣ покоя: скоро онъ своими подвигами превзошелъ всѣхъ, и опять

слава и удивленіе со стороны сподвижниковъ его были удѣломъ добродѣтельнаго инока.

Савватій началъ искать еще болѣе уединеннаго мѣста. Возвеселилась пустынnолюбивая душа его, когда онъ узналъ, что на далекомъ сѣверѣ, въ морѣ, есть необитаемый Соловецкій островъ, отстоящій отъ берега на значительное пространство. Настоятель и братія, любя Преподобнаго, не хотѣли лишиться сожительства его и усердно просили не оставлять ихъ. Савватій, поживъ съ ними еще нѣсколько времени, не могъ преодолѣть тайнаго влеченія своего духа и, помолившись Богу, ночью удалился изъ монастыря и направилъ свой путь къ Соловецкому острову.

Достигнувъ морскаго берега, Преподобный получилъ отъ мѣстныхъ жителей подробныя свѣдѣнія о цѣли своего путешествія. Островъ, говорили ему, отстоитъ отъ берега далеко, и путь къ нему по бурному морю весьма опасенъ; въ окружности около ста верстъ и имѣетъ рыбныя озера, прѣсную воду, горы, лѣса, но необитаемъ именно по причинѣ неудобства сообщенія съ берегомъ; изрѣдка посѣщаютъ его рыбаки и, кончивъ свое дѣло, опять оставляютъ. Такіе разсказы болѣе и болѣе воспламеняли духъ Савватія: Преподобный видѣлъ, что именно тамъ—на Соловецкомъ островѣ—онъ достигнетъ желаемаго безмолвія и уединенія. Понявъ намѣреніе инока, прибрежные жители представляли ему неудобства жизни на пустынномъ островѣ: „чѣмъ ты будешь тамъ питаться и одѣваться? какъ ты будешь жить въ такомъ отдаленіи отъ людей?“ Но старецъ всю надежду полагалъ на Господа. Скоро промыслъ Божій указалъ ему и будущаго сожителя на Соловецкомъ островѣ. Пришедши къ рѣкѣ Выгѣ, Савватій нашелъ инока Германа, проживавшаго при часовнѣ, который подтвердилъ все, слышанное старцемъ отъ прибрежныхъ жителей. Тогда они оба уговорились плыть на островъ, и для этого заготовили лодку, съѣстные припасы и орудія, необходимыя для жизни въ пустомъ мѣстѣ. Плаваніе ихъ было спокойное: Господь видимо благословлялъ намѣреніе иноковъ. Съ какою радостію они увидѣли необитаемый островъ, съ какимъ восторгомъ вышли на

берегъ! Съ версту отъ берега, они нашли близъ озера мѣсто, которое показалось имъ удобнымъ для жительства. Здѣсь они водрузили крестъ, поставили келію и поселились. Пріобрѣтая себѣ скудное пропитаніе трудами рукъ своихъ, они пребывали въ постоянной молитвѣ и славословіи Господа.

Къ утѣшенію пустынниковъ, Господь особеннымъ знаменіемъ показалъ будущее предназначеніе Соловецкаго острова. Прибрежные жители стали завидовать Преподобнымъ, считая себя наслѣдственными владѣльцами всего прибрежья и острововъ Бѣлаго моря. И вотъ, по общему совѣту, одинъ рыбакъ, съ женою и со всѣмъ домомъ, приплылъ на островъ и поселился недалеко отъ кельи иноковъ. Преподобные Савватій и Германъ не прерывали порядка своей жизни. Разъ, въ воскресный день, рано утромъ, окончивъ келейное правило, о. Савватій съ кадильницею вышелъ изъ кельи покадить крестъ, водруженный по прибытіи на островъ, и услышалъ громкій плачъ какъ бы лица, подвергаемаго біенію. Въ ужасѣ, думая, что это мечтаніе, Преподобный возвратился въ келью и разсказалъ своему сожителю о слышанномъ воплѣ. Германъ, выйдя изъ кельи, также услышалъ стоны и крики и, достигши мѣста, откуда они раздавались, нашелъ женщину въ слезахъ, которая разсказала ему слѣдующее: „когда я шла на озеро къ своему мужу, встрѣтили меня два свѣтлые юноши; схвативъ меня, они били меня прутьями, говоря: уходите съ этого мѣста; вамъ нельзя здѣсь жить, потому что, по волѣ Божіей, оно предназначено для проживанія иноковъ.“ Послѣ этого юноши сдѣлались невидимы. Германъ, возвратившись въ келью, передалъ Савватію все слышанное отъ женщины, и оба прославили Бога. Между тѣмъ рыбакъ, устрашенный видѣніемъ, взявъ жену и имѣніе свое, отплылъ обратно въ село, гдѣ прежде жилъ. Съ этого времени никто изъ мірскихъ людей не дерзалъ селиться на островѣ.

Нѣсколько лѣтъ протекло уединенной жизни Преподобныхъ на пустынномъ островѣ. Душа Преподобнаго Савватія нашла себѣ здѣсь покой и безмолвіе, къ которымъ стремилась съ такою твердостію и постоянствомъ. Когда Германъ отплылъ на

рѣку Онегу, для пріобрѣтенія жизненныхъ потребностей, то о. Савватій остался на островѣ совершенно одинъ—предъ лицемъ всевидящаго Бога, Который зрѣлъ его терпѣніе, молитвенные труды, духовные подвиги. Утѣшаемый посѣщеніемъ св. ангеловъ, Преподобный упражнялся въ непрестанномъ богомысліи, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе созрѣвалъ для вѣчности.

Предчувствуя приближеніе своей кончины, Пр. Савватій пожелалъ причаститься св. Таинъ, и для сего, сѣвъ въ небольшую лодку, поплылъ къ берегу. Послѣ двухдневнаго плаванія, онъ вышелъ на сушу и направился къ часовнѣ на рѣкѣ Выгѣ, гдѣ въ то время находился игуменъ Наѳанаилъ, прибывшій для посѣщенія православныхъ христіанъ. По устроенію Божію, игуменъ, идучи къ одному больному для Причащенія, встрѣтилъ Соловецкаго пустынника на пути къ Выгѣ— и эта встрѣча много обрадовала того и другаго: Савватій утѣшался, что нашелъ искомое, а Наѳанаилъ съ веселіемъ смотрѣлъ на сѣдины и постническое лицо Преподобнаго, о которомъ такъ много слышалъ. „Прошу тебя, отецъ, говорилъ Пр. Савватій отъими грѣхи, которые исповѣдую тебѣ, властію, данною тебѣ отъ Бога, и сподоби меня причащенія св. Таинъ— давно я уже желаю усладить свою душу этою Божественною пищею. Напитай меня Ею теперь. Христосъ Богъ указалъ мнѣ тебя для очищенія согрѣшеній, сдѣланныхъ мною во всю жизнь мою—словомъ, дѣломъ и помышленіемъ.“ Наѳанаилъ отвѣчалъ: „Богъ проститъ тебѣ, братъ,“ и, помолчавъ, въ удивленіи, со слезами произнесъ: „О, если бы я имѣлъ грѣхи твои, Преподобный!“ Савватій продолжалъ: „конецъ жизни моей приблизился, прошу тебя, немедля сподоби меня Божественнаго причащенія.“ Игуменъ предлагалъ Преподобному идти къ часовнѣ и пождать тамъ до утра, пока онъ возвратится отъ больнаго. «Отецъ, говорилъ Савватій, не откладывай до завтра, мы не знаемъ, будемъ ли еще живы сегодня, а что будетъ дальше, какъ намъ знать?“ Наѳанаилъ, исполняя желаніе Преподобнаго, Причастилъ его и, братски облобызавъ, просилъ подождать въ часовнѣ своего возвращенія. Долго и усердно Преподобный молился, благодаря Бога за Причащеніе и всѣ милости

Его, и потомъ, войдя въ келью, сталъ приготовляться къ отшествію изъ этой жизни.

Въ то время присталъ къ берегу, близъ часовни, плывшій съ товаромъ новгородскій купецъ Іоаннъ. Онъ нашелъ въ кельѣ Преподобнаго Савватія, который, вступивъ въ бесѣду съ купцомъ, поучалъ его нищелюбію, милосердію и другимъ добрымъ дѣламъ. Іоаннъ предлагалъ старцу на нужды отъ своего имѣнія, но Преподобный ничего не хотѣлъ взять и сказалъ ему: «сынъ мой, останься здѣсь до утра,—увидишь милость Божію и благополучно отправишься въ путь». Іоаннъ не хотѣлъ ждать другаго дня, сталъ собираться въ дорогу; но вдругъ поднялась буря, которая развела сильное волненіе въ рѣкѣ и морѣ; купецъ, хотя и противъ воли, заночевалъ. На другой день вѣтеръ стихъ, и Іоаннъ пришелъ въ келью принять отъ Преподобнаго Савватія напутственное благословеніе. Толкнувъ нѣсколько разъ съ молитвою въ дверь, онъ не получилъ отвѣта, и когда затѣмъ вошелъ въ келью, то увидѣлъ Преподобнаго сидящимъ въ монашескомъ одѣяніи и кадильницу стоящую близъ него. Іоаннъ сказалъ: „прости меня, рабъ Божій, что я вошелъ къ тебѣ; прошу, дай мнѣ благословеніе, чтобы мнѣ благополучно идти въ свой путь.“ Но отвѣта не было. Думая, что Преподобный спитъ, Іоаннъ подошелъ къ нему, коснулся рукою, и только тогда понялъ, что святая душа его уже воспарила къ Отцу Небесному. Въ то время возвратился отъ больнаго игуменъ Наѳанаилъ и, увидѣвъ Преподобнаго скончавшимся, со слезами лобызалъ честное тѣло его. Оба они, Наѳанаилъ и Іоаннъ, съ удивленіемъ припоминали, какъ одинъ преподалъ ему св. Тайны на пути, по указанію промысла Божія, и какъ другой—тѣмъ же промысломъ Божіимъ—былъ удостоенъ слышать предсмертныя наставленія Преподобнаго Савватія. Кончина его произошла 27 сентября, 1435 г. Тѣ же—игуменъ Наѳанаилъ *и купецъ* Іоаннъ—*совершивъ по чину* церковному отпѣваніе Преподобнаго, предали честное тѣло его погребенію. Мощи Преподобнаго Савватія были перенесены въ Соловецкій монастырь при Препод. игуменѣ Зосимѣ и положены въ землю за алтаремъ Успенскаго собора, гдѣ и почивали до

1566 года. Въ этомъ году, 8 августа, онѣ, вмѣстѣ съ мощами Препод. Зосимы, перенесены въ придѣлъ, устроенный во имя сихъ Чудотворцевъ. На московскомъ соборѣ, бывшемъ при митрополитѣ Макаріи, въ 1547 году, установлено на ряду съ другими отечественными святыми совершать память Преподобнаго Савватія 27 сентября. Въ настоящее время св. Мощи его покоятся въ Зосимо-Савватіевской церкви, въ богато украшенной ракѣ.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИГУМЕНЪ ЗОСИМА, СОЛОВЕЦКІЙ ЧУДОТВОРЕЦЪ.

Происхожденіе.—Тайное влеченіе къ иночеству.—Встрѣча съ Германомъ.—Прибытіе на Соловецкій островъ.—Видѣніе.—Построеніе монастыря.—Зима въ одиночествѣ.—Чудесная помощь.—Построеніе Преображенской церкви.—Игумены Павелъ и Ѳеодосій—Игуменъ Преподобный Зосима.—Чудо съ просфорою.—Распространеніе монастыря—Перенесеніе мощей Преподобнаго Савватія.—Обиды прибрежныхъ жителей.—Путешествіе Зосимы въ Новгородъ.—Пророчество и видѣніе—Предсмертныя бесѣды.—Назначеніе игумена.—Кончина.—Погребеніе.—Прославленіе.

Спустя одинъ годъ по смерти Преподобнаго Савватія, продолжателемъ подвиговъ его на пустынномъ Соловецкомъ островѣ явился Преподобный Зосима. Если Преподобный Савватій былъ Соловецкимъ первоначальникомъ, первымъ инокомъ, пожившимъ на островѣ въ подвигахъ поста и молитвы, то Преподобнаго Зосиму должно признать основателемъ Соловецкой обители и первымъ благоустроителемъ ея.

Преподобный Зосима происходилъ изъ новгородской области, села Толвуя, близъ озера Онеги. Родители его, Гавріилъ и Варвара, воспитали своего сына въ благочестіи и добрыхъ правахъ. Съ молодыхъ лѣтъ Зосима былъ смиренъ, тихъ и кротокъ и, научившись грамотѣ, особенно любилъ чтеніе божественныхъ книгъ. По достиженіи совершеннолѣтія, онъ не хотѣлъ вступить въ бракъ и, покоряясь тайному влеченію, ушелъ изъ родительскаго дома, надѣлъ черное платье и поселился въ одномъ пустынномъ мѣстѣ. Здѣсь Пр. Зосима, вдали отъ людей, какъ отшельникъ, предался молитвѣ, посту и богомыс-

лію. Скоро промыслъ Божій указалъ ему путь жизни. Познакомившись съ инокомъ Германомъ, жившимъ съ Преподобнымъ Савватіемъ на Соловецкомъ островѣ, Пр. Зосима слышалъ отъ него, какъ этотъ островъ, со своими лѣсами и озерами, пригоденъ для монашеской и пустынной жизни. Въ юномъ отшельникѣ появилось желаніе быть преемникомъ подвиговъ Преподобнаго Савватія, и онъ просилъ о. Германа проводить его на Соловки. Въ это время родители Пр. Зосимы умерли. Похоронивъ ихъ и раздавъ имѣніе ихъ бѣднымъ, о. Зосима съ Германомъ отправились къ Соловецкому острову. Путешествіе ихъ было благополучно, и они пристали къ острову, близъ прѣсноводнаго озера. Здѣсь, поставивъ себѣ изъ древесныхъ вѣтвей кущу, пустынники совершили всенощное бдѣніе, моля Господа благословить намѣреніе ихъ. Господь утѣшилъ ихъ пророчественнымъ видѣніемъ: утромъ Преподобный Зосима, выйдя изъ кущи, увидѣлъ необыкновенный свѣтъ, осіявающій всю окрестность, и на востокѣ, на воздухѣ, прекрасную и великую церковь. Удивленный этимъ видѣніемъ, пустынникъ поспѣшилъ въ кущу. О. Германъ, замѣтивъ перемѣну въ лицѣ своего сожителя, спросилъ его, не видѣлъ ли онъ чего-либо необыкновеннаго? Пр. Зосима разсказалъ ему все, что видѣлъ. При этомъ о. Германъ, вспомнивъ о чудесномъ прогнаніи мірянъ съ острова еще при Савватіи и о пророчествѣ, что здѣсь будутъ жить иноки, сказалъ Пр. Зосимѣ: «не ужасайся и будь внимателенъ; мнѣ кажется, что чрезъ тебя Господь соберетъ множество монаховъ». Разсказъ о. Германа о событіи при Савватіи утѣшилъ Пр. Зосиму, и они рѣшились строить монастырь. Помолившись Богу, пустынники принялись рубить лѣсъ для построекъ, поставили ограду и кельи. Своими руками они добывали себѣ пропитаніе, воздѣлывая и засѣвая землю. Но эти тѣлесные труды нисколько не ослабляли молитвенныхъ подвиговъ ихъ.

Впрочемъ, пустынники должны были перенести много испытаній, прежде чѣмъ увидѣли свою обитель населенною иноками. О. Германъ отправился на приморскій берегъ и замедлилъ тамъ нѣкоторое время. Когда онъ хотѣлъ отплыть на

островъ, то уже не могъ слѣдовать туда, по причинѣ бурной осенней погоды; ужасный вѣтеръ поднялъ въ морѣ сильное волненіе и нагналъ множество льду, такъ что всякое сообщеніе съ Соловецкимъ островомъ было пресѣчено. Такимъ образомъ о. Германъ зазимовалъ на берегу, а пр. Зосима одинъ остался на островѣ. Одному Богу, вѣдущему сокровенное и тайное, извѣстны труды и подвиги, понесенные Преподобнымъ Засимою въ эту зиму. Его укрѣпляла непоколебимая надежда на Бога, къ Которому онъ былъ привергенъ «отъ ложеснъ, отъ чрева матере» своея (Псал. 70, 6). Много онъ принялъ искушеній и отъ ненавистника всякаго добра-духа злаго, который старался устрашить его различными привидѣніями. Мужественный воинъ Христовъ ограждался крестомъ и молитвою, какъ непреоборимымъ оружіемъ, и усилія вражіи оставались тщетными.

Къ духовной брани присоединились заботы о пропитаніи въ мѣстѣ, столь отдаленномъ отъ человѣческихъ жилищъ. Зима была продолжительная и суровая; припасы, заготовленные лѣтомъ, истощились. Преподобный недоумѣвалъ, чѣмъ ему прокормиться до лѣта; отъ времени до времени смущала его мысль—умереть голодною смертію. О. Зосима не поддавался унынію и утѣшался упованіемъ на промыслъ Божій, столько разъ уже благодѣявшій ему. Скоро Господь помогъ Своему подвижнику. Къ Зосимѣ пришли два незнакомца и вручили ему запасъ хлѣба, муки и масла, говоря: «возьми, отецъ, и употребляй, а мы, если Господь повелитъ, придемъ къ тебѣ». Преподобный въ изумленіи не спросилъ, откуда они, а незнакомцы ушли и болѣе не возвращались. Ясно было, что это посѣщеніе Божіе, и что промыслъ Божій хранилъ своего избранника.

По окончаніи зимы, Германъ приплылъ съ рыбакомъ Маркомъ, пожелавшимъ раздѣлить съ Преподобными уединеніе, а также привезъ достаточное количество пищи и мрежи для рыбной ловли. Вскорѣ Маркъ принялъ монашеское постриженіе и былъ первымъ ученикомъ Преподобныхъ. Примѣру его послѣдовали многіе прибрежные жители, которые, приплывая на

островъ, строили себѣ кельи подлѣ келій Пр. Зосимы и Германа, и снискивали пропитаніе трудами рукъ своихъ. Преподобный Зосима, видя умноженіе учениковъ, построилъ небольшую деревянную церковь въ честь Преображенія Господня, на томъ мѣстѣ, гдѣ было ему пророчественное видѣніе храма въ воздухѣ; къ церкви придѣлалъ небольшую трапезу и открылъ общежитіе. Такимъ образомъ основалась Соловецкая обитель, до нынѣ сохраняемая милостію Божіею, не смотря на всѣ пережитыя ею испытанія.

Устроивъ монастырь, Пр. Зосима послалъ одного инока въ Новгородъ, къ архіепископу Іонѣ, съ просьбою о назначеніи игумена и за благословеніемъ на освященіе храма. Архіепископъ опредѣлилъ Соловецкимъ игуменомъ іеромонаха Павла, который, по прибытіи въ Соловки, освятилъ церковь Преображенія Господня. Но этотъ игуменъ, не вынося трудностей пустынной жизни, скоро возвратился въ Новгородъ. То же случилось и съ преемникомъ его—игуменомъ Ѳеодосіемъ. Тогда братія Соловецкаго монастыря положили на общемъ совѣтѣ—не брать себѣ игуменовъ изъ другихъ монастырей, а избирать изъ среды своей. Приводя въ исполненіе свое рѣшеніе, они отправили къ новгородскому архіепископу посланныхъ, съ просьбою, чтобы онъ призвалъ отца ихъ—Зосиму и рукоположилъ его въ священство и игуменство, хотя бы и не безъ сопротивленія со стороны смиреннаго старца. Архіерей такъ и сдѣлалъ: вызвавъ къ себѣ письмомъ Преподобнаго, убѣдилъ его принять священство и игуменство. Получивъ для своей обители богатыя жертвы гражданъ, состоящія изъ денегъ, одеждъ, сосудовъ, съѣстныхъ припасовъ, Преподобный съ честію былъ отпущенъ владыкою въ Соловки. Съ радостію братія привѣтствовали возвращеніе своего уважаемаго и любимаго настоятеля. Знаменіе благодати Божіей еще болѣе усилило общее почтеніе къ Препод. игумену. Когда онъ совершалъ въ своей обители первую литургію, то лицо его свѣтилось, какъ лицо ангела, и церковь исполнилась особеннаго благовонія. Преподобный, по окончаніи богослуженія, благословилъ просфорою нѣкоторыхъ купцовъ, бывшихъ въ то время въ обители,

а они, выйдя изъ церкви, по неосторожности, обронили ее. Проходя мимо, инокъ Макарій замѣтилъ пса, который старался схватить что-то и не могъ, по причинѣ поднимавшагося пламени. Приблизившись, Макарій увидѣлъ, что это просфора, потерянная купцами. Поднявъ ее, инокъ принесъ къ Преподобному игумену и, къ немалому удивленію всѣхъ, разсказалъ свое видѣніе.

Съ умноженіемъ братій, прежняя деревянная церковь оказалась тѣсною. Пр. Зосима построилъ новую, большихъ размѣровъ, въ честь Успенія Божіей Матери, а также поставилъ много келій и распространилъ монастырь. Кромѣ того, въ благословеніе увеличивающейся обители своей, онъ рѣшился перенести мощи Преподобнаго Савватія, скончавшагося на рѣкѣ Выгѣ и погребеннаго при тамошней часовнѣ. Въ этомъ намѣреніи Преподобный окончательно утвердился посланіемъ иноковъ Кирилло-Бѣлоезерскаго монастыря. «Мы слышали—писали иноки—отъ пришельцевъ изъ вашей страны о Соловецкомъ островѣ, что онъ издревле былъ необитаемъ, по причинѣ неудобства морскаго пути, а теперь на этомъ островѣ, по волѣ Божіей и ходатайству Пресвятой Богородицы, вашимъ стараніемъ сооруженъ монастырь честнаго Преображенія Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, собралось множество братіи и все устроилось прекрасно. Только вы лишены одного блага,—именно забытъ вами Препод. Савватій, прежде васъ жившій на этомъ мѣстѣ, скончавшійся въ постѣ и трудѣ,—подобно древнимъ преподобнымъ отцамъ, — совершенный въ добродѣтели. Онъ всею душею возлюбилъ Христа, удалился отъ міра и получилъ блаженную кончину. Нѣкоторые иноки нашего монастыря, будучи въ Новгородѣ, слышали повѣствованіе боголюбиваго Іоанна, какъ онъ на рѣкѣ Выгѣ сподобился видѣть Преподобнаго Савватія и получилъ отъ него духовное наставленіе, и, по кончинѣ, похоронилъ его съ игуменомъ Наѳанаиломъ. Разсказалъ Іоаннъ нашимъ братіямъ, какъ Богъ, по молитвамъ Преподобнаго Савватія, чудесно сохранилъ его съ братомъ Ѳеодоромъ отъ потопленія въ морѣ. Мы слышали, что у гроба его совершились и другія знаменія

и чудеса. Онъ угодникъ Божій, и мы свидѣтели добродѣтельной жизни его, потому что этотъ блаженный отецъ довольно пожилъ съ нами въ Кирилловскомъ монастырѣ. По этому мы даемъ вамъ духовный совѣтъ,—не лишайтесь такого дара, поспѣшите перенести къ себѣ Преподобнаго и блаженнаго Савватія, чтобы мощи его находились тамъ, гдѣ онъ потрудился много лѣтъ». Такое посланіе, какъ нельзя болѣе, согласовалось съ желаніемъ самого Препод. Зосимы и Соловецкой братіи. Приготовивъ корабль, они отправились съ попутнымъ вѣтромъ на поморское прибрежье. Достигнувъ рѣки Выги и откопавъ гробъ Препод. Савватія, они нашли мощи нетлѣнными, невредимою и самую одежду,—въ воздухѣ разлилось необычайное благоуханіе. Съ пѣніемъ священныхъ пѣсней, Соловецкіе иноки перенесли св. раку на корабль и съ попутнымъ вѣтромъ благополучно достигли своей обители. Первоначально честныя Мощи были положены въ землѣ, за алтаремъ Успенскаго собора, и надъ ними устроена часовня. Многіе болящіе, приходя сюда съ вѣрою, получали исцѣленіе по молитвамъ Преподобнаго. Самъ о. Зосима каждую ночь горячо молился въ этой часовнѣ, и часто утренняя заря заставала его на молитвѣ. Купецъ Іоаннъ, бывшій при погребеніи Савватія, и съ братомъ своимъ Ѳеодоромъ, имѣя къ нему особенную любовь, написалъ образъ Преподобнаго и съ щедрымъ подаяніемъ вручилъ его игумену Зосимѣ. Съ благоговѣніемъ, принявъ и лобызавъ изображеніе первональника Соловецкаго, о. Зосима поставилъ его въ надгробной часовнѣ и обратился къ Преподобному съ слѣдующими словами: «хотя ты и окончилъ временную жизнь тѣломъ, но не отступай отъ насъ духомъ, руководствуй насъ ко Христу Богу, наставляя соблюдать заповѣди Господни, носить крестъ свой и послѣдовать нашему Владыкѣ. Имѣя дерзновеніе ко Христу и Пречистой Богоматери, будь молитвенникомъ и ходатаемъ о насъ недостойныхъ, жительствующихъ въ этой обители, которою ты начальствуешь; будь помощникомъ и заступникомъ предъ Богомъ нашему братству, чтобы мы, по твоимъ молитвамъ, пребыли невредимыми

отъ злыхъ духовъ и людей, прославляя св. Троицу, Отца, Сына и св. Духа».

Поселеніе иноковъ на пустынномъ островѣ, основаніе и распространеніе Соловецкой обители возбудили зависть корыстолюбивыхъ и недоброжелательныхъ людей. Многіе изъ Корельскихъ жителей, а также поселенцевъ боярскихъ и служителей вельможныхъ господъ, приплывали къ острову, ловили въ озерахъ рыбу, а монастырю ловить не позволяли, называя себя хозяевами и владѣльцами Соловецкихъ острововъ. Въ жару спора они обижали Препод. Зосиму и всѣхъ иноковъ досадными словами и дѣлали имъ всякія непріятности; даже грозили разорить обитель и выгнать оттуда монаховъ. Преподобный игуменъ рѣшился отправиться къ новгородскому архіепископу Феофилу и просить у него помощи и защиты. Прибывъ въ Новгородъ, Пр. Зосима былъ благосклонно принятъ архіепископомъ, который совѣтовалъ ему изложить свои нужды предъ главными боярами, управлявшими городомъ. Препод. Зосима обошелъ ихъ домы и просилъ не допустить обители своей до разоренія: всѣ знатные люди обѣщали ему свою помощь. Но между всѣми новгородскими боярами въ то время отличалась богатствомъ и вліяніемъ на дѣла Мареа Борецкая: ея то поселенцы и рабы особенно часто причиняли разныя обиды Соловецкому монастырю. Заслышавъ о Соловецкомъ игуменѣ и предубѣжденная противъ него наговорами своихъ домашнихъ, она повелѣла съ безчестіемъ отогнать его отъ своего дома. Съ терпѣніемъ и кротостію принялъ Препод. Зосима это безчестіе и пророчески сказалъ своимъ ученикамъ: «настанетъ время, когда жители этого дома не будутъ ходить по своему двору; двери дома затворятся и уже не отворятся: этотъ дворъ опустѣетъ». Видя доброе расположеніе бояръ къ Соловецкой обители, архіепископъ созвалъ ихъ къ себѣ, вновь изложилъ имъ обиды монастырю отъ пришлыхъ людей и убѣдилъ помочь монастырю. Игуменъ получилъ отъ доброхотныхъ дателей много пожертвованій на нужды обители церковными сосудами, св.

одеждами, золотомъ, серебромъ, хлѣбомъ. Скоро и сама Мароа раскаялась, что оскорбила Преподобнаго и желая загладить причиненную ему обиду, пригласила его къ себѣ на обѣдъ. О. Зосима, по своему незлобію, принялъ это приглашеніе, и когда вошелъ въ домъ боярыни, то былъ съ честію встрѣченъ самою хозяйкою и всѣмъ семействомъ ея и посаженъ на почетномъ мѣстѣ. Всѣ ѣли и пили съ знаками живѣйшаго удовольствія, а Преподобный сидѣлъ молча и, по обыкновенію, мало вкушалъ отъ предлагаемой пищи. Взлянувъ на гостей, онъ въ изумленіи опустилъ глаза; взлянувъ въ другой и третій разъ, онъ видѣлъ то же самое, именно: шесть главнѣйшихъ бояръ сидящими безъ головъ. Понявъ, что означаетъ это видѣніе, Преподобный вздохнулъ и прослезился, и уже не могъ вкушать ничего изъ снѣдей, какъ ни просили его собесѣдники. Послѣ обѣда Мароа, испросивъ у Пр. Зосимы прощеніе за прежнее оскорбленіе, дала монастырю во владѣніе землю, утвердивъ это пожертвованіе грамотою. Когда Преподобный вышелъ изъ дома ея, то ученикъ его, Даніилъ, спрашивалъ его о причинѣ скорби и слезъ во время обѣда; о. Зосима объяснилъ ему свое видѣніе, замѣтивъ, что эти шесть бояръ будутъ со временемъ обезглавлены, и просилъ никому не говорить объ этомъ. Немного спустя по возвращеніи Преподобнаго въ обитель, исполнилось и пророчество его о запустѣніи дома Борецкой, и видѣніе во время обѣда. Смиривъ Новгородъ силою оружія, великій князь Іоаннъ III повелѣлъ казнить тѣхъ шесть бояръ, которыхъ Преподобный Зосима видѣлъ обезглавленными, а Мароу Борецкую отправить въ ссылку. Имѣніе ея было разграблено, домъ и дворъ запустѣли.

Преподобный Зосима, достигнувъ маститой старости и предчувствуя приближеніе кончины, сталъ приготовляться къ переходу въ вѣчность. Онъ устроилъ себѣ гробъ и часто со слезами смотрѣлъ на него, памятуя свою смерть. Когда постигла его болѣзнь, то, призвавъ братію, говорилъ имъ: «вотъ я отхожу изъ этой временной жизни, а васъ предаю всемилостивому Богу и Пречистой Богородицѣ; скажите, кого желаете

имѣть игуменомъ вмѣсто меня?“ При этомъ случаѣ выразилась общая любовь учениковъ къ своему учителю. Всѣ со слезами говорили умирающему игумену своему: «мы хотѣли бы, отецъ нашъ, съ тобою быть погребенными, но это не во власти нашей; пусть же Тотъ, Кто возвѣстилъ тебѣ отшествіе изъ этой жизни, Христосъ Богъ нашъ, пусть Онъ дастъ намъ чрезъ тебя наставника, который управлялъ бы нами ко спасенію; да почіютъ надъ нами благословеніе и молитвы твои,—позаботившись о насъ въ этой жизни, не оставляй насъ сирыми по отшествіи твоемъ къ Богу». Преподобный отвѣчалъ: «я сказалъ вамъ, дѣти, что предаю васъ въ руки Господа и Пречистой Богородицы, а такъ какъ вы относительно игумена возложили свое упованіе на Бога, Пречистую Богоматерь и мое смиреніе, то дабудетъ вамъ игуменомъ Арсеній,—онъ способенъ къ управленію монастыремъ и братіею»,—этими словами Препод. Зосима вручилъ игуменство благочестивому иноку Арсенію. «Вотъ я поставляю тебя, братъ, строителемъ и управителемъ св. обители этой, и всей братіи, собранной любовію къ Богу. Берегись, чтобы не утратилось что либо изъ монастырскихъ законоположеній, какъ то: относительно соборной церковной службы, ястія и питія въ трапезѣ, и другихъ монастырскихъ обычаевъ, уставленныхъ мною; пусть все это будетъ цѣлымъ и ненарушимымъ. Господь да направитъ стопы ваши къ дѣланію заповѣдей Своихъ, молитвами пречистой госпожи Владычицы нашей Дѣвы Богородицы и всѣхъ святыхъ, а также и угодника своего Препод. Савватія. Господь нашъ Іисусъ Христосъ да защититъ васъ отъ всѣхъ вражескихъ навѣтовъ и утвердитъ въ божественной любви. Я, хотя и разлучаюсь отъ васъ тѣломъ, отдавая долгъ природѣ, но духомъ пребуду съ вами неотступно. Вы узнаете, что я обрѣлъ благодать предъ Богомъ, когда, по моемъ отшествіи, обитель распространится, соберется множество братіи, это мѣсто процвѣтетъ духовно, и въ тѣлесныхъ потребностяхъ небудетъ имѣть скудости». Сказавъ все это братіи, онъ цѣловалъ ихъ въ послѣдній разъ, всѣхъ благословилъ, съ воздѣяніемъ рукъ молился о монастырѣ, своей духовной паствѣ и о себѣ; наконецъ пере-

крестился и произнесъ: «миръ вамъ!» Послѣ этого, поднявъ потухающіе глаза вверхъ, проговорилъ: „Владыко Человѣколюбче, сподоби меня стать одесную Тебя, когда Ты придешь во славѣ судить живыхъ и мертвыхъ и воздать каждому по дѣламъ“; затѣмъ Преподобный Зосима легъ на одръ и предалъ душу свою Господу, для Котораго трудился всю свою жизнь. Это было 18 апрѣля 1478 г. Совершивъ отпѣваніе, иноки похоронили своего игумена въ гробѣ, который онъ самъ приготовилъ, за алтаремъ Преображенскаго собора, а въ послѣдствіи устроили надъ его могилою часовню, въ которой поставили св. иконы. Всѣ вѣрующіе, притекая сюда съ молитвою, получали, по молитвамъ Преподобнаго, облегченіе скорби и исцѣленіе болѣзней. Московскій соборъ, бывшій при митрополитѣ Макаріѣ въ 1547 году, положилъ, на ряду съ другими отечественными святыми, совершать память Преподобнаго Зосимы въ день его кончины 17 апрѣля. 8 августа 1566 года св. Мощи его, вмѣстѣ съ мощами Преп. Савватія, перенесены въ придѣлъ, устроенный въ честь сихъ Чудотворцевъ. Въ настоящее время мощи Преподобнаго Зосимы находятся, въ богато украшенной ракѣ, въ Зосимо-Савватіевской церкви.

ПРЕПОДОБНЫЙ ГЕРМАНЪ, СОЛОВЕЦКІЙ ЧУДОТВОРЕЦЪ.

Происхожденіе.—Простота и благочестіе.—Посѣщеніе Соловецкаго острова.—Жизнь на рѣкѣ Выгѣ при часовнѣ.—Встрѣча съ Преподобнымъ Савватіемъ.—Пребываніе на Соловецкомъ островѣ съ Преподобными Савватіемъ и Зосимою.—Труды для обители.—Кончина.—Перенесеніе св. мощей въ обитель.—Явленіе Преподобнаго.

Препод. Германъ былъ родомъ изъ города Тотьмы. Родители его были люди простые и благочестивые, почему Германъ въ юности своей не былъ наученъ даже и начаткамъ образованія и на всю жизнь остался неграмотнымъ; но умъ и сердце его безъ школы и книгъ были воспитаны въ строгихъ правилахъ христіанской нравственности и благочестія. Съ юныхъ лѣтъ, стремясь къ Богоугожденію и спасенію, онъ, по достиженіи зрѣлаго возраста, посвятилъ себя всецѣло на служеніе Богу въ иноческой жизни. Молва о чрезвычайномъ удобствѣ Соловецкаго острова для пустыннаго подвижничества привлекла его на Бѣломорскій берегъ, и съ рыболовами лѣтомъ, вѣроятно 1428 года, онъ посѣтилъ мѣсто своихъ будущихъ подвиговъ. Хотя Соловецкій островъ вполнѣ соотвѣтствовалъ влеченіямъ его души и представлялся ему совершенно удобнымъ для глубокаго безмолвія, однакоже онъ не рѣшился остаться тамъ на жительство одинъ. По окончаніи лѣта, Германъ возвратился съ рыболовами на Поморскій берегъ и, поселившись на рѣкѣ Выгѣ при часовнѣ, подвизался въ молитвѣ и постѣ.

Но, узнавъ и полюбивъ Соловецкій островъ, Препод. Германъ сдѣлался проводникомъ и сожителемъ первымъ обитателямъ его — Преподобнымъ Савватію и Зосимѣ. Удалившись изъ Валаамскаго монастыря и отыскивая болѣе уединенное мѣсто, инокъ Савватій, объятый огнемъ божественной любви

и смиренномудрія, устремился къ Бѣлому морю, съ непреодолимымъ желаніемъ достигнуть Соловецкаго острова. На рѣкѣ Выгѣ онъ встрѣтился съ Препод. Германомъ, отъ котораго еще болѣе услышалъ объ удобствѣ Соловецкаго острова для пустынножительства. Заготовивъ ладью, съѣстные припасы и орудія для воздѣлыванія земли, иноки поплыли на островъ и поселились въ кельѣ съ версту отъ берега. Здѣсь они были утѣшены особеннымъ знаменіемъ, предвѣщавшимъ будущее предназначеніе острова. На островѣ поселился рыбакъ съ женою. Въ одинъ воскресный день, рано утромъ, Препод. Савватій услышалъ плачь и стоны, и когда Препод. Германъ пошелъ къ мѣсту, откуда они слышались, то увидѣлъ женщину въ слезахъ, которая и разсказала ему, что два свѣтлые юноши били ее, повелѣвая оставить островъ, опредѣленный, по волѣ Божіей, для жительства иноковъ. Послѣ этого рыбакъ съ женою отплылъ съ острова.

Нѣсколько лѣтъ продолжалось это пустынное сожительство Преподобныхъ Германа и Савватія. Оно кончилось вмѣстѣ съ смертію Преп. Савватія, которая случилась въ отсутствіе Преп. Германа на рѣку Онегу за припасами, и случилась не на островѣ, а на рѣкѣ Выгѣ, куда Препод. Савватій приплылъ, въ предчувствіи кончины, для причащенія св. Таинъ. По смерти Препод. Савватія, Германъ нашелъ другаго ревнителя пустынной жизни въ юномъ отшельникѣ Зосимѣ, котораго плѣнилъ своимъ повѣствованіемъ о Соловецкомъ островѣ. Пустынники прибыли въ 1436 году на островъ и поселились близъ прѣсноводнаго озера. Препод. Зосима поставилъ себѣ келью, а въ полверстѣ отъ него Германъ устроилъ для себя кущу. Съ этого времени Препод. Германъ дѣлается постояннымъ обитателемъ острова, участникомъ молитвенныхъ подвиговъ Препод. Зосимы и ревностнымъ помощникомъ его въ основаніи монастыря. Будучи человѣкомъ не книжнымъ, но убѣжденный въ томъ, что жизнь великихъ подвижниковъ весьма назидательна, Германъ впослѣдствіи велѣлъ записать клирикамъ для памяти все, что онъ видѣлъ при жизни Препод. Савватія, о пришествіи своемъ съ нимъ на островъ и о разныхъ событіяхъ изъ

жизни блаженныхъ отцевъ. Такихъ записокъ составилось немало: ими воспользовался ученикъ Препод. Германа, Досиѳей, при составленіи житія Преподобныхъ Зосимы и Савватія.

Болѣе 50 лѣтъ Препод. Германъ прожилъ на холодномъ островѣ, стараясь, какъ можно болѣе, быть полезнымъ для обители. И при жизни Препод. Зосимы, и по смерти его, онъ по нуждамъ монастыря не разъ путешествовалъ на твердую землю. Святая любовь не взирала ни на опасности плаванія по обманчивому морю, ни на другія неудобства пути, нелегкія особенно для дряхлой старости. Самая смерть застигла его на службѣ обители. При игуменѣ Арсеніѣ, преемникѣ св. Зосимы, Препод. Германъ, бывъ посланъ въ Новгородъ по дѣламъ монастыря, въ обители св. Антонія Римлянина почувствовалъ близость кончины и, послѣ исповѣди и причащенія св. Таинъ, мирно предалъ духъ свой Богу. Ученики его везли тѣло почившаго въ Соловецкій монастырь, но за распутицею оставили его на берегу рѣки Свири у часовни деревни Хавроньиной. Чрезъ пять лѣтъ, при игуменѣ Исаіи, братія рѣшились перевезти гробъ Препод. Германа въ Соловецкую обитель. Посланные, откопавъ въ землѣ и открывъ гробъ его, нашли мощи нетлѣнными. Гробъ, встрѣченный въ обители съ великою честію, сначала былъ поставленъ близъ алтаря, по правую сторону церкви св. Николая, рядомъ съ мощами Преп. Савватія; потомъ надъ мѣстомъ погребенія Препод. Германа устроена часовня, а въ 1860 году каменная церковь во имя его.

Преданіе сохранило память о явленіи Препод. Германа пресвитеру Григорію на старой Тотьмѣ; почему въ 1602 году этимъ пресвитеромъ былъ составленъ древній тропарь Преподобному и написанъ образъ, гдѣ Преподобный представленъ вмѣстѣ съ св. Зосимою и Савватіемъ. Притекавшіе къ сей иконѣ получали исцѣленія въ тяжкихъ болѣзняхъ. Церковная память Препод. Германа, съ 1692 года, совершается мѣстно въ Соловецкой обители 30-го іюля, по благословенной граматѣ московскаго и всея Россіи патріарха Іоакима.

ПРЕПОДОБНЫЙ ЕЛИСЕЙ СУМСКІЙ.

Время жизни.—Скудость свѣдѣній.—Болѣзнь.—Схима.—Искушеніе.—Буря.—Прибытіе въ Суму.—Кончина.—Свидѣтельствованіе гроба.—Могила Преподобнаго.

Преподобный Елисей жилъ и подвизался въ Соловецкой обители во времена близкія къ Преподобному Зосимѣ и, быть можетъ, былъ его сподвижникомъ, если время земныхъ его подвиговъ въ обители продолжалось довольно долго, ибо о совершившемся надъ Елисеемъ чудѣ Преподобнаго Зосимы повѣствуетъ игуменъ Вассіанъ, настоятельствовавшій въ обители спустя не болѣе 40 лѣтъ послѣ кончины Преподобнаго Зосимы, и повѣствуетъ какъ о давно бывшемъ и слышанномъ имъ отъ древняго старца, бывшаго сотрудникомъ Елисея по послушанію. Изъ жизни Елисея только и извѣстенъ одинъ предсмертный его подвигъ, въ которомъ ясно выразились великое благочестіе старца и помощь горняя, осѣнившая его по заступленію Пр. Зосимы.

Четыре брата, Елисей, Даніилъ, Филаретъ и Савватій, по благословенію своего настоятеля, трудились въ рыбной ловлѣ на рѣкѣ Выгѣ у порога Золотца, въ 60 верстахъ отъ монастыря. Въ одинъ день, когда всѣ они исправляли рыболовныя сѣти, Даніилъ, по откровенію ли Божію, или по какимъ либо внѣшнимъ признакамъ, вдругъ началъ говорить Елисею: „напрасно, братъ, ты трудишься въ исправленіи этихъ сѣтей: не будешь ловить ими рыбу; къ тебѣ приближилась смерть и

ловля твоя окончилась“. Отъ этихъ словъ ужасъ и страхъ объяли Елисея; онъ началъ скорбѣть и тужить, не потому чтобы боялся смерти, а отъ того, что не былъ еще постриженъ въ великій ангельскій образъ (схиму), на мѣстѣ же томъ не было священноинока, который бы совершилъ постриженіе *). Уныніе возрасло въ душѣ старца до изнеможенія тѣлесныхъ силъ. Сердобольные братія утѣшали его, убѣждая положиться на волю Божію, Который всюду и всѣхъ назираетъ всевидящимъ окомъ, видитъ и ихъ нужду и силенъ исполнить всякое желаніе, когда призываютъ Его отъ всей души и чистымъ сердцемъ. Въ заключеніе, видя въ старцѣ умножающіяся скорби и болѣзнь тѣла, предложили ему, чтобъ онъ, ставъ предъ невидимое присутствіе Божіе и прочитавъ „Достойно есть“, съ крестнымъ знаменіемъ, самъ возложилъ на себя схиму, призывая въ помощь и содѣйствіе молитвы и благословеніе Преп. Зосимы и Савватія. Совѣтъ былъ принятъ и исполненъ. Настала ночь; больной положенъ былъ въ постель; упокоились подлѣ него и утомленные сотрудники, но когда они встали отъ краткаго сна, то больнаго уже не было съ ними въ кельѣ. Обратились къ поискамъ и нашли его идущимъ къ нимъ на встрѣчу изъ лѣса и безъ схимы. На вопросъ о случившемся, онъ объявилъ: „множество бѣсовъ пришли къ намъ въ келью, напали на меня съ яростію, силою увлекли отъ васъ, сорвали съ меня схиму, но Преп. Зосима отъялъ меня у нихъ“. Схима была найдена заброшенною на деревѣ. Стар-

---

*) Печаль и заботливость старца о постриженіи въ схиму весьма основательны. На Аѳонѣ и нынѣ принимаютъ всѣ схиму; въ прежнее время было такъ и у насъ. Побужденіе къ сему заключается въ ученіи Отцевъ Церкви. Св. Симеонъ Ѳессалонитскій пишетъ: «предъ смертію иже не совершенъ есть схимою; да совершится, да несовершенъ безъ совершеннѣйшаго совершенія отъидетъ. Суть бо мнози не радящіе о семъ, яко же и прежде ко крещенію закоснѣвавшіи. Но яко не крестившійся не христіанинъ, еще и не имый схимы не монахъ. Тѣмъ же не достигнувый быти монахъ, къ концу своему да будетъ. Величайшій бо есть даръ: царская печать, второе крещеніе, отъ грѣховъ очищаетъ, дары подаетъ, благодатію вооружаетъ, изъемлетъ отъ враговъ. Царю представляетъ, любимича Тому устрояетъ. (Сим. Ѳес. гл. 360, по рукописи).

цы рѣшились во чтобы то ни стало везти Елисея въ Суму (60 верстъ), гдѣ при монастырскомъ подворьѣ находился іеромонахъ. Положили болящаго въ судно и пустились внизъ по рѣкѣ Выгѣ. Эта рѣка весьма неудобна къ плаванію по сильной быстротѣ и множеству подводныхъ каменныхъ пороговъ; старцы часто приходили въ смятеніе отъ опасностей, но болящій ободрялъ ихъ, говоря: „не бойтесь, здѣсь съ нами отецъ нашъ Зосима". Безъ вреда проплыли они опасную рѣку, вышли въ море и достигли пристанища въ рѣкѣ Вирмѣ. Больной между тѣмъ болѣе и болѣе изнемогалъ отъ болѣзни и не переставалъ сокрушаться о лишеніи схимы. Опять настала ночь; на Вирмѣ старцы перемѣнили судно, взяли въ помощь себѣ нѣсколько наемщиковъ для ускоренія плаванія. Когда они находились на срединѣ Сумской губы, возстала великая буря; волны подобились горамъ, на суднѣ разорвался парусъ, сломилась мачта, весла выбило волнами изъ рукъ гребцовъ; къ тому же налегла такая тьма, что плаватели едва видѣли другъ друга. Всѣ были въ отчаяніи, наемники роптали и укоряли иноковъ; но болящій не малодушествовалъ и его успокоивало дивное видѣніе изъ иного міра. „Не бойтесь и не скорбите, братія, говорилъ онъ соплавателямъ, едва дыша отъ изнеможенія; я вижу нашего отца Зосиму съ нами въ суднѣ,—онъ помогаетъ намъ; все это случилось съ нами по дѣйству діавола, желающаго погубить мою душу, но Богъ, по молитвамъ Преп. Зосимы, истребитъ сопостата". Вскорѣ за тѣмъ вѣтеръ мало по малу началъ утихать, волны улеглись, на морѣ водворилась тишина; плаватели очутились близъ сумскаго пристанища, котораго не надѣялись видѣть, отдавшись на волю волнамъ, во тьмѣ ночной, безъ паруса и веселъ. Приставъ къ берегу, старцы съ ужасомъ увидѣли, что болящій скончался, и радость ихъ мгновенно превратилась въ плачъ. Съ горькими слезами они взывали къ Преп. Зосимѣ: „Преподобный Отецъ нашъ, надѣясь на твои молитвы, какой мы вынесли трудъ, какую вытерпѣли въ морѣ бѣду,—и вотъ теперь все это напрасно: что надѣялись получить не получили!" Но, спустя немного време-

ни, въ мертвомъ обнаружилось движеніе, отворились его уста и онъ началъ говорить здраво и смысленно. Взятый на подворье, онъ былъ постриженъ въ великій ангельскій образъ и сподобился причаститься Божественныхъ Таинъ тѣла и крови Христовыхъ; затѣмъ, прославивъ Бога и простившись со всѣми, опять почилъ о Господѣ. Тѣло его погребено было за алтаремъ церкви Святителя Николая съ южной стороны. Проходили годы; многими было забыто и имя его. Спустя болѣе столѣтія, вниманіе къ почившему возбуждено было тѣмъ, что гробъ его обнаружился на поверхности земли—и вскорѣ послѣдовали явленія Преподобнаго и исцѣленія отъ него болящихъ. Для удостовѣренія въ дѣйствительности всего происходящаго въ 1668 году былъ посланъ въ сумскій острогъ царскій стольникъ Александръ Севастьяновичъ Хитрово, который по изслѣдованіи поставилъ надъ гробомъ Преподобнаго небольшую часовню. Второе изслѣдованіе о Преподобномъ Елисеѣ происходило въ 1710 году, по указу архіепископа холмогорскаго Рафаила, при Соловецкомъ архимандритѣ Ѳирсѣ.

Въ настоящее время могила Преподобнаго Елисея находится подъ алтаремъ новой деревянной церкви; надъ могилой поставлена новая деревянная рака съ изображеніемъ на верхней доскѣ лика Преподобнаго. Служатъ ему молебны, но также и панихиды, когда богомольцы съ именемъ Преподобнаго желаютъ помянуть своихъ преставльшихся сродниковъ. Послѣ каждой литургіи сумляне долгомъ почитаютъ сходить на поклоненіе Преподобному въ его часовнѣ; равнымъ образомъ, отправляясь на море для звѣриныхъ промысловъ, у него же испрашиваютъ въ напутствіе благословенія и молитвъ. Явленія и исцѣленія совершаются и нынѣ съ вѣрою приходящимъ. Память Преподобнаго Елисея совершается мѣстно мѣсяца іюня въ 14-й день.

Блаженный Феодоритъ, просвѣтитель лопарей.

Происхожденіе. — Воспитаніе. — Постриженіе. — Іеродіаконство. — Посѣщеніе монастырей — Возвращеніе. — Проповѣдь у лопарей. — Іеромонашество. — Игуменство. — Архимандритство. — Заточеніе. — Посѣщеніе Цареграда. — Кончина.

Урожденецъ Ростова, Феодоритъ ушелъ изъ дома своихъ родителей въ Соловецкій монастырь, и чрезъ годъ, 14-ти лѣтъ, принявъ постриженіе, былъ порученъ на послушаніе престарѣлому и весьма мудрому пресвитеру Зосимѣ *). Феодоритъ прослужилъ неотходно при обители пятнадцать лѣтъ, и, навыкнувъ всякой духовной мудрости, укрѣпился въ подвигахъ добродѣтели. Тогда онъ былъ рукоположенъ новгородскимъ архіепископомъ въ іеродіакона, и, пробывъ одинъ годъ у своего старца, испросилъ у него дозволеніе посѣтить другіе монастыри. Прежде всего онъ направилъ свой путь къ Преподобному Александру Свирскому, который принялъ его любезно, назвавъ при встрѣчѣ по имени; потомъ, обойдя другіе монастыри, поселился въ Кирилло-Бѣлоезерскомъ, гдѣ нашелъ старца Сергія и другихъ святыхъ мужей. Пробывъ года два въ Кирилловской обители, онъ углубился въ пустыни, окру-

*) Вѣроятно, это былъ тотъ Зосима, о которомъ, около 1485 года, упоминается въ житіи Соловецкихъ угодниковъ: онъ жилъ на рѣкѣ Шуѣ и чрезъ него Преподобные Зосима и Савватій явили помощь своей погорѣвшей обители.

жающія этотъ монастырь, и здѣсь нашелъ Порфирія, бывшаго (1521—1534) игумена Сергіева монастыря, Артемія, Іоасафа и другихъ пустынниковъ высокой жизни, уже состарѣвшихся въ иноческихъ подвигахъ. Ѳеодоритъ, проживъ здѣсь около четырехъ лѣтъ, получилъ отъ своего Соловецкаго наставника письмо, въ которомъ онъ, предчувствуя кончину, призывалъ своего ученика къ себѣ. Ни отдаленность разстоянія, ни трудности пути не удержали Ѳеодорита: онъ поспѣшилъ къ своему учителю, чтобы обнять многолѣтняго старца, облобызать его священныя сѣдины, и съ годъ служилъ ему въ его немощахъ и недугахъ, до блаженной его кончины. Послѣ этого Ѳеодоритъ рѣшился принять на себя подвигъ апостольскій: онъ отправился на устье Колы, въ землю дикихъ Лопарей. Съ языкомъ ихъ онъ успѣлъ познакомиться въ Соловецкомъ монастырѣ, потому что, по свидѣтельству житія Преподобныхъ Зосимы и Савватія, многіе сосѣдніе инородцы: Ижора, Чудь, Лопье, Каяне и Мурмане приходили въ обитель Преподобныхъ и, принимая св. крещеніе, дѣлались монахами.

Лопари были самые грубые идолопоклонники, кланялись истуканамъ, боготворили ночныхъ нетопырей, гадовъ и разныхъ пресмыкающихся, ѣли нечистое и скверное, не знали жизни городской и селеніями, а жили отдѣльными семьями. Но это были простыя сердца, на которыхъ сѣмя слова Божія могло принести добрые плоды. Ѳеодоритъ перевелъ нѣкоторыя славянскія молитвы на языкъ Лопарей и обучилъ ихъ истинамъ вѣры. Помощникомъ ему въ христіанскомъ просвѣщеніи Лопарей былъ старецъ Митрофанъ *). Двадцать лѣтъ Ѳеодоритъ трудился въ этомъ святомъ дѣлѣ. Въ Новгородѣ онъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха, нѣсколько времени былъ духовникомъ митрополита и, возвратившись къ Лопарямъ, основалъ тамъ монастырь, который, впрочемъ, принужденъ былъ вскорѣ оставить по ненависти иноковъ, не желавшихъ строгихъ правилъ устава его. Между Лопарями онъ оставилъ уже двѣ

*) См. «Просвѣтители Лопарей, архимандритъ Ѳеодоритъ и св. Трифонъ Печенгскій», Шестакова. Спб., 1868, стр. 23, 24, примѣч.

тысячи крещеныхъ. Удалившись въ новгородскую область, онъ около двухъ лѣтъ былъ игуменомъ одного монастыря, и потомъ, вызванный въ Москву, поставленъ архимандритомъ Суздальскаго Спасо-Евѳиміева монастыря. Ѳеодоритъ въ санѣ архимандрита 5 лѣтъ настоятельствовалъ въ Суздальской Спасо-Евѳиміевой обители (до 1554 года), но, по клеветѣ еретиковъ, единомышленныхъ съ Бакшинымъ, старецъ-труженикъ подвергся двухлѣтнему заточенію въ Кирилло-Бѣлоезерскомъ монастырѣ. Освобожденный изъ заточенія, онъ нѣсколько времени жилъ въ Ярославскомъ монастырѣ, откуда былъ вызванъ въ Москву и въ 1558 году отправленъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ въ Царьградъ съ вопросомъ къ патріарху о коронованіи. Возвратившись изъ Греціи, Ѳеодоритъ принесъ Царю отвѣтное посланіе патріарха, и за эту услугу ему была назначена награда, состоящая изъ 300 сребренниковъ и собольей шубы, крытой аксамитомъ (парчею). Но нелюбостяжательный Ѳеодоритъ пожелалъ принять только 25 сребренниковъ, и когда Царь прислалъ ему и шубу, то инокъ продалъ шубу, деньги роздалъ бѣднымъ, а самъ удалился на покой въ Прилуцкій монастырь, вологодской губерніи. Отсюда онъ два раза посѣщалъ просвѣщенныхъ имъ Лопарей и, наконецъ, послѣ многотрудныхъ подвиговъ и скорбей, почилъ мирно сномъ смерти на мѣстѣ своего постриженія въ Соловецкомъ монастырѣ и погребенъ близъ южной стѣны Преображенскаго собора. Надъ могилой его доселѣ сохранилась бѣлая плита съ слѣдующею надписью: «Лѣта 7079 (1571) августа 17 дня преставися рабъ Божій священно-архимандритъ Суздальскій Евѳиміева монастыря, священно-инокъ Ѳеодоритъ, Соловецкій постриженникъ». Церковь за подвижническую жизнь и просвѣтительскіе труды дала ему титло Блаженнаго.

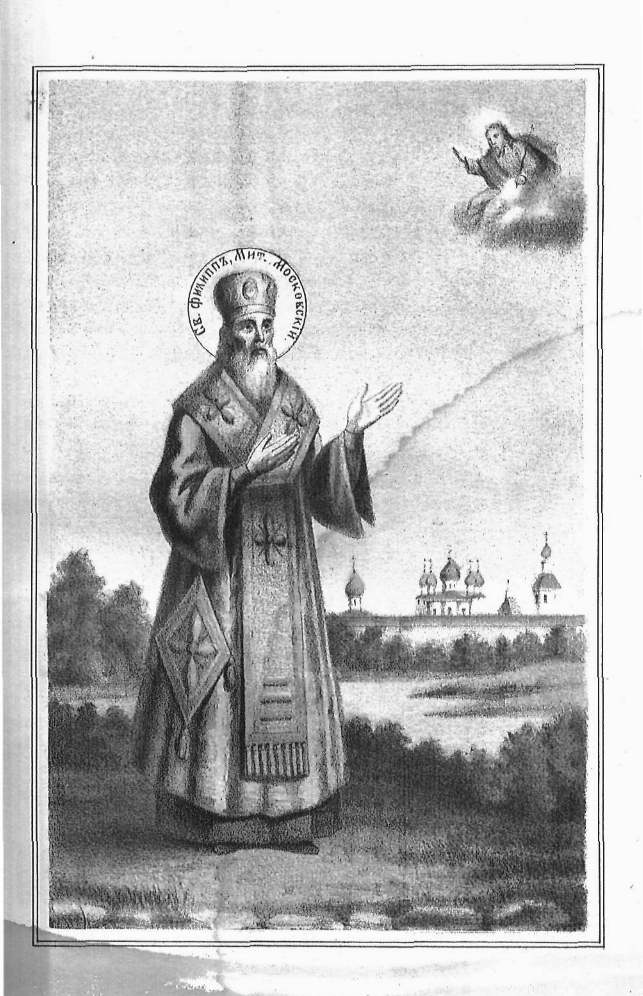
ПРЕПОДОБНЫЙ ИГУМЕНЪ ФИЛИППЪ,

впослѣдствіи св. митрополитъ московскій и всероссійскій.

Происхожденіе. — Воспитаніе. — Служба при дворѣ 5 іюля 1537 г. — Удаленіе изъ Москвы. — Пребываніе въ Хижахъ. — Прибытіе въ Соловецкій монастырь. — Послушаніе. — Монашество. — Отшельничество. — Игуменство. — Улучшеніе монастырскаго хозяйства. — Постройки. — Сооруженіе Успенскаго собора. — Закладка Преображенскаго собора. — *Управленіе волостями.* — *Примѣръ подвижничества.* — Почетъ отъ Царя. — Приглашеніе въ Москву. — Отъѣздъ. — Избраніе на митрополію. — Посвященіе. — Память о Соловецкой обители. — Бесѣда съ Царемъ. — Утѣшеніе скорбящихъ. — 21-е марта и 28-е іюля *1568 года.* — *Слѣдствіе.* — *Судъ 8-го ноября.* — *Послѣднее увѣщаніе Царю.* — *Заключеніе* въ темницу. — Опала Колычевыхъ. — Заточеніе въ Отрочь-монастырь. — Предсмертная молитва. — Мученическая кончина. — Кара клеветниковъ. — Перенесеніе св. мощей въ Соловецкій монастырь. — Прославленіе. — Перенесеніе св. мощей въ Москву.

Въ Соловецкой обители духовно воспитался и принялъ иночество великій свѣтильникъ Россійской Церкви, украсившійся вѣнцемъ мученичества, св. Филиппъ, митрополитъ московскій. Въ этой обители онъ не только самъ навыкъ духовнымъ подвигамъ, но много лѣтъ, какъ опытнѣйшій и искуснѣйшій, руководилъ и другихъ иноковъ на пути спасенія, въ санѣ игумена. Поэтому справедливо Соловецкій монастырь считаетъ его между своими подвижниками и съ особенною любовію прославляетъ имя его.

Этотъ великій мужъ Церкви происходилъ изъ знатнаго дома Колычевыхъ. Отецъ его, Стефанъ, былъ ближнимъ человѣкомъ великаго князя Василія Іоанновича, а мать, Варвара, отличалась благочестіемъ и нищелюбіемъ. 11 февраля 1507 года родился у нихъ первенецъ, названный Ѳеодоромъ. Съ чрезвычайною заботливостію родители воспитывали своего сына, и, какъ только онъ достигъ семилѣтняго возраста, ста-


Св. Филиппъ, Мит. Московскій.

ли учить его грамотѣ, по обычаю того времени, по церковнымъ книгамъ. Въ училищѣ, куда отрокъ былъ отданъ для „книжнаго ученія“, онъ особенно полюбилъ духовное чтеніе и въ раннихъ лѣтахъ выказывалъ особенное благочестіе.

По смерти великаго князя Василія Іоанновича, въ правленіе супруги его Елены, Θеодоръ поступилъ на службу къ великокняжескому двору. Положеніе его было блестящее: правительница ласкала его, а малолѣтній Іоаннъ IV считалъ его между своими приближенными. Но сердце Θеодора не обольщалось славою и внѣшнимъ блескомъ, и не было привязано къ міру. 5-го іюля 1537 года, въ третье воскресенье по пятдесятницѣ, онъ пришелъ въ храмъ, и на литургіи услышалъ Евангельскій гласъ: „никто не можетъ служить двумъ господамъ, ибо или одного будетъ онъ ненавидѣть, а другаго любить, или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть“ (Матѳ. 6, 24). Конечно, слова эти были неоднократно слышаны Θеодоромъ и въ прежнее время; но на сей разъ они благодатно подѣйствовали на него: сердце его распалилось огнемъ божественной любви: отвергнувъ все мірское, онъ рѣшился удалиться въ пустыню и тамъ посвятить себя на служеніе Богу.

Θеодоръ вознамѣрился далеко и навсегда бѣжать отъ міра и всѣхъ соблазновъ его. Посреди этихъ размышленій, пришла ему на память Соловецкая обитель, расположенная на дикомъ островѣ Студенаго моря, самою природою какъ бы отдѣленная отъ міра; припомнились ему и подвиги основателей ея— Препод. Савватія, Зосимы и Германа, принесшихъ христіанство въ сѣверные предѣлы. Туда устремились тайныя думы благочестиваго Θеодора. Собираясь въ далекій путь, онъ поклонился въ Москвѣ св. мощамъ Чудотворцевъ, съ тихою молитвою: „Господи Боже, Спаситель мой и Защититель живота моего! наставь меня на путь Твой, да пойду во истинѣ Твоей“. Потомъ, выждавъ удобное время, втайнѣ отъ всѣхъ, вмѣсто богатой одежды царедворца, надѣлъ убогій кафтанъ простолюдина и скрылся изъ Москвы. Направляясь къ сѣверу и блуждая по пустыннымъ тропамъ ему невѣдомымъ, Θеодоръ

достигъ Онежскаго озера. Въ одной изъ многочисленныхъ побережныхъ деревень — Хижи (хижины)—онъ остановился на отдыхъ, а можетъ быть съ цѣлію скрыть свой слѣдъ, и былъ радушно принятъ добрымъ селяниномъ Субботою. Разсказы о дальности Соловецкаго острова и, конечно, неимѣніе средствъ продолжать путь—побудили Ѳеодора воспользоваться страннопріимствомъ Субботы. Но онъ не хотѣлъ быть въ тягость тому, у кого водворился, и предпочелъ снискивать хлѣбъ трудами рукъ своихъ, ревностно исполняя всѣ возлагаемыя на него работы. Ѳеодоръ вскорѣ заслужилъ довѣренность хозяина, и тотъ поручилъ ему стеречь овецъ своихъ. Въ такихъ сельскихъ занятіяхъ протекло немалое время. Образъ жизни измѣнилъ наружность пришельца, который уже привыкъ къ простымъ и дотолѣ несроднымъ ему трудамъ: нелегко было узнать прежняго царедворца въ сельскомъ пастухѣ. Наступала осень,—и бури, а потомъ льды, прекращающіе на всю зиму сообщеніе съ Соловецкимъ островомъ. Ѳеодоръ простился съ своимъ хозяиномъ и устремился къ желанной цѣли своего путешествія. Между тѣмъ родители, долго и напрасно отъискивая его повсюду, оплакали его, какъ мертваго.

Соловецкій игуменъ Алексій и братія съ любовію приняли пришельца, не вѣдая высокаго рода его, и причли его къ послушникамъ, трудившимся въ обители. Ѳеодоръ съ покорностію принялъ возложенныя на него обязанности, и, не ослабѣвая въ усердіи, проходилъ болѣе полуторыхъ лѣтъ свои тяжкія послушанія. «Удивительно было видѣть, повѣствуетъ современный ему жизнеописатель, какъ этотъ юноша, сынъ знаменитыхъ и славныхъ родителей, воспитанный въ нѣгѣ и покоѣ, предавался суровымъ трудамъ: рубилъ дрова, копалъ землю на огородѣ, таскалъ камни, поднималъ тяжести при рыбной ловлѣ, и все это дѣлалъ съ усердіемъ; часто носилъ на плечахъ своихъ гной и на мельницѣ работалъ со всякимъ прилежаніемъ. Случалось, что онъ испытывалъ отъ неразумныхъ людей униженіе и побои, но, подражая Владыкѣ Христу, все переносилъ со смиреніемъ и никто не зналъ, чей онъ и откуда. „Въ тоже время Ѳеодоръ со вниманіемъ наблю-

далъ образъ жизни Соловецкихъ иноковъ и приводилъ всѣхъ въ удивленіе тою рѣшительностію, съ какою старался подражать имъ, отсѣкая отъ себя мірскія страсти. Наконецъ, болѣе и болѣе разгораясь огнемъ божественной любви, онъ припалъ къ игумену и братіи съ просьбою — сопричислить его къ избранному стаду ихъ. Извѣдавъ на опытѣ благое произволеніе его, настоятель и иноки съ любовію вняли прошенію его. Ѳеодоръ былъ постриженъ и названъ Филиппомъ.

Новоначальный инокъ былъ отданъ на обычное послушаніе своему воспріемнику, высокому по духовной жизни, іеромонаху Іонѣ, который былъ въ юности своей собесѣдникомъ Препод. Александра Свирскаго, тогда уже прославленнаго въ ликѣ святыхъ. Филиппъ помѣстился въ кельѣ благочестиваго старца, научаясь отъ него всякой добродѣтели. Дни онъ проводилъ въ трудахъ и пощеніи, а ночи въ молитвѣ, часто забывая сонъ. Іона радовался о своемъ ученикѣ и пророчески говорилъ о немъ братіи: „этотъ будетъ настоятелемъ въ святой нашей обители". Между тѣмъ Филиппа то назначали надзирателемъ монастырской кузницы: тутъ онъ исправлялъ разныя тяжелыя работы и постоянное обращеніе около огня приводило ему на мысль геенскій огонь; то посылали его въ хлѣбню: и здѣсь онъ не предавался лѣности, но охотно носилъ воду и дрова, являясь къ богослуженію по первому удару колокола. Господь возвеличилъ смиреніе труженика: въ Преображенскомъ соборномъ храмѣ обители донынѣ указываютъ образъ Богоматери „Хлѣбенный", явившійся Филиппу, когда онъ проходилъ послушаніе въ хлѣбнѣ, какъ бы въ знаменіе того, что собственно не высота служенія, а чистосердечная ревность въ прохожденіи его приближаетъ насъ къ Богу. Наконецъ дали ему послушаніе при храмѣ, въ качествѣ экклисіарха,—и здѣсь онъ заслужилъ общую похвалу, почтеніе и любовь.

Но Филиппу страшна была и самая тѣнь человѣческой славы и въ смиренной душѣ его возникло желаніе пустыннаго безмолвія. Онъ удалился изъ монастыря въ глубину острова, въ непроходимый и дикій лѣсъ. Тамъ, измождая тѣло и

побѣждая помыслы, онъ предался молитвенному собесѣдованію съ единымъ Богомъ. Продолжителенъ, многолѣтенъ былъ подвигъ его. Навыкнувъ безмолвію и богомыслію въ тиши уединенія, онъ возвратился въ обитель для того, чтобы трудиться вмѣстѣ съ братіею. Благочестивый игуменъ утѣшался имъ и, приблизивъ къ себѣ, сдѣлалъ своимъ помощникомъ по разнымъ частямъ управленія. Филиппъ былъ правою рукою его, жезломъ старости его: съ нѣжною любовію покорнаго сына онъ покоилъ старца въ болѣзняхъ, утѣшалъ въ скорбяхъ. Въ 1548 году, предчувствуя близость своей кончины и видя достоинства Филиппа, Алексій сталъ намекать о желаніи своемъ передать ему настоятельство; но Филиппъ и слышать не хотѣлъ о предлагаемой власти: ни увѣщанія Алексія, ни просьбы братіи не имѣли надъ нимъ никакого успѣха. Игуменъ, похваляя въ душѣ смиреніе избираемаго, еще сильнѣе желалъ преодолѣть сопротивленіе его. Онъ созвалъ къ себѣ иноковъ и, сказавъ о своей старости и немощахъ, спросилъ ихъ: «кого по немъ изволятъ они въ настоятели?» Всѣ единогласно отвѣчали, что никто не можетъ сравниться съ Филиппомъ житіемъ, разумомъ и опытностію. Тогда Филиппъ не смѣлъ прекословить общему избранію. Игуменъ отправилъ его съ нѣсколькими братіями въ Новгородъ съ просительною грамотою къ архіепископу Ѳеодосію, который былъ предваренъ о цѣли ихъ путешествія. «Отчего не вижу его между вами?» спросилъ онъ посланныхъ, когда они представлялись ему съ грамотою, одни безъ Филиппа. При свиданіи, которое въ слѣдъ за этимъ имѣлъ Филиппъ съ архіепископомъ, Ѳеодосій, усмотрѣвъ въ немъ свѣтлый и обширный умъ и великую духовную опытность, рукоположилъ его въ пресвитера и вручилъ ему игуменскій жезлъ. Получивъ отъ архіепископа для обители церковную утварь и отъ гражданъ щедрую милостыню, Соловецкіе пришельцы съ новымъ игуменомъ отправились въ обратный путь.

Престарѣлый игуменъ Алексій, со всею братіею, торжественно встрѣтилъ Филиппа на пристани съ крестнымъ ходомъ, ввелъ его въ храмъ и поставилъ на свое мѣсто. По прочте-

нія грамоты архіепископа, новый игуменъ сказалъ братіи первое поученіе и предложилъ іереямъ и діаконамъ готовиться къ божественной службѣ. 17 августа 1548 года онъ соборно совершилъ первую литургію. Но и теперь Филиппъ еще не рѣшился принять на себя всю тяжесть старѣйшинства, и видя, что силы Алексія возстановляются, упросилъ старца продолжать управленіе, обѣщая ему совершенную покорность. Хотя и противъ воли, Алексій вторично принялъ жезлъ правленія, а Филиппъ ушелъ въ свою любимую пустыню,—и еще строже, чѣмъ прежде, было уединеніе его. Такъ прошло полтора года, пока изнемогъ совершенно Алексій. Филиппъ опять призванъ былъ къ начальствованію. Похоронивъ старца и, по желанію иноковъ, принявъ надъ ними старѣйшинство, Филиппъ съ прежнею строгостію продолжалъ подвиги, подавая всѣмъ примѣръ добродѣтели, не только словомъ, но и дѣлами, превосходя въ трудахъ каждаго послушника.

Игуменство св. Филиппа продолжалось восемнадцать лѣтъ, считая со дня поставленія его до призванія на Всероссійскую митрополію, и напечатлѣлось въ Соловецкой обители неизгладимыми чертами: тамъ, по истинѣ, если бы умолкли люди, возопили бы самые камни. На всемъ легла печать мудрой прозорливости его, не только для тогдашняго, но и для будущаго благоустройства обители. Распорядительный хозяинъ, кроткій правитель, мудрый наставникъ духовной дѣятельности — вотъ главныя черты св. Филиппа въ качествѣ игумена.

Въ то время монастырскія дѣла были въ затруднительномъ положеніи: число братіи увеличилось, а средства содержанія были скудны; при томъ монастырь не успѣлъ еще обстроиться послѣ пожара 1538 года. Главный источникъ монастырскихъ доходовъ изстари былъ солевареніе, и на него-то Филиппъ обратилъ свое вниманіе, увеличивъ число варницъ на морскомъ берегу шестью. Благоволеніе Царя Іоанна Васильевича выразилось въ 1548 году разрѣшеніемъ продавать 10 тысячъ пудовъ соли (вмѣсто 6 т.) безпошлинно и на вырученную сумму дѣ-

лать, также безпошлинно, необходимыя закупки для монастыря. Устроивъ скотный дворъ въ 10 верстахъ отъ обители, на Муксальмскомъ островѣ, Филиппъ улучшилъ братскую трапезу, а въ лѣса пустилъ лапландскихъ оленей для того, чтобы изъ шкуръ ихъ выдѣлывать платье и обувь. Приготовляясь къ возведенію каменныхъ зданій вмѣсто сгорѣвшихъ деревянныхъ, онъ устроилъ кирпичный заводъ, указалъ мѣста для порубки дровъ на заводъ и монастырь, съ тѣмъ, чтобы эта порубка не только не истребляла безъ нужды лѣсъ, но своею правильностію очищала его и способствовала дальнѣйшему размноженію его. Черезъ лѣса, горы и болота проводились дороги: рука человѣческая приспособляла пустынный островъ для жительства. Въ монастырѣ была устроена мельница; чтобы доставить колесамъ ея необходимое количество воды, игуменъ избралъ изъ многочисленныхъ озеръ острова 52, болѣе удобныя по своему положенію и качеству водъ, соединилъ ихъ каналами, свелъ къ монастырю, гдѣ началъ копать огромный прудъ, который и донынѣ, подъ именемъ Святаго озера, доставляетъ монастырю въ обиліи свѣжую прѣсную воду. Для указанія входа въ заливъ, въ углубленіи котораго стоитъ Соловецкій монастырь, игуменъ сдѣлалъ большія насыпи и на нихъ поставилъ высокіе кресты. Онъ построилъ въ гавани большаго Заяцкаго острова каменную пристань съ палатою и поварнею, а въ монастырѣ двухъ-этажные и трехъ-этажные корпуса для братскихъ келій.

Среди такихъ заботъ св. Филиппъ не усомнился, въ надеждѣ на милость Божію, приступить въ 1552 году къ сооруженію соборнаго храма въ честь Успенія Божіей Матери, съ придѣломъ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи и обширною трапезою. Не имѣя достаточно средствъ для выполненія такого огромнаго предпріятія, игуменъ предварительно обратился къ Царю Іоанну IV, который былъ особенно щедръ къ Соловецкой обители. Государь въ 1550 году пожаловалъ монастырю Колежемскую волость, съ деревнями, угодьями и соляными варницами, а въ слѣдующемъ году приморскую деревню Сороцкую, гдѣ при Троицкой церкви былъ первонально погребенъ

Препод. Савватій. Для строенія Успенскаго собора были призваны изъ Новгорода искусные зодчіе. Въ 1557 году, въ праздникъ Успенія, Филиппъ имѣлъ радость освятить новый храмъ. Едва кончивъ эту постройку, неутомимый игуменъ объявилъ братіи намѣреніе приступить къ созиданію еще болѣе обширнаго и великолѣпнаго храма въ честь Преображенія Господня. Нѣкоторые изъ братіи рѣшились было представить игумену свои опасенія и говорили ему: «Отецъ, монастырь терпитъ недостатки, казна его въ оскудѣніи, отъ городовъ мы удалены; откуда мы возьмемъ злата на совершеніе огромнаго храма»? «Братіе, отвѣчалъ Филиппъ, упованіе на Бога необманчиво; если будетъ угодно Господу дѣло наше, Онъ невидимо подастъ намъ отъ неоскудныхъ своихъ сокровищъ, и домъ святому имени Его воздвигнется несомнѣнно». Иноки успокоились. «Да будетъ, какъ изволишь, сказали они, все, чего просишь у Бога, подастъ тебѣ Богъ». Преображенскій соборъ заложенъ въ 1558 году. Съ особенною любовію занимался Филиппъ сооруженіемъ этого храма; все дѣлалось подъ неусыпнымъ надзоромъ его: своими руками онъ участвовалъ въ работахъ, примѣромъ своимъ возбуждая ревность въ работавшихъ. Царь былъ вкладчикомъ и этого храма: въ 1558 году онъ далъ на строеніе 1000 рублей, а въ 1559 году разрѣшилъ безпошлинный провозъ соли и также безпошлинную закупку для монастыря разныхъ запасовъ. Впрочемъ, Филиппъ не успѣлъ при себѣ окончить строеніе, но приготовилъ утварь, разноцвѣтныя стекла для оконъ, сосуды, книги, ризы, образа, драгоцѣнныя ткани, серебряные подсвѣчники, кадила, и подъ папертію, съ сѣверной стороны, ископалъ себѣ могилу.

Кромѣ благоустроенія обители, св. Филиппу надлежало учредить внутренній порядокъ въ управленіи волостей. Въ то время Соловецкій монастырь владѣлъ многолюдными волостями и пользовался несудимою грамотою, по которой всѣ дѣла, кромѣ уголовныхъ, подлежали духовному суду монастырскаго начальства. Первою заботою игумена было дать правильное устройство волостному управленію, сообразно съ духомъ времени; онъ назначилъ по волостямъ изъ монастырскихъ

старцевъ приказчика, келаря и доводчика, обезпечивъ содержаніе ихъ общественными сборами и нѣкоторыми случайными пошлинами, и издалъ новыя правила судопроизводства и сбора повинностей. Знаніе нуждъ поселянъ и заботливость о благосостояніи ихъ обнаруживаются въ мѣрахъ благочинія, предписанныхъ св. игуменомъ для поддержанія доброй нравственности въ деревняхъ. Онъ старался изгнать вредную праздность, хотѣлъ, чтобы каждый былъ чѣмъ нибудь занятъ и съ юныхъ лѣтъ пріученъ къ труду. Искореняя другой источникъ зла—пьянство и игру въ зернь, обычную забаву того времени, онъ запретилъ то и другое, подъ угрозою тяжкой пени и изгнанія изъ монастырскихъ волостей. Попечительностію игумена все было предусмотрѣно: какія когда исправлять работы, какими сѣменами засѣвать поля; во всѣхъ деревняхъ дозволено было крестьянамъ вареніе соли въ теченіе 160 почей и для этого велѣно отпускать для нихъ ежегодно 600 саженъ дровъ. Вотъ въ какія подробности входилъ заботливый игуменъ, зная, что дастъ отвѣтъ за ввѣренныя ему души; обѣщая удовлетвореніе обиженнымъ, онъ предлагалъ каждому лично объявить предъ нимъ свое неудовольствіе, но никому не грозилъ наказаніемъ «нещадпымъ».

Внутри монастыря св. Филиппъ завелъ полезныя ремесла, необходимыя обители для содержанія многочисленной братіи, получающей, по правиламъ общежитія, готовую пищу и одежду. Для призрѣнія недужныхъ иноковъ, а также богомольцевъ и людей ремесленныхъ, игуменъ устроилъ обширную больницу, гдѣ они находили отдыхъ послѣ трудовъ и облегченіе въ недугахъ. По любви своей къ уединенію, желая и другимъ облегчить подвигъ отшельничества, онъ учредилъ пустыни въ глуши лѣсовъ, а на Заяцкомъ острову цѣлый скитъ съ кельями и службами. Настоятель во всемъ предшествовалъ своимъ примѣромъ и, среди всѣхъ тягостей и заботъ многообразной дѣятельности, не ослабѣвалъ въ подвигахъ иночества и даже отшельничества. По прежнему удручалъ тѣло постомъ, истребляя въ себѣ малѣйшіе остатки чувственныхъ помысловъ и пожеланій. Слово его было растворено солію назиданія и

духовнаго помазанія, но онъ еще продолжалъ искать мудрости въ безмолвіи, и, по временамъ, освобождаясь отъ дѣлъ, любилъ углубляться въ чащу лѣса, въ одно мѣсто, которое и донынѣ извѣстно подъ именемъ «Филипповой пустыни». Здѣсь то уединенно онъ подвизался въ постѣ, молитвѣ и богомысліи. Такъ, переходя отъ подвига къ подвигу, возвышаясь отъ добродѣтели къ добродѣтели, онъ дѣйствовалъ на сердца примѣромъ гораздо болѣе, чѣмъ словами, — силою любви несравненно болѣе, чѣмъ силою власти. Вотъ примѣръ высоты духовной жизни братіи, которою управлялъ св. Филиппъ. Въ іюнѣ 1561 года разбило морскою бурею 15 монастырскихъ лодокъ съ известью и много пловцевъ потонуло. Изъ нихъ иноки Вассіанъ и Іона, и міряне Іоаннъ и Лонгинъ, выброшенные моремъ на берегъ, прославлены отъ Господа нетлѣніемъ мощей и даромъ чудотвореній *).

Молва о мудрости и добродѣтеляхъ Соловецкаго игумена быстро распространилась по всей Россіи; отовсюду потекла милостыня царская и народная на благоустрояемую имъ обитель. Но всѣ самые богатые вклады и дары въ Соловецкомъ монастырѣ ничтожны въ сравненіи съ Іоанновыми: Грозный былъ самымъ усерднымъ вкладчикомъ, по особенному расположенію къ св. Филиппу. Уважая Соловецкаго игумена, Царь призывалъ его въ Москву по важнымъ церковнымъ дѣламъ. Такъ извѣстны путешествія его въ столицу — одно въ 1550 году, по случаю составленія Судебника, а другое въ 1551 году, по случаю собора для открытія казанской епархіи и прославленія святыхъ Русской Церкви. Къ св. игумену присылали для увѣщанія и исправленія заблуждающихъ въ вѣрѣ и даже опальныхъ, навлекавшихъ на себя царскій гнѣвъ. Въ 1554 году, по соборному опредѣленію, былъ присланъ въ Соловецкій монастырь бывшій игуменъ Троицкой лавры, Артемій, обвиненный въ соучастіи съ еретикомъ Башкинымъ; предписано

*) Первые два—Вассіанъ и Іона—почиваютъ въ Преображенской Пертоминской пустынѣ, а послѣдніе, Іоаннъ и Лонгинъ, подъ спудомъ, въ храмѣ селенія Яренги, посвященномъ имени ихъ.

было Филиппу держать Артемія въ строгомъ заключеніи, назначивъ ему надежнаго духовника, навѣщать его, вразумлять и снабжать только такими книгами, которыя назначитъ соборъ, а о поведеніи его доносить мѣстному епархіальному начальству, т. е. новгородскому архіепископу. Позже былъ посланъ на Соловки знаменитый духовникъ Грознаго, Сильвестръ, въ иночествѣ Спиридонъ, который здѣсь свято окончилъ жизнь свою, уважаемый св. Филиппомъ, не смотря на опалу царскую.

Но вся эта многотрудная жизнь св. Филиппа,—воспитаніе въ домѣ родителя, служба при дворѣ, удаленіе отъ міра, произвольная нищета и послушанія въ монастырѣ, подвиги игуменства—всѣ эти состоянія, столь различныя между собою, были только продолжительнымъ и прекраснымъ приготовленіемъ къ кратковременному и еще превосходнѣйшему подвигу. Царь, знавшій св. Филиппа еще въ юныхъ лѣтахъ, чтившій его въ санѣ игумена, готовилъ ему высшую степень іерархическихъ отличій Русской Церкви — бѣлый клобукъ митрополита, а промыслъ Божій въ то же время сплеталъ ему вѣнецъ мученика.

Митрополитъ Макарій, правивъ Русскою Церковью 21 годъ, скончался въ декабрѣ 1563 года. Мѣсто его занялъ Аѳанасій, но, бывъ на каѳедрѣ немного болѣе двухъ лѣтъ, 16 мая 1566 года, удалился въ Чудовъ монастырь. Послѣ него былъ избранъ казанскій архіепископъ Германъ, но жилъ только два дня въ палатахъ первосвятителя и за смѣлыя рѣчи Грозному, еще до посвященія, былъ изгнанъ изъ митрополіи. Выборъ Іоанна теперь остановился на св. Филиппѣ. Особенною грамотою Царь призывалъ его въ Москву «духовнаго ради совѣта». Этотъ вызовъ не могъ удивить Соловецкаго игумена,—его и прежде вызывали въ Москву, — но предстоящее путешествіе теперь должно было казаться тягостнымъ ему. Подъ старость (ему былъ 60-й годъ) Филиппу, конечно, не хотѣлось подвергаться безпокойству дальней дороги. Если бы онъ зналъ, что при жизни уже болѣе не увидитъ своей обители, гдѣ такъ мирно текли дни его, то горесть его была

бы еще сильнѣе. Извѣстіе объ отъѣздѣ св. игумена поразило глубокою скорбію братію. Но онъ, утѣшая своихъ чадъ о Христѣ, увѣщавалъ ихъ возложить упованіе на Господа, на предстательство Пресвятой Богородицы, Препод. Зосимы и Савватія, пещись о своемъ спасеніи и блюсти монастырское преданіе. Въ послѣдній разъ св. Филиппъ совершилъ въ Соловецкой обители литургію, причастилъ иноковъ св. Таинъ, и, послѣ прощальной трапезы, вступилъ на корабль.

Св. Филиппъ направилъ свой путь къ столицѣ чрезъ Новгородъ. Узнавъ о приближеніи Соловецкаго игумена, граждане вышли къ нему на встрѣчу съ привѣтомъ и дарами. Заслышавъ о гнѣвѣ Грознаго, они говорили св. Филиппу: «отецъ, будь ходатаемъ предъ Царемъ за насъ и городъ нашъ; заступи свое отечество». Проведя нѣсколько дней подъ сѣнію св. Софіи, игуменъ продолжалъ свой путь. Царь встрѣтилъ его съ великою честію и издалека завелъ съ нимъ рѣчь о причинѣ призванія его въ Москву; дружески раскрылъ предъ нимъ свое затрудненіе въ выборѣ первосвятителя, изображалъ словами св. Писанія положеніе Церкви безъ пастыря, и въ заключеніе объявилъ, что по его державной волѣ и соборному избранію, Филиппу должно быть митрополитомъ. Эта бесѣда происходила въ присутствіи высшаго духовенства и бояръ: всѣ они признали, что Филиппъ достоинъ занять каѳедру Всероссійской митрополіи. Смиренный игуменъ изумился и со слезами сказалъ Іоанну: «нѣтъ, милосердый государь, не разлучай меня съ моею пустынею; не налагай на меня бремени выше силъ. Отпусти, Господа ради, отпусти; не вручай малой ладьи бремени великаго». Царь былъ непреклоненъ и поручилъ святителямъ и боярамъ уговорить Филиппа; имъ удалось убѣдить игумена не противиться божественному призванію и царской волѣ. Филиппъ согласился принять предложенный ему санъ съ тѣмъ, чтобы была уничтожена «опричнина». Подозрительный Царь отдѣлилъ для себя отъ Русской земли особенный участокъ, названный «опричнымъ», и поручилъ охраненіе своей особы дружинѣ «опричниковъ», которая бы не имѣла ничего общаго съ «земщиною». Филиппъ объявилъ, что если

Царь не оставитъ опричныхъ и не соединитъ опять земли Русской, то ему невозможно быть митрополитомъ. Такой разговоръ Филиппа съ святителями не могъ понравиться Іоанну; къ тому же и опричники, съ самаго начала, стали къ своему обличителю во враждебное отношеніе. На этотъ разъ Царь смягчилъ свой гнѣвъ и повелѣлъ, какъ замѣчено въ особой грамотѣ, «архіепископамъ и епископамъ сказать Филиппу, чтобы онъ отложилъ свое требованіе и не вступался бы въ дѣла двора и опричнины».

Св. Филиппъ уступилъ волѣ царской и былъ посвященъ въ митрополита московскаго и всея Россіи 25 іюля 1566 года. Принявъ изъ рукъ самого Царя архипастырскій посохъ, новопоставленный митрополитъ въ своей рѣчи просилъ Государя быть милостивымъ и кроткимъ, отвращать слухъ отъ клеветниковъ и льстецовъ, и памятовать, что «для монарха славнѣе всѣхъ побѣдъ тѣ, которыя онъ пріобрѣтаетъ надъ сердцами подданныхъ безоружною любовію». Всѣ добрыя сердца были въ восторгѣ; самъ Іоаннъ казался тронутымъ и радостно праздновалъ царскою трапезою посвященіе Филиппа.

Первою заботою новаго митрополита было рукоположеніе епископа для полоцкой епархіи, учрежденной въ 1563 году. Первый полоцкій архіепископъ Трифонъ скончался отъ мороваго повѣтрія предъ самымъ восшествіемъ Филиппа на митрополію. На мѣсто его былъ назначенъ епископъ суздальскій Аѳанасій, который долго оставался еще въ Москвѣ, и, вмѣстѣ съ митрополитомъ, 10 декабря освящалъ придѣлъ при Благовѣщенскомъ соборѣ, въ присутствіи Царя и царевичей. Св. Филиппъ, получивъ извѣстіе о недостаткѣ въ Полоцкѣ священнослужителей, отправилъ туда изъ Новгорода тридцать три священника и діакона. Впрочемъ, среди новой обширной дѣятельности, Филиппъ какъ бы не отлучался духомъ отъ своей возлюбленной пустыни: для смиренной и боголюбивой души его тяжела была шумная жизнь. Въ часы, свободные отъ дѣлъ, онъ говорилъ себѣ: «что сталось съ тобою, бѣдный Филиппъ! Ужели мало для тебя было начальства надъ обителью? Ты захотѣлъ большаго; посмотри же, на что ты промѣнялъ свою

благословенную долю! Отъ такого спокойствія—на какіе труды ты предалъ себя; отъ такой безмятежной тишины—въ какую бездну устремился корабль души твоей! Но что прошло, то невозвратимо: да будетъ воля Божія! Вы же, Угодники Божіи, Савватій и Зосима, не оставьте меня своею помощію, не дайте мнѣ забыть свои обѣты». На дворѣ митрополіи онъ построилъ и великолѣпно украсилъ храмъ во имя Соловецкихъ Чудотворцевъ, въ которомъ онъ особенно любилъ молиться въ минуты скорби. Дорого было его сердцу все, что напоминало Соловецкую обитель. Съ радостію онъ принялъ посланнаго оттуда іеромонаха Спиридона, который привезъ съ собою для Государя и митрополита частицы мощей Чудотворцевъ со св. водою и донесеніемъ, что Преображенскій соборъ докончен и освященъ. Въ 1568 году св. Филиппъ дѣлалъ распоряженіе объ окончаніи озера, которое не успѣлъ вырыть при своей бытности въ Соловкахъ.

Не напрасно душа св. Филиппа тосковала по мирной Соловецкой обители: надъ главою митрополита собиралась грозная туча. Въ январѣ 1567 года Царь переѣхалъ изъ Кремля въ свой укрѣпленный дворецъ среди опричниковъ и былъ уже совершенно въ рукахъ этихъ извергов. Среди общаго безмолвія, всѣ ожидали, что раздастся единственный спасительный голосъ Филиппа. Такая надежда на праведнаго мужа не обманула. Сначала митрополитъ въ рѣчи къ епископамъ убѣждалъ ихъ къ самоотверженію и выражалъ желаніе, чтобы они всѣ единодушно старались умиротворить смятенную душу Царя. Но единодушія между ними не оказалось; не нашлось и такого, который рѣшился бы, вмѣстѣ съ Филиппомъ, великодушно подвергнуться опасности, принявъ на себя гнѣвъ Грознаго. Филиппъ не устрашился и безъ помощниковъ вступить въ подвигъ, прославившій его имя. Онъ не опускалъ случая говорить Государю, сначала наединѣ, потомъ при свидѣтеляхъ, обличая дѣла беззаконія, совершаемыя опричниками отъ имени Царя. Вотъ одна изъ такихъ бесѣдъ, въ которой ясно видны характеры Царя и митрополита.

Святитель напоминалъ Іоанну, что облеченный высшимъ са-

номъ на землѣ долженъ особенно чтить Бога — смиреніемъ, приличнымъ человѣку, незлобіемъ, свойственнымъ божеству; что властелиномъ по справедливости называется тотъ, кто умѣетъ обладать собою, кто не работаетъ страстямъ, у кого господствуетъ умъ, а не тотъ, кто въ самозабвеніи возмущаетъ собственную державу.

Царь произнесъ съ гнѣвомъ: «что тебѣ, чернецу, до нашихъ царскихъ совѣтовъ? Развѣ не знаешь, что свои хотятъ поглотить меня?»

«Не обманывай себя напраснымъ страхомъ, отвѣчалъ Филиппъ, по избранію священнаго собора и твоему изволенію я пастырь Христовой Церкви и за одно съ тобою долженъ имѣть попеченіе о благочестіи и мирѣ всего православнаго христіанства».

«Одно говорю тебѣ, честный отче, молчи, вскричалъ Грозный, а насъ благослови по нашему изволенію!»

«Наше молчаніе, продолжалъ архипастырь, налагаетъ грѣхъ на твою душу и наноситъ всеобщую смерть; худой кормчій губитъ весь корабль. Если мы послѣдуемъ волѣ человѣческой, какъ скажемъ въ день пришествія Господня: *се азъ и дѣти, яже ми еси далъ?*» При этомъ св. Филиппъ напомнилъ Царю слова Господа о взаимной христіанской любви.

Царь нѣсколько утихъ и отвѣчалъ словами св. Писанія: «владыко святый! восташа на мя друзи мои и искренніи мои прямо мнѣ приближишася и сташа, и ближніи мои отдалече мене сташа, и нуждахуся ищущіи душу мою, ищущіе злая мнѣ».

«Государь царь!—мужественно говорилъ Святитель—различай лукаваго отъ правдиваго; принимай добрыхъ совѣтниковъ, а не ласкателей. Грѣшно не возбранять согрѣшающимъ, но зачѣмъ раздѣлять единство державы? Ты поставленъ отъ Бога судить людей Божіихъ въ правду, а не представлять изъ себя мучителя. Обличи тѣхъ, кто неправо говоритъ предъ тобою, и отсѣки отъ себя, какъ гнилые члены, а людей своихъ устрой въ соединеніи. Богъ пребываетъ лишь тамъ, гдѣ нелицемѣрная любовь и единодушіе».

«Филиппъ, опять вскричалъ Царь, не прекословь державѣ

нашей, чтобы не постигъ тебя гнѣвъ мой, или оставь этотъ санъ».

Святый кротко отвѣчалъ: «я не употреблялъ для достиженія этой чести ни моленій, ни ходатайствъ, ни подкупа. Зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни и отцевъ? Если дерзаешь попирать законы, дѣлай, что хочешь; но когда настало для меня время подвига, мнѣ непростительно ослабѣвать».

Послѣ такихъ встрѣчъ Царь бывалъ мраченъ, задумчивъ. Неистовые опричники, Малюта Скуратовъ и Василій Грязной умѣли пользоваться такимъ расположеніемъ духа его и еще болѣе разжигали гнѣвъ его на смѣлаго обличителя. Опричники наводили на всѣхъ ужасъ. Нѣкоторые изъ первостепенныхъ сановниковъ приходили къ митрополиту и со слезами просили защиты. Филиппъ съ твердостію утѣшалъ и ободрялъ скорбныхъ, какъ отецъ чадолюбивый: «дѣти мои, не скорбите. Богъ не попуститъ намъ быть искушенными сверхъ силъ, и не дастъ погибнуть до конца! Здѣсь то и уготованы вамъ вѣнцы! Здѣсь то и мнѣ предстоитъ благій подвигъ! Апостолъ говоритъ мнѣ: *аще на лица зрите, то грѣхъ содѣваете;* Давидъ вооружаетъ меня пѣснію: *глаголахъ о свидѣніихъ твоихъ предъ цари и не стыдяхся.* Вы теперь избранные Божіи. Сѣкира лежитъ при корени, но не страшитесь, помня, что не земныя блага, а небесныя обѣщаетъ намъ Богъ. А я радуюсь, что могу пострадать за васъ: вы—мой отвѣтъ предъ Богомъ, вы—вѣнецъ мой отъ Господа».

Въ этихъ словахъ звучалъ голосъ великихъ мужей Христовой Церкви; въ нихъ высказывалась чистая и святая душа, готовая на страданіе за истину. Спустя нѣсколько времени, 21 марта, въ средокрестное воскресенье, когда митрополитъ стоялъ въ Успенскомъ соборѣ на своемъ святительскомъ мѣстѣ, вошелъ въ храмъ Іоаннъ съ опричниками: Царь и свита были въ черныхъ, высокихъ шапкахъ и черныхъ рясахъ, изъ подъ которыхъ виднѣлись яркіе цвѣта и золото кафтановъ. Царь подошелъ къ святителю и ждалъ благословенія. Три раза онъ наклонялъ голову, но св. Филиппъ, какъ бы не замѣчая, не отводилъ глазъ отъ образа. Наконецъ бояре заговорили: «вла-

дыко святый! Царь Иванъ Васильевичъ всея Россіи требуетъ твоего благословенія».

Посмотрѣвъ на Іоанна, митрополитъ отвѣчалъ: «Благочестивый! Кому поревновалъ ты, исказивъ свое благолѣпіе? Не умолялъ ли я тебя престать отъ такого поведенія и особенно отвращаться ласкателей? Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтитъ на небѣ солнце, неслыхано, чтобы благочестивые цари возмущали собственную державу. Правда царева въ судѣ, по слову Писанія, а ты лишь неправедныя творишь дѣла твоему народу, тогда какъ ты долженъ быть для него образцемъ благочестія. Сколько страждутъ православные! У татаръ и язычниковъ есть законъ и правда, а у насъ нѣтъ ихъ; всюду находимъ милосердіе, а въ Россіи и къ невиннымъ нѣтъ жалости. Мы приносимъ здѣсь Господу безкровную жертву, а за алтаремъ льется неповинно христіанская кровь. Скорблю не о тѣхъ, которые, проливая свою невинную кровь, сподобляются доли святыхъ мучениковъ, нѣтъ, но о твоей бѣдной душѣ я страдаю. Хотя ты и возвеличенъ, однакоже — перстный человѣкъ, и Господь взыщетъ все отъ твоей руки».

Іоаннъ шепталъ угрозы, стучалъ жезломъ о плиты помоста и, грозя рукою, произнесъ: «Филиппъ, смѣешь ты противиться нашей державѣ? Посмотримъ, велика ли твоя крѣпость».

«Напрасно, Царь, — отвѣчаетъ праведникъ, — ты думаешь устрашить и преклонить меня муками; я — пришлецъ и присельникъ на землѣ, какъ и всѣ отцы мои; подвизаюсь за истину, и никакія страданія не заставятъ меня умолкнуть».

Погибель Филиппа была рѣшена, хотя Іоаннъ и не спѣшилъ наложить на него руки. Открылось широкое поле клеветникамъ. Такъ, еще въ церкви, во время роковой встрѣчи, соборный чтецъ, въ присутствіи Царя, громко произнесъ на святаго мужа гнусную клевету. Впослѣдствіи онъ раскаялся и признался со слезами, что дѣйствовалъ изъ страха, по наущенію. «Буди тебѣ милостивъ Христосъ, а ты, въ свою очередь, прости того, кто тебя подущалъ на злое», — отвѣчалъ ему митрополитъ.

Съ этого времени Іоаннъ избѣгалъ встрѣчи съ митрополитомъ. Чувствуя это, Филиппъ, тотчасъ послѣ размолвки съ Царемъ, переѣхалъ изъ Кремля, на никольскую улицу, въ монастырь св. Николая стараго (нынѣ Греческій), гдѣ и жилъ до конца своего святѣйшества. Событіе 28 іюля довело гнѣвъ Грознаго до высшей степени. Митрополитъ служилъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и совершалъ крестный ходъ, въ присутствіи Царя. Когда крестный ходъ достигъ до св. воротъ и митрополитъ, оставаясь для прочтенія св. Евангелія, оборотился къ народу, чтобы преподать: «миръ всѣмъ», вдругъ онъ увидѣлъ опричника позади Царя, въ татарской тафьѣ. Святитель тотчасъ сказалъ Іоанну: «не должно тебѣ, Государь, допускать обычай агарянскій—стоять во время Евангелія съ покрытою головой».

«Какъ такъ? кто смѣлъ?» спросилъ Іоаннъ.

«Нѣкто изъ дружины твоей.» отвѣчалъ Филиппъ.

Царь оглянулся, но виновный уже успѣлъ снять тафью. Тогда Іоаннъ въ гнѣвѣ называлъ Филиппа обманщикомъ, мятежникомъ и клялся изобличить его во всемъ.

Приступили къ слѣдствію. Митрополичьихъ бояръ взяли подъ стражу и пытали, но этимъ путемъ ничего не добыли къ обвиненію праведника. Послѣ этого послали въ Соловецкій монастырь недоброжелателя Филиппова епископа Пафнутія съ архимандритомъ Ѳеодосіемъ, княземъ Василіемъ Темкинымъ, дьякомъ Пивовымъ и военнымъ конвоемъ. Посланные расточали инокамъ деньги, ласки и обѣщанія, а потомъ угрозы, но безуспѣшно: никто не отваживался на лжесвидѣтельство. Тогда Пафнутій употребилъ хитрость и прельстилъ игумена Паисія, а Паисій, въ свою очередь, увлекъ нѣсколькихъ монаховъ, и всѣ они спѣшили въ Москву, выдумывая на святаго обвиненія.

Царь велѣлъ собраться въ Успенскій соборъ боярамъ и епископамъ для открытаго суда надъ митрополитомъ. Предъ этимъ собраніемъ былъ поставленъ Филиппъ въ полномъ облаченіи. Читали доносы, и когда остановились, чтобы вы-

слушать обвиняемаго, митрополитъ, считая излишнимъ оправдываться, обратился къ Царю съ такими словами:

«Царь! ты напрасно думаешь, что я боюсь тебя или смерти. Отъ юности находясь въ пустынѣ, я сохранилъ доселѣ честь и цѣломудріе. Такъ хочу окончить и жизнь свою и съ миромъ предать духъ свой Господу, моему и твоему Судіи. Я умираю, желая лучше оставить по себѣ память невиннаго мученика, нежели человѣка, о которомъ могли бы сказать, что онъ, оставаясь митрополитомъ, терпѣлъ неправосудіе и нечестіе».

При этомъ митрополитъ началъ слагать съ себя знаки своего достоинства, но Іоаннъ остановилъ его, говоря, что ему должно ожидать соборнаго опредѣленія, а не быть своимъ судьею, и чрезъ три дня, 8-го ноября, просилъ его служить литургію въ Успенскомъ соборѣ.

Когда св. Филиппъ, облаченный во всѣ архіерейскія одежды, стоялъ предъ алтаремъ, съ шумомъ отворились церковныя двери и съ толпою опричниковъ вошелъ бояринъ Алексѣй Даниловичъ Басмановъ. Богослуженіе было прервано. Басмановъ велѣлъ читать свитокъ, который держалъ въ рукахъ. По окончаніи чтенія, опричники съ яростію кинулись на святителя и стали срывать съ него священныя одежды. Митрополитъ не смутился, но тихо и спокойно говорилъ народу: «дѣти, прискорбно душѣ моей разлученіе съ вами, но я терплю все это ради Церкви Божіей. Настало время вдовства ея, и пастыри, какъ наемники, извержены будутъ». Накинувъ на плеча его оборванную и грязную рясу простаго инока, опричники вытолкали его изъ храма, били метлами по спинѣ, посадили на дровни и повезли изъ Кремля. Узкая никольская улица заперлась толпою народа, такъ что печальный поѣздъ двигался съ трудомъ. «Дѣти, говорилъ св. Филиппъ, все, что могъ, я сдѣлалъ; если бы не любовь къ вамъ, и одного дня не остался бы я здѣсь; уповайте на Бога!» Святителя увлекли въ Богоявленскій монастырь, и народъ въ смущеніи разошелся по домамъ.

На другой день св. Филиппа повезли съ такимъ же поруганіемъ въ митрополію: здѣсь находился Царь, вмѣстѣ съ епископами и опричниками. Здѣсь же праведникъ встрѣтилъ и своего

преемника въ Соловецкомъ игуменствѣ Паисія, клеветавшаго на него. Съ сожалѣніемъ посмотрѣвъ на ослѣпленнаго честолюбца, онъ замѣтилъ ему, что злое сѣяніе не принесетъ ему добраго плода. Филиппа признали виновнымъ въ разныхъ преступленіяхъ, и между прочимъ въ волшебствѣ. Праведникъ стоялъ среди своихъ обвинителей, какъ «агнецъ среди волковъ» и въ послѣдній разъ возвысилъ свой голосъ:

«Государь благочестивый! прекрати нечестивыя дѣла; вспомни прежнихъ царей, твоихъ предковъ: они дѣлали добро, и мы ублажаемъ ихъ и по смерти, но надъ тѣми, которые хотѣли властвовать зломъ и неправдою, и доселѣ тяготѣютъ проклятія. Вразумись, подражай святымъ монархамъ: смерть неумолима и къ царю, чтобы онъ не превозносился, но помнилъ, что, восходя на престолъ отъ земли и персти, со временемъ опять низойдетъ въ ту же персть и землю».

Царь далъ знакъ опричникамъ. Они увлекли св. Филиппа въ темницу, узкую, грязную и сырую, сковали по рукамъ и ногамъ, забили въ колоды, обременили тяжелыми желѣзными веригами; связка соломы служила для него постелью. Жестокіе стражи хотѣли уморить исповѣдника истины голодомъ и цѣлую недѣлю не давали ему пищи. Чрезъ день или два по заключеніи святаго, были посланы царскіе совѣтники навѣдаться, что происходитъ съ узникомъ. Къ удивленію своему, они нашли Филиппа свободнымъ отъ оковъ, стоящимъ на молитвѣ, и когда сказали объ этомъ Іоанну, Царь воскликнулъ: «чары, чары сотворилъ мой врагъ и измѣнникъ!» Запретивъ разглашать объ этомъ, Іоаннъ велѣлъ затворить вмѣстѣ съ узникомъ измореннаго голодомъ медвѣдя; утромъ самъ пришелъ и увидѣлъ, что святой невредимо стоитъ на молитвѣ, а звѣрь спокойно лежитъ въ углу. Не смягчилось сердце Царя, и съ словами: «чары, чары!» Іоаннъ ушелъ, однако велѣлъ перемѣстить заключеннаго въ монастырь св. Николы стараго. Эта обитель была назначена мѣстомъ заточенія св. Филиппа и на содержаніе его опредѣлено по четыре алтына въ день.

Іоаннъ излилъ гнѣвъ свой на весь родъ Колычевыхъ: до десяти родичей узника, одинъ за другимъ, погибли въ пыткахъ

и казняхъ. Одинъ изъ нихъ пользовался особенною любовію св. Филиппа. Это былъ племянникъ его — сынъ младшаго брата его, воеводы Бориса. Онъ умеръ за одно свое родство съ узникомъ, ненавистнымъ Царю: послѣ жестокихъ истязаній, ему отрубили голову и поднесли Іоанну; Царь велѣлъ представить ее заключенному съ словами: «вотъ голова твоего сродника: не помогли ему твои чары». Св. Филиппъ съ благоговѣніемъ принялъ жестокій даръ, положилъ окровавленную голову предъ собою, сдѣлалъ предъ нею земной поклонъ, со слезами поцѣловалъ ее, и сказавъ: «блажени, ихъ же избралъ и пріялъ еси, Господи, память ихъ въ родъ и родъ», — возвратилъ посланному.

Народъ продолжалъ толпиться отъ утра до вечера около Никольской обители. Іоаннъ велѣлъ перевезти заключеннаго изъ Москвы въ Тверской Отрочь монастырь. Бѣдственно было странствованіе св. Филиппа: худо защищенный убогою одеждою отъ зимняго холода, онъ терпѣлъ голодъ и постоянныя оскорбленія отъ своего приставника, Степана Кобылина Полуживой, онъ достигъ мѣста своего заключенія, но уже подвигъ его приближался къ концу: праведнику оставалось принять вѣнецъ мученика.

Въ декабрѣ 1569 года двинулся Грозный съ своею дружиною въ Новгородъ. Путь лежалъ чрезъ Тверь. Не доѣзжая до города, Іоаннъ отправилъ самаго лютаго изъ опричниковъ — Малюту Скуратова—къ Филиппу, какъ бы за благословеніемъ. Филиппъ узналъ страшнаго гостя и понялъ, зачѣмъ онъ пришелъ, но не выразилъ удивленія, не потерялъ обычнаго спокойствія. Малюта подошелъ къ нему и, смиренно кланяясь, сказалъ: «Владыко святый, подай благословеніе Царю идти въ Новгородъ». Филиппъ отвѣчалъ: «дѣлай то, зачѣмъ ты пришелъ, а не кощунствуй». Потомъ, устремивъ взоръ свой къ св. иконѣ, онъ произнесъ послѣднюю на землѣ молитву: «Владыко Господи Вседержитель, пріими мой духъ съ миромъ; пошли отъ пресвятой Своей славы мирнаго ангела, ведущаго меня къ трисолнечному Божеству, чтобы начальникъ тьмы съ своими силами не остановилъ меня въ пути; не посрами меня предъ

Твоими Ангелами и причисли меня къ лику избранныхъ; яко благословенъ во вѣки, аминь».

Въ это мгновеніе Скуратовъ подушкою зажалъ уста Святаго и задушилъ его. Потомъ поспѣшно выбѣжалъ изъ кельи и сталъ укорять настоятеля и приставниковъ, говоря, что Филиппъ умеръ отъ чрезмѣрнаго жара въ кельѣ. Всѣ были въ ужасѣ. Опричникъ велѣлъ тотчасъ же рыть глубокую могилу за алтаремъ соборной церкви, при себѣ опустить туда еще не остывшее тѣло праведника и засыпать землею. Это произошло 23-го декабря 1569 года.

Едва праведникъ переселился въ небесныя обители, чтобы принять отъ Подвигоположника Христа вѣнецъ мученика, какъ судъ Божій отяготѣлъ надъ гонителями и клеветниками его. Нѣсколько дней спустя Малюта Скуратовъ былъ тяжело раненъ; злобный приставъ Кобылинъ, противъ воли, постриженъ въ монахи и заточенъ на Каменный островъ. Честолюбивый Паисій сосланъ на Валаамъ. Соловецкіе монахи, участвовавшіе въ клеветахъ, разосланы по разнымъ монастырямъ и дорогою одни изъ нихъ умерли отъ жестокихъ болѣзней, а другіе обезумѣли. Изъ епископовъ, угодниковъ Іоанна, новгородскій Пименъ былъ сосланъ въ Тулу, гдѣ умеръ въ заточеніи, а Филоѳей рязанскій лишенъ архіерейства. Грозный Іоаннъ до конца жизни не находилъ себѣ покоя и самъ для себя былъ наказаніемъ.

Въ 1591 году, при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, мощи Святителя Филиппа были перенесены въ Соловецкій монастырь, гдѣ и до сего времени, на паперти Преображенскаго собора, сохраняется надпись на бѣлой каменной доскѣ: «лѣта 7078 преставился Филиппъ митрополитъ во Твери, декабря въ 23-й день. Лѣта 7099 привезены мощи Филипповы въ Соловецкій монастырь и погребены августа въ 8-й день». Въ этой могилѣ, приготовленной самимъ Филиппомъ, покоились мощи его въ продолженіе 55 лѣтъ. Подлѣ этого надгробія, ближе къ стѣнѣ, другая надпись указываетъ могилу старца Іоны, наставника Филиппова въ монашествѣ: «лѣта 7076 преставися рабъ Божій инокъ Іона Шаминъ генваря въ 10-й день».

Сѣверный край Россіи, съ самаго перенесенія мощей св. Филиппа на Соловки, прибѣгалъ къ заступничеству его предъ Богомъ. Въ минеи 1636 года мы уже находимъ службу ему, ту самую, которою и нынѣ прославляемъ Угодника Божія 9-го января и 3-го іюля. Въ 1646 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, повелѣно торжественно открыть св. мощи, а въ началѣ 1652 года опредѣлено перенести въ Московскій Успенскій соборъ. Новгородскій митрополитъ (впослѣдствіи Всероссійскій патріархъ) Никонъ, проживившій нѣсколько лѣтъ въ Анзерскомъ скитѣ Соловецкой обители при началѣ своего монашества, былъ отправленъ на Соловки съ большою свитою. Прибывъ туда, митрополитъ послѣ молебна вложилъ въ руку Чудотворца царскую грамоту, въ которой царь Алексѣй Михайловичъ испрашивалъ прощенія предку своему Іоанну Грозному и въ заключеніе писалъ: «О священная главо! Святый Владыко Филиппе, пастырю нашъ! молимъ тя, не презри нашего грѣшнаго моленія, пріиди къ намъ съ миромъ; царь Алексѣй желаетъ видѣти тя и поклонитися мощемъ твоимъ святымъ». Послѣ трехдневнаго поста началось перенесеніе св. Мощей, которыя торжественно были встрѣчены въ Москвѣ 9-го іюля самимъ царемъ съ крестнымъ ходомъ. Стеченіе народа было несмѣтное. По внесеніи въ Успенскій соборъ, св. Мощи были поставлены на томъ святительскомъ мѣстѣ, съ котораго Святитель обличалъ Грознаго и былъ имъ позорно низведенъ. Въ теченіе десяти дней, пока св. Мощи оставались среди храма, произошло много чудесныхъ исцѣленій. 17-го числа была отправлена праздничная служба Угоднику Божію, а 19-го св. Мощи его, вложенныя въ серебряную раку, помѣщены съ правой стороны иконостаса, въ углу, гдѣ онѣ и нынѣ почиваютъ, чествуемыя благоговѣйнымъ поклоненіемъ народа русскаго. Память его совершается 9-го января, а перенесеніе св. Мощей въ Москву празднуется 3-го іюля.

Блаженные Іоаннъ и Логгинъ.

Добродѣтельная жизнь.—Потопленіе.—Обрѣтеніе тѣлъ.—Начало Яренгскаго монастыря.—Чудеса.—Приписка Яренгскаго монастыря къ Соловецкому.—Перенесеніе св. мощей въ новый храмъ.

Блаженные Іоаннъ и Логгинъ трудились въ Соловецкомъ монастырѣ подъ руководствомъ св. игумена Филиппа. Проводя жизнь въ строгомъ постѣ, постоянной молитвѣ и вниманіи къ своей совѣсти, они были усердными исполнителями воли своего игумена. Постояннымъ правиломъ жизни ихъ было изреченіе св. Апостола: «все, что дѣлаете, дѣлайте отъ души, какъ для Господа, а не для человѣковъ». (Колос. 3, 23). Хотя они были люди не книжные, но, наставленные въ первоначальныхъ истинахъ христіанства, изъ созерцанія величественной природы почерпали важные уроки для своего простаго ума и чистаго сердца. Они видѣли необозримое море и возносились мыслію къ Творцу, положившему предѣлъ морю; звѣздное небо обращало взоры ихъ къ Богу, назначившему всему стройный порядокъ. Такимъ образомъ эти простые люди, въ тиши обители, смиренно восходили отъ совершенства къ совершенству, пока Господу угодно было призвать ихъ къ Свѣту невечернему не совсѣмъ обычнымъ путемъ. Возвратясь въ 1561 году съ твердой земли въ обитель на судахъ, нагруженныхъ строительными матеріалами, они были застигнуты сильною бурею и потонули. Св. тѣла ихъ были обрѣ-

тены нетлѣнными на Корельскомъ берегу, за 120 верстъ отъ обители Соловецкой, въ устьѣ Сосновки, и положены въ селеніи Яренгѣ. Скоро слава чудесъ, совершавшихся при мощахъ ихъ, привлекла къ нимъ нѣсколькихъ иноковъ, которые построили себѣ кельи. Такимъ образомъ возникъ въ Яренгѣ монастырь. Въ 1622 году въ этомъ монастырѣ, расположенномъ вблизи селенія, на берегу моря, была деревянная церковь св. Николая Чудотворца, а также кельи съ трапезою и часовня. Церковь была достаточно снабжена иконами, книгами, свѣчами, колоколами, попеченіемъ старца Варлаама, и Трифона и Ермолая Тѣловыхъ. Богослуженіе отправлялъ іеромонахъ Матѳей. Въ 1625 году инокъ Илья Тѣловъ доносилъ патріарху Филарету о чудесахъ, совершающихся при мощахъ Праведниковъ. Вслѣдствіе этого новгородскимъ митрополитомъ Макаріемъ предписано игумену Корельскаго Никольскаго монастыря Герасиму съ боярскимъ сыномъ митрополичьяго Софійскаго дома Солоновымъ произвести подробное изслѣдованіе о времени обрѣтенія мощей и о чудесахъ Блаженныхъ Іоанна и Логгина. Свѣдѣнія, показанныя въ донесеніи инока Ильи, оказались справедливыми, при чемъ также обнаружилось, что чудотворенія совершались въ теченіе 60 слишкомъ лѣтъ. Самыя замѣчательныя исцѣленія того времени—Маріи, три года страдавшей отъ бѣснованія; молодаго поселянина, бывшаго въ падучей болѣзни, и поселянина Евѳимія, полгода страдавшаго желудкомъ и вызваннаго въ Яренгу явленіемъ Іоанна и Логгина. Въ 1635 году Яренгскій монастырь, со всѣми землями и угодьями селенія Яренги, по ходатайству патріарха Іоасафа, грамотою царя Михаила Ѳеодоровича отданъ былъ въ вѣдѣніе Соловецкаго монастыря. Царь писалъ: «пожаловали мы у моря Яренгскимъ погостомъ, гдѣ лежатъ Чудотворцы Иванъ да Логгинъ». Новгородскій митрополитъ Аѳѳоній, напоминая архимандриту Рафаилу, управлявшему Соловецкимъ монастыремъ, что, по прошенію патріарха Іоасафа, царь пожаловалъ имъ Яренгу на краю моря, гдѣ лежатъ мощи новоявленныхъ Чудотворцевъ Ивана и Логгина», предписывалъ построить и освятить новый храмъ во имя Соловецкихъ Чудотворцевъ Зосимы и Савватія, потому

что «Яренгскіе Чудотворцы Іоаннъ и Логгинъ труждалися въ древнія лѣта въ Соловецкомъ монастырѣ». «Какъ тотъ храмъ совершится», прибавлялъ митрополитъ, «и мощи новоявленныхъ Чудотворцевъ Ивана и Логгина въ новый храмъ перенесешь, и въ которомъ мѣстѣ тѣ мощи положишь, и ты бы о томъ отписалъ». Новый деревянный храмъ былъ построенъ и освященъ преемникомъ архимандрита Рафаила, переведеннаго въ 1636 году *въ Новгородскій Хутынскій монастырь, игуменомъ* Варѳоломеемъ. 2-го іюля 1638 года перенесены въ этотъ храмъ мощи Праведниковъ и положены — блаженный Іоаннъ на правой, а блаженный Логгинъ на лѣвой сторонѣ. Яренгскій монастырь состоялъ подъ управленіемъ Соловецкаго до своего закрытія, при составленіи духовныхъ штатовъ въ 1764 году. Въ настоящее время св. мощи Іоанна и Логгина почиваютъ въ приходской церкви селенія Яренги. Память Праведныхъ совершается 3-го іюля.

ПРЕПОДОБНЫЕ ВАССІАНЪ И ІОНА.

Трудолюбіе и послушаніе.—Потопленіе.—Обрѣтеніе тѣлъ.—Погребеніе.—Старецъ Мамантъ. Построеніе часовни.—Чудеса.—Начало Пертоминскаго монастыря.—Сооруженіе храма Преображенія Господня.—Іеромонахъ Іаковъ.—Освященіе храма.—Посѣщеніе монастыря Петромъ I.—Каменный храмъ Успенія Божіей Матери.

Преподобные Вассіанъ и Іона были современниками св. игумена Филиппа, впослѣдствіи митрополита московскаго и всея Россіи, и образовались въ духовно-подвижнической жизни подъ руководствомъ этого опытнаго мужа. Св. Филиппъ особенно старался вкоренить въ управляемыхъ имъ инокахъ духъ трудолюбія и послушанія, показывая въ себѣ самомъ примѣръ всѣхъ добродѣтелей, приличныхъ истинному подвижнику. Ученики его—Преподобные Вассіанъ и Іона—своею кончиною засвидѣтельствовали вѣрность наставленіямъ его: они умерли на подвигѣ послушанія.

Воздвигая въ обители каменные храмы, св. игуменъ имѣлъ нужду въ разныхъ строительныхъ матеріалахъ, которые и были привозимы съ приморскаго берега на монастырскихъ судахъ. Въ 1561 году плыли въ монастырь съ известью изъ устья рѣки Двины пятнадцать судовъ; но поднялась сильная буря,—и эти суда были разбросаны и потоплены. При этомъ многіе изъ бывшихъ на нихъ людей утонули, и въ числѣ ихъ Преподобные Вассіанъ и Іона, сопровождавшіе суда. Морскія волны выбросили тѣла Преподобныхъ на восточной сторонѣ Унской губы. Сосѣдніе поселяне, по утишеніи бури, плывя на рыбную

ловлю по Унской губѣ и приблизившись къ мѣсту, гдѣ лежали тѣла Преподобныхъ, увидѣли множество вороновъ, носящихся въ воздухѣ надъ ними и какъ бы отгоняемыхъ невидимою силою. Тѣла были нетлѣнны и невредимы. Поселяне сначала рѣшились было отвезти ихъ въ свое селеніе и съ честію похоронить близъ своей приходской церкви. Но когда они, положивъ тѣла въ ладью, поплыли къ своему селенію, мгла и мракъ окружили ихъ, такъ что они потеряли дорогу и опять пристали къ тому мѣсту, гдѣ были найдены тѣла Преподобныхъ. Въ ночномъ видѣніи явились имъ Препод. Вассіанъ и Іона *и сказали: «положите насъ на пустомъ мѣстѣ, въ бору*, подъ большою сосною, а въ свое селеніе не возите; взявъ насъ изъ воды, неужели вы желаете опять положить насъ въ воду? Когда Богу угодно будетъ, Онъ и на этомъ мѣстѣ устроитъ храмъ». Тогда рыбаки припомнили, что, дѣйствительно, селеніе ихъ стоитъ на сыромъ мѣстѣ, и, согласно желанію Преподобныхъ, похоронили тѣла ихъ въ бору, подъ сосною, а надъ могилою поставили деревянный крестъ.

Въ 1599 году приплылъ въ Унскую губу старецъ Троицкаго Сергіева монастыря Мамантъ и былъ задержанъ тамъ четыре дня сильнымъ противнымъ вѣтромъ. Когда онъ спалъ, явились ему въ сонномъ видѣніи два мужа и на вопросъ: «откуда они и какъ имена ихъ?» назвались одинъ Вассіаномъ, а другой Іоною, разсказали о своемъ потопленіи, указали мѣсто погребенія и просили поставить надъ могилою часовню. 12-го іюня старецъ поставилъ надъ мощами Преподобныхъ часовню и устроилъ въ ней крестъ. Затѣмъ начался попутный вѣтеръ и онъ отправился въ путь.

Такъ прошло довольно времени. Чудеса и явленія Преподобныхъ *прославили мѣсто погребенія ихъ во всей сѣверной* сторонѣ, такъ что прохожіе и мореходцы, престававшіе къ берегу, считали своимъ долгомъ помолиться въ часовнѣ и оставить тамъ жертву своего усердія—деньги и свѣчи. Пришелъ въ селеніе при Унской губѣ старецъ изъ россійскихъ монастырей; жители разсказали ему о Преподобныхъ Вассіанѣ и Іонѣ и совѣтовали поселиться при часовнѣ. Старецъ послѣдовалъ ихъ

совѣту и, помолившись Богу, устроилъ невдалекѣ отъ часовни небольшую келью и поселился въ ней. Милостыня приходившихъ богомольцевъ и мореходцевъ, искавшихъ въ Унской губѣ пристанища отъ морскихъ бурь, съ избыткомъ удовлетворяла жизненнымъ потребностямъ постника, а уединеніе пустыннаго мѣста и слава Преподобныхъ скоро привлекли къ нему сожителей. Первымъ сожителемъ его былъ старецъ Савватій, потомъ Діонисій, а съ теченіемъ времени къ нимъ присоединились іеромонахъ Ефремъ и два мірянина — Козьма съ сыномъ. Пустынники рѣшились устроить надъ мощами Преподобныхъ храмъ и стали рубить деревья. Неожиданное обстоятельство значительно помогло имъ въ этомъ предпріятіи: вѣтромъ занесло къ нимъ двѣ ладьи съ людьми, плывшими по обѣту въ Соловецкій монастырь. Богомольцы, вышедши на берегъ и увидѣвъ приготовленія къ постройкѣ, со всѣмъ усердіемъ также принялись за дѣло. На мѣстѣ часовни была устроена деревянная церковь и приготовлено все необходимое для освященія ея и совершенія богослуженія. Іеромонахъ Ефремъ отправился въ Вологду къ архіепископу съ просьбою объ антиминсѣ и книгахъ для новаго храма. Получивъ все по желанію, онъ уже возвращался въ устрояемую обитель, но на дорогѣ былъ захваченъ и убитъ поляками, опустошавшими Русскую землю въ смутное время самозванства. Всѣ церковныя вещи были разграблены. Такая же судьба постигла и Козьму съ сыномъ: они собирали на храмъ въ окрестностяхъ Онежскаго озера, и въ Каргопольскомъ уѣздѣ были убиты Литовцами. Другіе сожители ихъ, по неимѣнію средствъ къ жизни, разошлись въ разныя стороны; остался въ пустынѣ одинъ Савватій. Церковь стояла неосвященною пять лѣтъ. Наконецъ, къ гробамъ Преподобныхъ пришелъ изъ Поноя іеромонахъ Іаковъ: онъ озаботился освященіемъ храма въ честь Преображенія Господня и устроилъ надъ мѣстомъ погребенія Препод. Вассіана и Іоны раку. Скоро къ нему собрались любители пустыннаго уединенія, и возникшая обитель была названа Пертоминскимъ монастыремъ Преподобныхъ Вассіана и Іоны.

Петръ I, застигнутый бурею на пути изъ Соловецкой оби-

тели въ Архангельскъ, нашелъ убѣжище въ Пертоминскомъ монастырѣ. Пробывъ здѣсь три дня, онъ своими руками устроилъ огромный деревянный крестъ, съ надписью на русскомъ и голландскомъ языкахъ: «сей крестъ поставилъ капитанъ Петръ въ лѣто 1694». Крестъ былъ поставленъ на берегу и впослѣдствіи перенесенъ въ Архангельскъ.

Нынѣ мощи Препод. Вассіана и Іоны почиваютъ подъ спудомъ въ каменномъ храмѣ Успенія Божіей Матери, освященномъ въ 1691 году. Обрѣтеніе мощей Преподобныхъ празднуется 5-го іюня.

ПУСТЫННИКИ АНДРЕЙ, ДАМІАНЪ, АДРІАНЪ, САВВА, НЕСТОРЪ.

Встрѣча съ Андреемъ.—Разсказъ его о пустынной жизни.—Даміанъ.—Посѣщеніе пустынниковъ.—Уединеніе.—Основаніе обители.—Адріанъ.—Савва.—Несторъ.

При игуменѣ Антоніи (1605—1612) Василій Кенозерецъ, любившій уединяться въ пустынныя мѣста острова, разсказалъ своему духовному отцу Іосифу встрѣчу съ чуднымъ пустынникомъ Андреемъ: «Случилось мнѣ однажды, говорилъ онъ, зайти далеко отъ монастыря, такъ что я, потерявъ дорогу, блуждалъ безъ пищи и питія. Вдругъ вдали показалась мнѣ какъ бы тѣнь человѣка. Я устремился за нею,—тѣнь скрылась въ дебрь; я продолжалъ бѣжать и увидѣлъ малую тропинку,—по ней дошелъ до густой чащи, въ которой былъ узкій проходъ для одного человѣка. Проникнувъ этимъ проходомъ, я увидѣлъ гору и на ней слѣды босаго человѣка. Въ горѣ видѣлось малое отверстіе. Сотворивъ молитву, я вошелъ въ темную пещеру. Перекрестившись, я простеръ руки и осязалъ человѣка, и въ испугѣ сотворилъ молитву, на которую житель пещеры отвѣтилъ: аминь. Я палъ къ его ногамъ. «Зачѣмъ ты пришелъ сюда и чего тебѣ нужно?» спросилъ незнакомецъ. «Прости меня, отецъ святый; я заблудился и пришелъ сюда; молю тебя, сжалься надо мною и укажи мнѣ путь къ обители». Отшельникъ провелъ меня въ другую пещеру, въ которой съ южной стороны было окно, освѣщавшее внутренность. Тогда я разсмотрѣлъ незнакомца: онъ былъ нагъ, съ

малой бородой, тѣло его было черно. Въ пещерѣ поставлены четыре сошки; на нихъ положены двѣ доски и два корытца, въ одномъ вода, въ другомъ моченая трава. Пустынникъ далъ мнѣ отвѣдать травы и напоилъ водою. Вкусивъ предложеннаго, я ощутилъ въ себѣ бодрость и крѣпость силъ. Тогда я просилъ старца повѣдать мнѣ житіе его. «Я былъ трудникъ Соловецкаго монастыря; имя мнѣ Андрей,—такъ началъ свою повѣсть пустынникъ,—пришедши въ Соловецкую обитель, я трудился въ Сосновой, вываривая соль. Игуменомъ въ то время былъ Варлаамъ (1571—1581 г., въ послѣдствіи ростовскій митрополитъ). Вскорѣ мысль о грѣхахъ пробудилась во мнѣ; породилось желаніе, оставивъ все, подвизаться для Бога. Ни мало не отлагая, я пошелъ въ пустыню, нашелъ это мѣсто, выкопалъ пещеру и поселился въ ней. Томился я голодомъ и жаждою; питался ягодами и грибами, много разъ терпѣлъ навожденія бѣсовскія, біенія, ругательства, болѣзни; боролся съ помыслами, какъ съ лютыми звѣрями. Не разъ раскаявался, что ушелъ въ пустыню, считая безплоднымъ свое отшельничество. Неоднократно даже оставлялъ пещеру, чтобы идти въ міръ. Но раздавался громъ небесный, проливался дождь, и я принужденъ былъ возвратиться въ пещеру. Здѣсь тихая прохлада успокоивала меня. Иногда поднимался я изъ пещеры зимою; но страшный морозъ, отъ котораго сокрушались мои кости, не давалъ мнѣ возможности отойти на пять шаговъ. Три года продолжалась эта тяжелая борьба. Послѣ трехлѣтнихъ искушеній для меня настало спокойствіе, и прекратились всѣ непріязненныя нападенія. Тогда явился ко мнѣ нѣкто святообразный и сказалъ: «мужайся; не оставляй пути къ Богу, указаннаго тебѣ». Онъ далъ мнѣ эту траву, говоря: «питайся ею и пей воду изъ этого озера». И вотъ я 38 лѣтъ питаюсь этою травою». Выслушавъ этотъ разсказъ, я упалъ къ ногамъ старца, прося его молитвъ. Андрей вывелъ меня изъ пещеры, указавъ путь къ обители и, благословивъ, сказалъ: «иди съ миромъ и никому не говори слышаннаго отъ меня, пока я живъ». Я пошелъ и мнѣ показалось, что до монастыря было не болѣе полуверсты. Спустя нѣсколько времени, Василій съ другимъ ученикомъ Іосифа—

Даміаномъ, отправились отыскивать пещеру Андрея; но, проходивъ цѣлую недѣлю, не нашли ни дебри, ни горы, ни пещеры.

Повѣсть Василія глубоко запала въ душу Даміана. Онъ жаждалъ отшельнической жизни; жаждалъ бесѣды съ подвижниками пустыни, вѣдомыми одному Богу, а потому въ пустынныхъ мѣстахъ острова провелъ сорокъ дней въ поискахъ пустыннолюбцевъ. Наконецъ силы его изнемогли, и онъ, едва дышущій, легъ подъ дерево. Здѣсь нашли его Соловецкіе иноки, положили на носилки и, принесши къ монастырскому подворью, призвали духовнаго отца. «Что съ тобою, Даміанъ?» спрашивалъ духовникъ. «Прости меня, отецъ; съ тѣхъ поръ, какъ я вышелъ изъ монастыря, не видалъ хлѣба, а питался только травою». Тогда дали ему хлѣба, и Даміанъ оправился. Опять пробудилось въ немъ желаніе отъискать отшельниковъ. Послѣ усердной молитвы къ Богу и Преподобнымъ Зосимѣ и Савватію, онъ вышелъ изъ обители и въ этотъ разъ нашелъ многихъ пустынниковъ, подвизавшихся на Соловецкомъ и Анзерскомъ островахъ: это были старецъ Ефремъ черный и мірянинъ Никифоръ новгородецъ; потомъ Алексѣй калужанинъ, Іосифъ и Тихонъ москвитянинъ, Ѳеодулъ рязанецъ, Порфирій, Трифонъ, Іосифъ младый, Севастіанъ и многіе другіе. Сердечною любовію прилѣпился къ нимъ Даміанъ, началъ часто посѣщать ихъ и приносить имъ нужное изъ обители. Когда умиралъ кто либо изъ нихъ, то онъ своими руками совершалъ погребеніе. Во время такихъ трудовъ встрѣтилъ его однажды пустынникъ Никифоръ. «Посѣщай, Даміанъ, чтобы и самъ ты былъ посѣщенъ отъ Бога», сказалъ отшельникъ и скрылся. Даміанъ нашелъ въ пустынѣ Тимоѳея, который во время смутъ самозванцевъ, оставивъ въ Алексинѣ домъ родительскій, приплылъ изъ Архангельска на островъ въ малой лодкѣ, выстроилъ себѣ хижину и поселился въ ней. Подобно Андрею онъ питался травою.

Даміанъ пожелалъ подражать примѣру отшельниковъ, выстроилъ себѣ уединенную келью и удалился туда на безмолвіе. Но здѣсь посѣтило его тяжкое искушеніе. Однажды служившій Даміану братъ, придя навѣстить его, сотворивъ мо-

литву, не получилъ отвѣта. Инокъ отворилъ дверь и нашелъ Даміана едва живымъ, всего распухшимъ. Пустынника перевезли въ монастырскую больницу, гдѣ онъ пробылъ полгода, подъ надзоромъ опытныхъ старцевъ. Но лишь только Даміанъ оправился, рѣшился искать иного мѣста для уединенной жизни. На малой лодкѣ онъ пустился въ море и поселился на Онегѣ. Здѣсь звѣроловы тяжко избили его; но, оправившись, пустынникъ пошелъ отсюда за озеро Бодло и вблизи острова на Юрьевой горѣ водрузилъ крестъ и поставилъ себѣ келью, гдѣ и провелъ семь лѣтъ. Даміанъ, въ схимѣ Діодоръ *), началъ строить здѣсь храмъ во имя Св. Троицы и, положивъ основаніе обители, скончался ноября 27 дня 1633 года.

Кромѣ этихъ пустынниковъ въ дикомъ лѣсу Соловецкаго острова, преданіе называетъ многихъ другихъ подвижниковъ, искавшихъ спасенія въ самомъ строгомъ безмолвіи. Таковъ былъ Адріанъ, жившій близъ озера въ самой серединѣ острова, въ двухъ верстахъ отъ кельи, выстроенной игуменомъ Иринархомъ, и проводившій строгую подвижническую жизнь; здѣсь онъ скончался и погребенъ въ пустынѣ. Мірянинъ Савва, бывшій въ числѣ труждающихся въ обители, удалился въ лѣса на Соловецкомъ островѣ и подвизался одиннадцать лѣтъ, вѣдомый только единому Богу. По смерти же, въ игуменство Рафаила, онъ былъ погребенъ близъ Даміановой кельи (1633—1636). Подлѣ Саввинской кельи отшельничалъ монахъ Несторъ, день и ночь подвизаясь въ молитвѣ и постѣ. По смерти онъ также погребенъ близъ Даміановой пустыни.

---

*) Діодоръ, по рукописному житію его, назывался въ мірѣ Діомидомъ; но, очевидно, это одно лицо съ Даміаномъ, о которомъ говорятъ Соловецкія записки. Въ житіи говорится, что онъ родомъ изъ Турчасовской волости, и 19 лѣтъ пришелъ въ Соловки (Русскіе Святые, ноября 27 дня).

ПУСТЫННИКЪ НИКИФОРЪ.

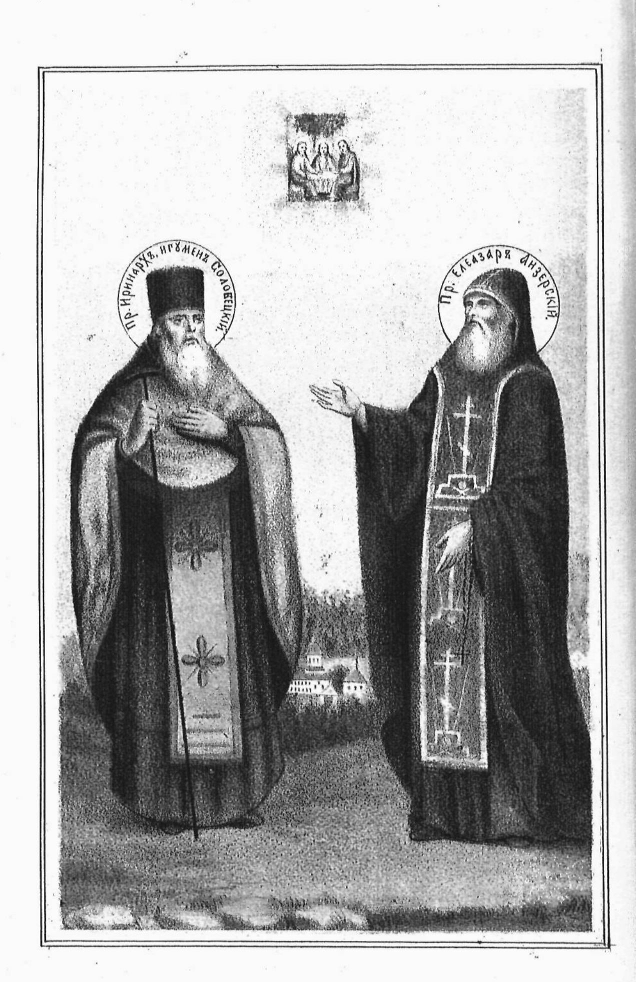
Приходъ въ монастырь.—Удаленіе въ пустыню.—Разсказъ пустынника.

Никифоръ, сынъ новгородскаго іерея, пришелъ въ обитель еще въ молодыхъ годахъ. Полюбилась ему иноческая жизнь. Онъ молилъ настоятеля постричь его; но юность и красота его заставили отклонить такое желаніе. Отказъ только усилилъ въ юношѣ рвеніе къ иноческой жизни. Съ пріѣзжими изъ Новгорода онъ получилъ отъ своихъ родителей письмо, въ которомъ звали его скорѣе воротиться домой. «Скажите родителямъ», отвѣчалъ онъ подателямъ письма, «что они болѣе не увидятъ меня въ этой жизни: мы свидимся тамъ, за гробомъ». Никифоръ продолжалъ трудиться для монастыря съ другими, соблюдая строгій постъ; для сна онъ никогда не ложился, но сидя отдыхалъ немного. Въ часы досуга онъ любилъ читать житіе Марка Ѳраческаго: образъ этого пустынножителя глубоко впечатлѣлся въ немъ и влекъ его къ отшельнической жизни. Однажды, при всѣхъ, Никифоръ вскочилъ со стула, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, снялъ поясъ, сандалія, въ одной сѣрой свиткѣ побѣжалъ въ лѣсъ и пробылъ въ пустынѣ на Соловецкомъ островѣ 12 лѣтъ въ постѣ, молитвѣ и колѣнопреклоненіяхъ. Тогда одинъ пустынникъ постригъ его въ иночество. Проведя три года въ иноческихъ подвигахъ, онъ скончался въ 1605 году, въ недѣлю цвѣтоносную.

Были отшельники, коихъ имена остались вѣдомы одному Богу. Соловецкій инокъ, по нуждамъ обители ходя по острову, отъ усталости хотѣлъ отдохнуть подлѣ одной крутой горы. Сбираясь прилечь на землю, онъ перекрестился и вслухъ произнесъ Іисусову молитву; вдругъ съ высоты горы изъ разсѣлины онъ слышитъ: «аминь». Невѣря своему слуху, онъ въ другой и въ третій разъ произноситъ молитву и опять слышитъ тоже: «аминь»—«Кто ты»—въ изумленіи спрашиваетъ инокъ—«человѣкъ или духъ?»—«Я грѣшный человѣкъ», отвѣчаетъ невидимый, «и плачу о грѣхахъ».—«Какъ имя твое и какъ ты пришелъ сюда?»—«Имя мое, и какъ я пришелъ сюда, знаетъ одинъ Богъ».—«Одинъ ли ты здѣсь?» — «Подлѣ меня живутъ два старца; былъ и третій, но отошелъ къ Господу и мы похоронили его».—„Чѣмъ же вы питаетесь?"—„Вспомни, братъ, слова Господа: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ. Онъ питаетъ и грѣетъ внутренняго человѣка. Вспомни, какъ въ прежнее время преподобные мужи и жены обитали въ горахъ, вертепахъ и пропастяхъ земныхъ. Создатель Богъ питалъ ихъ, и нынѣ не единъ ли и тотъ же Богъ? Если хочешь узнать, чѣмъ Владыка питаетъ бренное мое тѣло, возьми это". Съ этими словами онъ сбросилъ кусокъ чего то, инокъ взялъ и ѣлъ. Это былъ бѣлый мохъ, стертый съ брусникою. «Вотъ чѣмъ питаетъ меня Владыка мой», сказалъ отшельникъ. Инокъ началъ молить его, чтобы онъ сказалъ, сколько лѣтъ на этомъ мѣстѣ и какъ проводилъ время. «Я здѣсь десять или болѣе лѣтъ», отвѣчалъ отшельникъ; въ первый годъ пребыванія много и тяжко я страдалъ отъ страхованія бѣсовскаго. Бѣсы, являясь въ видѣ разбойниковъ, устрашали меня, били нещадно, тащили изъ кельи, требовали, чтобъ я удалился съ острова, или ушелъ въ обитель. Измучивъ меня, оставляли едва живымъ. Тогда приходили ко мнѣ два святолѣпныхъ мужа, имѣя просфору въ рукахъ. Они говорили: встань, братъ, и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сотвори молитву Іисусову; не бойся козней вражіихъ, мужайся и крѣпись—и Богъ поможетъ тебѣ: вкуси отъ этой просфоры, мы будемъ тебя посѣщать. Лишь только вку-

шалъ я просфору, тотчасъ чувствовалъ себя здоровымъ и радостнымъ. Въ первый годъ, когда особенно нападали на меня демоны, старцы часто посѣщали меня, вносили меня въ хижину и укрѣпляли. На другой годъ нападенія демоновъ *стали слабѣе*, а *теперь*, *благодатію Христовою*, *я безопасенъ* отъ всѣхъ навѣтовъ вражіихъ. Но старцы иногда посѣщаютъ меня и приносятъ просфору и хлѣбъ». Когда инокъ прощался, пустынникъ просилъ его принести въ назначенный день ладону. Инокъ обѣщалъ, но не успѣлъ исполнить въ опредѣленное время, а потомъ уже не нашелъ пустынника. На другой годъ инокъ, однакоже, опять пришелъ на то мѣсто, гдѣ бесѣдовалъ съ пустынникомъ, и, утрудившись, легъ отдохнуть. Въ сонномъ видѣніи явился ему отшельникъ и, сказавъ: «теперь ты напрасно пришелъ», далъ ему просфору.

Такъ какъ число искавшихъ пустынной жизни становилось болѣе и болѣе, и они, подвизаясь безъ руководства духовныхъ отцевъ, опытныхъ во внутренней брани, могли впадать въ искушеніе, то для желающихъ уединенія въ это время устроился пріютъ скитской жизни, подъ руководствомъ Преподобнаго Елеазара Анзерскаго.


Пр. Иринархъ, игуменъ Соловецкій.
Пр. Елеазаръ Анзерскій.

ПРЕПОДОБНЫЙ ИРИНАРХЪ, ИГУМЕНЪ СОЛОВЕЦКІЙ.

Добродѣтели.—Игуменство.—Подвижничество.—Грамота царя. — Преподобный Елеазаръ Анзерскій. — Кончина. — Явленія Виталію, Веніамину, Маркелу. — Исцѣленіе Іоанна.—Помощь жителямъ Двинскимъ, Варзужскимъ, Сумскимъ.

Преподобный Иринархъ, принявъ иноческое постриженіе въ Соловецкой обители, ревностно подражалъ добродѣтельной жизни Препод. отецъ Зосимы и Савватія. Высокія качества души его сдѣлали его извѣстнымъ царю и «свѣтильникъ» былъ поставленъ «на подсвѣчникѣ» (Матѳ. 5, 15). По смерти игумена Антонія, Иринархъ былъ поставленъ Соловецкимъ игуменомъ. Сколько заботъ и трудовъ предстояло Препод. Иринарху! Смиренный и кроткій, всегда погруженный въ богомысліе и занятый иноческими подвигами, онъ въ тоже время, по волѣ царской, предпринималъ мѣры защиты отъ внѣшнихъ враговъ—Шведовъ и Датчанъ, и приводилъ монастырь въ оборонительное состояніе. Въ Сумскомъ и Кемскомъ острогахъ сдѣланы новыя укрѣпленія; число военныхъ людей на содержаніи монастыря увеличено до 1040. Но съ попеченіемъ о внѣшней безопасности обители Преподобный соединялъ заботливость и о внутреннемъ духовномъ преуспѣяніи ея. Будучи самъ примѣромъ подвижничества, онъ ревновалъ о поддержаніи въ подчиненныхъ ему инокахъ духа истиннаго монашества. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ вполнѣ сочувствовалъ благимъ стремленіямъ игумена и своею грамотою, въ 1621

году, предписывалъ о неослабномъ наблюденіи за трезвенностію и безмолвіемъ братіи. „Какъ только придетъ къ вамъ наша грамота“, писалъ царь, „вы, богомольцы наши, введете строгій надзоръ и недопускайте исполнять свою волю тѣмъ, *которые захотятъ жить слабо*, уклоняться къ мірскимъ дѣламъ или держать (хмѣльное) питье, выходить изъ монастыря и творить молвы; строго надзирайте, чтобы братія и послушники *жили по правиламъ св. отцевъ, а не по своимъ похотямъ*, и усердно ходили бы въ церковь. Пусть новоначальные будутъ въ полномъ послушаніи у васъ, богомольцевъ нашихъ, игумена и извѣстныхъ старцевъ, а по самоволію ничего не дѣлали бы, безчинія въ обитель не вносили бы». Подъ духовнымъ руководствомъ Препод. Иринарха образовалось нѣсколько истинныхъ рабовъ Божіихъ. Таковъ Препод. Елеазаръ, основатель Анзерскаго скита. Блаженный игуменъ не только далъ ему благословеніе завести на Анзерскомъ островѣ скитъ для любителей пустынной жизни, но и доставилъ ему средства для *устроенія скита и писалъ о немъ патріарху Филарету*. Патріархъ прислалъ грамоту на постройку храма, а царь утварь для новаго храма.

Приготовляясь къ кончинѣ, Препод. Иринархъ испросилъ себѣ увольненіе отъ дѣлъ начальственныхъ и послѣдніе два года жизни провелъ въ совершенномъ безмолвіи. Онъ преставился 17 іюля 1628 года. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ часовнѣ его имени.

Посмертныя явленія Преподобнаго Иринарха свидѣтельствовали о томъ, что онъ обрѣлъ благодать у Господа и сдѣлался молитвенникомъ за бѣдствующихъ и страждущихъ. Инокъ Виталій, любимый Преподобнымъ, по кончинѣ его скорбѣлъ и печалился, но былъ утѣшенъ слѣдующимъ знаменательнымъ видѣніемъ: *въ 40-й день, когда братія совершали по усопшемъ* обычное поминовеніе въ трапезѣ, инокъ, ночью того дня, въ тонкомъ снѣ увидѣлъ самого игумена Иринарха, который, съ свѣтлымъ лицемъ, въ епитрахили и съ кадиломъ въ рукѣ, ходилъ по рядамъ братіи и кадилъ. Іеромонахъ Веніаминъ также со скорбію и слезами вспоминалъ почившаго игумена,

и когда, послѣ продолжительной молитвы, легъ на одръ, ему показалось, что въ келью вошелъ самъ Преподобный Иринархъ, благословилъ его и сказалъ: «сынъ мой, зачѣмъ скорбишь о мнѣ? я получилъ милость отъ Владыки Христа, Бога нашего, и нахожусь въ покоѣ; ты же не печалься, а радуйся обо мнѣ и старайся о своемъ спасеніи». Съ этими словами Преподобный сталъ невидимъ, а сердце Веніамина исполнилось радостію. Въ 1636 году, въ игуменство Варѳоломея, Маркеллъ, впослѣдствіи Соловецкій игуменъ и архіепископъ вологодскій, находясь внѣ монастыря на послушаніи, увидѣлъ во снѣ, будто стоитъ въ Преображенскомъ соборѣ обители у западной стѣны, а предъ царскими вратами лѣствица, достигающая большой главы. Игуменъ Иринархъ, сойдя по той лѣствицѣ, направился къ игумену Варѳоломею, взялъ посохъ изъ рукъ его и сказалъ: «довольно, братъ, не твое это дѣло»; потомъ, взглянувъ на Маркелла, произнесъ: «подойди и возьми этотъ посохъ». Маркеллъ приблизился, взялъ посохъ, — и видѣніе окончилось.

Въ 1642 году, въ мартѣ, благочестивый трудникъ въ монастырской кузницѣ, Іоаннъ Емельяновъ, послѣ продолжительной молитвы въ своемъ чуланѣ, задремалъ и увидѣлъ во снѣ, что приползъ изъ дверей змѣй и укусилъ его въ руку. Въ самомъ дѣлѣ, на одномъ пальцѣ оказалась язва, рука начала пухнуть и отекла такъ, что владѣть ею было невозможно. На третью ночь опять увидѣлъ Іоаннъ во снѣ, что къ нему вошли два старца; одного онъ тотчасъ узналъ,—это былъ Преподобный Иринархъ, а другой, съ сосудомъ и кистью въ рукѣ, остался неизвѣстенъ. Иринархъ, благословивъ больнаго, взялъ у своего спутника кисть и окропилъ распухшую руку Іоанна. Проснувшись, больной нашелъ платокъ, которымъ была обвязана рука, мокрымъ. Скоро Іоаннъ совершенно выздоровѣлъ и прославилъ угодника Божія.

Препод. Иринархъ не разъ помогалъ жителямъ суроваго сѣвера въ борьбѣ ихъ съ природою. Такую помощь получили отъ него въ 1629 году жители Двинской страны, промышлявшіе въ морѣ. Сильнымъ вѣтромъ занесло суда ихъ въ море.

гдѣ они и плавали во льдахъ много дней. Бѣдствующіе усердно молились Богу объ избавленіи отъ погибели. Когда настала ночь, одному изъ кормчихъ явился во снѣ старецъ въ священническомъ облаченіи, украшенный длинною сѣдою бородою, съ крестомъ въ рукѣ. „Встаньте", сказалъ онъ, „молитесь Богу, призывайте на помощь Соловецкихъ Чудотворцевъ, и Господь вскорѣ окажетъ вамъ милость". Послѣ этого, онъ осѣнилъ всѣхъ крестомъ и на вопросъ: «кто онъ и откуда»? отвѣчалъ: „я игуменъ Соловецкаго монастыря Иринархъ". Кормчій, проснувшись и поглядѣвъ около себя, никого не видалъ. Въ туже ночь Преподобный явился и на другомъ суднѣ, повелѣвалъ не унывать, но уповать на милость Божію, назвался Иринархомъ и своимъ посохомъ указалъ путь къ Анзерскому острову. Это видѣніе укрѣпило ослабѣвшихъ промышленниковъ. Вскорѣ вѣтеръ, перемѣнивъ направленіе, понесъ одно судно къ берегу, гдѣ плаватели нашли на льду множество морскихъ звѣрей и возвратились домой съ богатою добычею; а другое судно пристало къ Анзерскому острову, и плывшіе на немъ, хотя и безъ добычи, возвратились домой, сохранивъ свою жизнь отъ опасности.

Подобнымъ образомъ жители Варзуги весною плавали въ морѣ для добычи морскихъ звѣрей и, не имѣя успѣха въ промыслѣ, возвращались домой. Встрѣтивъ большую льдину, они вытащили на нее свои суда и спокойно легли спать. Во снѣ одному изъ нихъ явился старецъ и сказалъ: „вставайте, Богъ дастъ вамъ добычу". Промышленникъ, проснувшись, увидѣлъ близъ судна старца, который на вопросъ: «кто онъ»? назвалъ себя Соловецкимъ игуменомъ Иринархомъ и сталъ невидимъ. Товарищи, разбуженные имѣвшимъ видѣніе, выскочили изъ судовъ своихъ и нашли на льду чрезвычайное множество морскихъ звѣрей. Изловивъ ихъ, они возвратились домой, прославляя угодника Божія.

Жители Сумскаго острога, промышляя въ морѣ на 15 судахъ, пристали у Анзерскаго острова къ льдинѣ, на которой, вытащивъ свои суда, легли спать. Оставленный ими сторожъ, задремавъ, вдругъ услышалъ голосъ: «зачѣмъ спишь?

вставайте и влеките суда свои дальше на ледъ». Проснувшись, онъ увидѣлъ предъ собою высокаго ростомъ старца, который, назвавъ себя Соловецкимъ Иринархомъ сталъ невидимъ. Но сонъ одолѣвалъ сторожа. Опять явился ему старецъ и вскричалъ: „вставайте, ваши суда повредитъ льдомъ“. Между тѣмъ на морѣ поднялась великая буря. Тогда сторожъ поспѣшилъ разбудить товарищей, которые едва успѣли оттащить свои суда дальше на ледъ; нѣкоторыя снасти были уже унесены волнами.

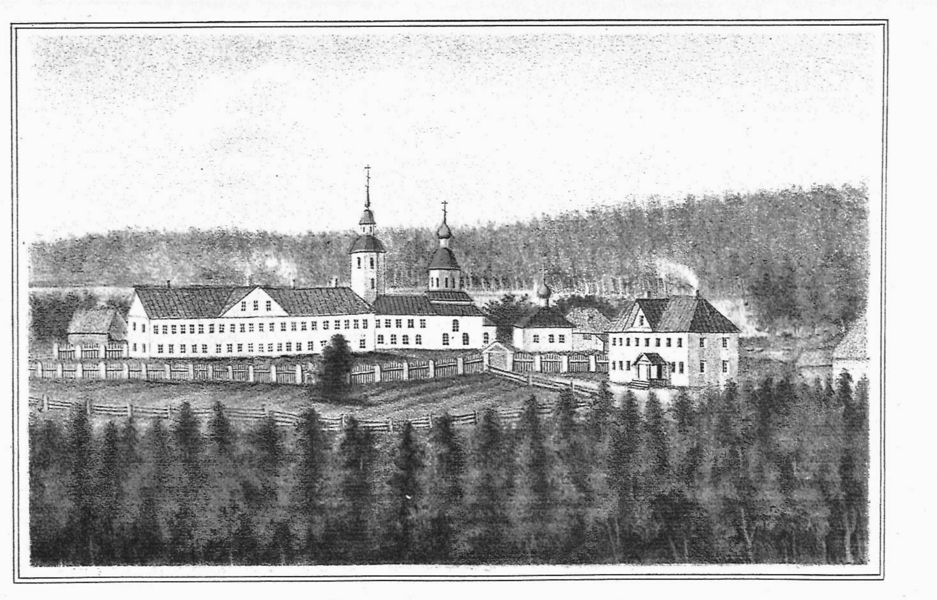
ПРЕПОДОБНЫЙ ЕЛЕАЗАРЪ,

основатель Троицко-Анзерскаго скита.

Происхожденіе.—Монашество.—Отшельничество на Анзерскомъ островѣ.—Искушенія.—Схима.—Начало скита.—Подвижничество.—Замѣчательные случаи.—Построеніе деревяннаго храма.—Строительство Елеазара.—Дружество съ Препод. Иринархомъ.—Извѣстность Царю.—Царская грамота 1633 года.—Ученики Елеазара.—Забота объ устройствѣ каменнаго храма.—Попеченіе патріарха Никона о скитѣ.—Опыты духовной жизни Елеазара.—Кончина.—Явленія и чудеса.—Наставленіе инокамъ о постриженіи, келейномъ правилѣ, причащеніи св. Таинъ, погребеніи.—Поученіе въ св. Четыредесятницу.—Состояніе скита по смерти Елеазара.—Строители Никодимъ и Романъ.—Причисленіе къ Соловецкому монастырю.—Строитель Спиридонъ.—Обрѣтеніе мощей Препод. Елеазара.—Игуменъ Мельхиседекъ.—Настоящее состояніе скита

Преподобный Елеазаръ почитается благоустроителемъ пустынной жизни на Соловецкихъ островахъ. До него отшельники проводили жизнь уединенную на избранныхъ мѣстахъ, а со времени основанія имъ скита собрались къ нему, такъ что Троицко-Анзерскій скитъ сдѣлался разсадникомъ, въ которомъ воспитывались любители пустынной жизни.

Препод. Елеазаръ родился въ городѣ Козельскѣ, калужской губерніи, въ концѣ XVI вѣка. Родители его, по фамиліи Севрюковы, были купеческаго званія и отличались особеннымъ благочестіемъ. Въ молодыхъ годахъ обнаружилась въ Елеазарѣ склонность къ иноческой жизни. Набожные родители не хотѣли препятствовать доброму намѣренію сына и дали ему свое благословеніе. Прибывъ въ Соловецкій монастырь, Елеазаръ былъ принятъ въ число братства Препод. игуменомъ Иринархомъ, и съ усердіемъ и ревностію занялся рѣзнымъ



СВЯТО-ТРОИЦКІЙ СКИТЪ НА АНЗЕРСКОМЪ ОСТРОВѢ.

дѣломъ въ Преображенскомъ соборѣ. Строгимъ постомъ, постоянствомъ въ молитвѣ, глубокимъ вниманіемъ къ самому себѣ, послушникъ пріобрѣлъ уваженіе братіи и любовь игумена и былъ постриженъ въ монашество.

Не ища славы человѣческой и стремясь къ большимъ подвигамъ, Елеазаръ, по благословенію Преподобнаго Иринарха, оставилъ обитель и удалился на Анзерскій островъ, отдѣленный отъ Соловецкаго на сѣверъ проливомъ въ 4 версты. Въ то время этотъ островъ былъ необитаемъ; только изрѣдка приставали къ нему бѣломорскія суда и монастырскіе промышленники, занимавшіеся рыбною и звѣриною ловлею. Среди острова возвышается чрезвычайно крутая гора, называемая теперь Голгоѳою. Съ вершины ея въ ясный лѣтній день открывается величественный видъ на необъятное пространство морскихъ водъ, на немалую часть острововъ Соловецкаго и Муксальмскаго, берега твердой земли, островъ Жигжинъ. Весь Анзерскій островъ, съ его холмами, покрытыми густымъ сосновымъ и березовымъ лѣсомъ, съ его озерами разной величины, находится какъ бы подъ ногами.

Елеазаръ, плѣненный мѣстоположеніемъ, поселился около озера, называемаго «Круглымъ». Первымъ дѣломъ его было водрузить деревянный, сдѣланный имъ самимъ, крестъ, близъ котораго онъ устроилъ убогую хижину. Жизнь, въ сосѣдствѣ однихъ только звѣрей и морскихъ птицъ, сначала была для пустынника весьма тяжела. Много разъ онъ испытывалъ діавольскія страхованія. Такъ, демоны представлялись ему то въ образѣ знакомыхъ людей, то въ образѣ воиновъ, пѣшихъ и конныхъ, иногда съ оружіемъ; они яростно устремлялись на Елеазара, какъ бы намѣреваясь убить, и говорили: «зачѣмъ сюда пришелъ? Это наше мѣсто и никто до сего времени не приходилъ сюда». «Не ваше», говорилъ имъ пустынникъ, «но Христа Бога моего, и Богу угодно, чтобы я здѣсь жилъ», потомъ читалъ: «да воскреснетъ Богъ»—и этою молитвою прогонялъ незваныхъ посѣтителей. Иногда они являлись въ различныхъ страшныхъ образахъ, со скрежетомъ зубовъ и воплемъ; бывало и такъ, что вдругъ надъ кельей его раздастся

какъ будто громъ или выстрѣлъ изъ многихъ орудій. Но Богъ утѣшилъ подвижника радостнымъ видѣніемъ: въ одно время, когда онъ сидѣлъ въ своей кельѣ, явилась предъ нимъ Пресвятая Богородица и сказала: «мужайся и крѣпись, Господь съ тобою; напиши на стѣнахъ кельи: Христосъ съ нами уставися» *). Подавъ ему трость и четки, Царица Небесная сдѣлалась невидима. Въ другой разъ онъ слышалъ пѣніе: «вознесу тя, Господи Боже мой, яко подъялъ мя еси и не возвеселилъ еси враговъ моихъ о мнѣ», и присовокупилъ: «буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка».

Для снисканія себѣ пропитанія, а также для упражненія въ трудѣ, пустынникъ занимался дѣланіемъ деревянныхъ чашекъ, которыя ставилъ у морской пристани: мореплаватели, находя эти чашки, охотно брали съ собою, оставляя въ замѣнъ ихъ хлѣбъ и другіе съѣстные припасы. Чрезъ нѣсколько времени, въ 1616 году, инокъ Елеазаръ встрѣтился въ пустынѣ съ такимъ же подвижникомъ, Соловецкимъ іеромонахомъ Ѳирсомъ, и принялъ отъ него постриженіе въ схиму. Съ принятіемъ схимы, пустынникъ увеличилъ свои подвиги, и перешелъ на другое мѣсто жительства, къ морской губѣ, называемой нынѣ Троицкою, вдающейся въ островъ на двѣ версты. Здѣсь онъ нашелъ ветхую часовню, которую перестроилъ своими руками. Келейнымъ занятіемъ его было по прежнему приготовленіе деревянныхъ чашекъ.

Мало по малу молва объ Анзерскомъ пустынникѣ распространилась по Бѣломорскому берегу и къ нему собралось нѣсколько ревнителей безмолвія и уединенія. Елеазаръ не рѣшился удаляться отъ людей, ищущихъ, подобно ему, душевнаго спасенія, и составилъ изъ нихъ небольшое братство пустынножителей.

Препод. Елеазаръ ввелъ для сподвижниковъ древній порядокъ пустынной жизни. Каждый пустынникъ имѣлъ особую келью, не въ дальнемъ разстояніи отъ другихъ, пребывалъ въ

*) У Анзерскихъ подвижниковъ и доселѣ есть обычай писать эти слова на своихъ дверяхъ.

ней въ постѣ и молитвѣ, занимаясь какимъ либо рукодѣльемъ для своего пропитанія, никого не принималъ къ себѣ и самъ не ходилъ, кромѣ собранія на общую молитву. Общая молитва совершалась или въ часовнѣ, или въ кельѣ Препод. Елеазара: свечера отправляли вечерню, читали псалтирь, пѣли каноны Господу Іисусу и Пресвятой Богородицѣ, исповѣдывали свои помышленія и грѣхи наставнику; утромъ служили литію, утреню, часы, и затѣмъ подвижники уходили на безмолвіе въ свои кельи. Препод. Елеазаръ былъ примѣромъ подвижничества для всѣхъ учениковъ: умерщвляя свое тѣло постомъ, бдѣніями и колѣнопреклоненіями, онъ имѣлъ на себѣ желѣзныя вериги, рубилъ дрова, носилъ воду. Время, свободное отъ этихъ трудовъ, онъ употреблялъ на переписку полезныхъ книгъ: «отъ многаго божественнаго писанія», сказано о немъ во вкладной скитской книгѣ, «различныя повѣсти собра, и три книги Цвѣтника своею рукою написа уставомъ, также и чинъ монашескаго келейнаго правила въ писаніи добрѣ истолкова; братіи своей патерикъ о уставѣ и благочиніи скитскомъ положи, и старчество и иніи книги своею рукою написа. «Какъ Преподобный умѣлъ побѣждать свои пожеланія, показываетъ слѣдующее повѣствованіе жизнеописателя его: случалось, что ему приходило на мысль вкусить рыбы; онъ приготовлялъ ее, ставилъ предъ собою и, не дотрогиваясь, укорялъ себя въ невоздержаніи. Нетронутая пища, оставаясь въ кельи, разлагалась,—тогда подвижникъ говорилъ себѣ: «ѣшь теперь, если хочешь».

Не терпя такихъ подвиговъ самоотверженія, врагъ искуситель усиливалъ свою злобу на Преподобнаго. Соловецкій игуменъ Иринархъ, глубоко уважая Елеазара, нерѣдко и самъ посѣщалъ его для духовной бесѣды, и приглашалъ чрезъ слугу къ себѣ въ монастырь. Однажды является этотъ слуга съ лошадью, заложенною въ сани; подскочивъ къ окну кельи, онъ передалъ отъ игумена поклонъ и приглашеніе пріѣхать въ монастырь. Елеазаръ началъ собираться въ путь и раньше обыкновеннаго совершилъ утреннее молитвенное правило. Замѣтивъ, что посланный часто уходитъ изъ кельи во время

службы, онъ спросилъ его: «зачѣмъ такъ часто отлучаешься изъ кельи»? — «Лошадь посматриваю, не смирно стоитъ», — былъ отвѣтъ. По окончаніи молитвы, Елизаръ хотѣлъ предъ отъѣздомъ вкусить пищи и угостить пріѣзжаго, и предъ вкушеніемъ, по обычаю, сталъ читать молитву Господню, но лишь только произнесъ:—„и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго", мнимый слуга мгновенно исчезъ. Съ ужасомъ подвижникъ взглянулъ въ окно, но на дворѣ не оказалось даже и слѣдовъ пріѣзжаго. Тогда онъ понялъ, что это было искушеніе отъ діавола, и возблагодарилъ Господа Бога, не допустившаго посмѣяться надъ нимъ врагу. Иногда врагъ человѣческаго рода воздвигалъ на Преподобнаго злыхъ людей. Такъ, однажды онъ положилъ на сердце нѣкоторымъ береговымъ жителямъ ограбить подвижника, внушивъ имъ мысль, будто у него большія богатства. Эти люди приплыли къ острову и приблизились къ бѣдной кельѣ старца, который, предъугадывая намѣреніе ихъ, обратился съ молитвою о защитѣ къ Богу. Злодѣи, не успѣвъ ничего сдѣлать, какъ бы обезумѣли и стали несмысленно кружиться около кельи. Сжалившись надъ ними, Преподобный Елеазаръ вышелъ къ нимъ и спросилъ: „зачѣмъ, дѣти, вы пришли и чего хотите"? Но несчастные не отвѣчали и продолжали кружиться. Тогда подвижникъ молилъ Бога о разрѣшеніи пришельцевъ отъ невидимыхъ узъ и молитва его была услышана; очнувшись, злодѣи пришли въ себя и съ раскаяніемъ просили у старца прощенія. Преподобный простилъ ихъ и, наставивъ никогда не желать чужой собственности, отпустилъ домой.

Какъ ни убѣгалъ подвижникъ славы человѣческой, но онъ сдѣлался извѣстенъ даже царствующему дому. Игуменъ Иринархъ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, находясь въ Москвѣ по дѣламъ монастыря, былъ принятъ родительницею царя, великою старицею Марѳою Ивановною. Въ бесѣдѣ съ нимъ старица спросила: «правда-ли, что на Анзерскомъ островѣ проживаютъ отшельники?» Когда игуменъ отвѣчалъ утвердительно, старица подала ему мысль объ устройствѣ для нихъ храма и пожертвовала для этой цѣли 100 рублей. Сами

Анзерскіе пустынники давно желали устроить себѣ храмъ Божій, но, не имѣя достаточныхъ средствъ, не знали какъ приступить къ дѣлу. Теперь они видѣли, что промыслъ Божій печется о нихъ, внушивъ такую мысль родительницѣ царя. Другое обстоятельство еще болѣе помогло Анзерскимъ пустынникамъ исполнить свое желаніе въ скоромъ времени. Одинъ старецъ, Александръ Булатниковъ, впослѣдствіи преемникъ знаменитаго келаря Троицко-Сергіевой лавры, Авраамія Палицына, уважаемый царемъ и всею его фамиліею, зналъ лично Препод. Елеазара. Онъ, вмѣстѣ съ игуменомъ Иринархомъ, извѣщалъ патріарха Филарета объ устроеніи Анзерскаго скита и неимѣніи у пустынниковъ храма. Грамотою 18-го марта 1620 года патріархъ предписывалъ Соловецкому игумену Иринарху послать въ скитъ плотниковъ и срубить храмъ въ клѣтку, во имя Св. Троицы съ придѣломъ Препод. Михаила Малеина, обѣщаясь прислать отъ себя образа, сосуды, облаченія, книги и все, что необходимо для богослуженія. Съ своей стороны царь, грамотою 20-го января 1621 года, повелѣвалъ Анзерскимъ пустынникамъ имѣть содержаніе отъ Соловецкаго монастыря, не вмѣшиваясь въ управленіе монастырскими угодьями, быть въ послушаніи у Соловецкаго настоятеля и соборныхъ старцевъ, самоволія и безчинія не дѣлать, мірскихъ людей къ себѣ не принимать, всячески удаляясь молвы и смятенія.

Съ построеніемъ храма, Анзерскіе пустынники хотя не оставляли своихъ келій, но чаще стали собираться для общей молитвы. Іеромонахъ Варлаамъ совершалъ для нихъ богослуженіе и, въ качествѣ «строителя» скита, пользовался нѣкоторою властію надъ скитянами. Самъ Елеазаръ избѣгалъ начальствованія и оставался духовнымъ руководителемъ и совѣтникомъ братства. Но вскорѣ, въ 1624 году, вѣроятно по волѣ царя или патріарха, онъ долженъ былъ принять на себя бремя правленія, которое отягчилось для него потерею покровителя и друга—Соловецкаго игумена Иринарха. Какихъ духовныхъ даровъ достигли оба подвижника, обнаружилось въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: когда наступилъ для Иринарха смертный часъ, Елеазаръ, будучи въ своемъ скиту, сказалъ братіи:

«другъ мой и собесѣдникъ о Господѣ игуменъ Иринархъ сегодня умираетъ,—мнѣ надобно поспѣшить въ обитель, но уже не застану его въ живыхъ». Иринархъ же, на одрѣ смертномъ, предъ Соловецкою братіею произнесъ: «братъ мой духовный, Елеазаръ, сегодня отправляется изъ своего скита въ нашу обитель и желаетъ прибыть прежде моей кончины, но, по волѣ Божіей, уже не увидитъ меня въ живыхъ».

При новомъ Соловецкомъ игуменѣ Макаріѣ, грамотою 7-го февраля 1628 года, число братства въ Анзерскомъ скитѣ опредѣлено въ 12 человѣкъ и на это число повелѣно отпускать, чрезъ Соловецкій монастырь, изъ доходовъ Двинской области—на одежду по 2 р. на человѣка, на содержаніе по три четверти ржаной муки, по осьминѣ овса, солоду, по полуосьминѣ крупъ и толокна; на церковные расходы—пудъ воску, три ведра краснаго вина, 10 фунтовъ ладона, на просфоры—по четверти пшеничной муки, и кромѣ того 5 р. на дрова. Благодаря такой заботливости царя Михаила Θеодоровича, матеріальное положеніе Анзерскихъ пустынниковъ было обезпечено. Милостивое расположеніе царя къ Анзерскому скиту увеличилось еще болѣе со времени счастливаго событія въ царскомъ семействѣ. Въ бесѣдѣ съ Александромъ Булатниковымъ, царь выразилъ ему свою скорбь, что не имѣетъ по себѣ наслѣдника, прибавивъ: «кто бы могъ помолиться, чтобы Господь разрѣшилъ наше неплодіе?» «Есть, государь», отвѣчалъ старецъ, «въ твоей державѣ одинъ подвижникъ, котораго молитву, вѣрую, услышитъ Господь Богъ», и разсказалъ о жизни и подвигахъ Преподобнаго Елеазара. Благочестивый царь обрадовался этой вѣсти и послалъ просить пустынника въ Москву. Препод. Елеазаръ отправился. Въ первой же бесѣдѣ съ нимъ царь открылъ цѣль приглашенія его. Подвижникъ, утѣшая царя, сказалъ: «по вѣрѣ вашей Господь Богъ не оставитъ васъ безъ наслѣдника престола». Государь принялъ эти слова за предсказаніе и оставилъ старца въ Чудовомъ монастырѣ въ ожиданіи исполненія. Скоро Господь утѣшилъ царя, даровавъ ему сына Алексѣя (1629 г.). Рожденіе царевича принесло царскому дому радость и торжество. Не былъ забытъ при этомъ и Анзерскій пустынникъ, пре-

бывавшій въ Чудовомъ монастырѣ. Царь, призвавъ къ себѣ Елеазара, предлагалъ ему почести и чины духовные, но смиренный подвижникъ отказался отъ лестныхъ предложеній, намѣреваясь окончить жизнь свою въ пустынномъ уединеніи.

Уважая Анзерскаго строителя, царь хотѣлъ упрочить существованіе скита его, и грамотою 31-го іюля 1633 года объявилъ Анзерскій скитъ независимымъ отъ монастыря и разрѣшилъ пустынникамъ избирать строителей изъ своей среды, имѣть братіи 12 человѣкъ и 2 мірянъ для рубки дровъ, провинившихся не посылать въ Соловецкій монастырь для исправленія, но смирять ихъ по своему усмотрѣнію. Соловецкому игумену предписывалось не вступаться въ управленіе скитомъ, не посылать туда строителей, не дѣлать пустынникамъ никакого притѣсненія и не препятствовать желающимъ изъ Соловецкой братіи переходить въ скитъ. А Двинскому воеводѣ особою царскою грамотою, того же 31-го іюля 1633 года, было повелѣно, подъ опасеніемъ опалы, высылать въ Анзерскій скитъ, своевременно и сполна, назначенное содержаніе на казенныхъ подводахъ и судахъ, помимо Соловецкаго монастыря. Впрочемъ, зависть и недоброжелательство злыхъ людей причиняли скитянамъ не мало скорбей и безпокойствъ. 13-го іюля 1634 года пріѣзжали къ острову злоумышленники съ явною цѣлію грабежа, но въ то время приплыли къ устью губы поморскія лады, и воры, устрашившись, бѣжали. По жалобѣ Препод. Елеазара, царь, грамотою 31-го января 1638 года, повелѣвалъ Сумскому воеводѣ охранять скитъ отъ разбойниковъ и недоброжелателей.

Въ это время скитское братство увеличилось нѣсколькими замѣчательными лицами. Въ 1634 году вступилъ въ скитъ Никодимъ, который сдѣлался любимымъ ученикомъ Препод. Елеазара и, по смерти его, занялъ мѣсто строителя. Сюда пришелъ, по стремленію къ строгому подвижничеству, московскій священникъ Никита. Скоро онъ принялъ монашеское постриженіе съ именемъ Никона. Пламенная душа Никона созрѣвала въ Анзерской пустынѣ въ подвигахъ поста и молитвы для будущихъ трудовъ церковнаго управленія въ званіи новгородскаго митрополита и потомъ всероссійскаго патріарха. Никонъ каждый

день прочитывалъ псалтирь, каноны Господу Іисусу и Божіей Матери, и клалъ 1000 поклоновъ. Но недолго этотъ новый подвижникъ служилъ назидательнымъ примѣромъ для скитскаго братства: промыслъ Божій видимо велъ его къ высшему служенію—и Никонъ переѣхалъ въ Кожеезерскую пустынь.

Прежняя церковь сдѣлалась тѣсною для умножающейся братіи, и Препод. Елеазаръ рѣшился построить каменный храмъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, мѣрою въ 5 саженъ. Средствъ, сбереженныхъ временемъ, оказывалось почти достаточно; но въ крайнемъ случаѣ имѣлась въ виду благотворительность нѣкоторыхъ изъ поморскихъ жителей. Пустынники повергли предъ царемъ новую просьбу о разрѣшеніи устроить каменный храмъ и вскорѣ получили разрѣшеніе. Благочестивый царь, принявъ живое участіе въ дѣлѣ, начинающемся къ славѣ Божіей, предписалъ двинскому воеводѣ, князю Львову, отпустить изъ таможенныхъ сборовъ на это строеніе двѣсти рублей, съ тѣмъ, чтобы Анзерскіе пустынники молились Богу за упокой души родителя его, патріарха Филарета. Мало того, царь повелѣлъ Львову послать въ скитъ строителей съ рабочими людьми, опытными въ каменномъ дѣлѣ. Соловецкому же игумену Варѳоломею, въ грамотѣ 12-го января 1638 года, было приказано дать съ монастырскаго завода для предполагаемаго строенія кирпичъ и известь, съ платою изъ суммъ, принадлежащихъ Анзерскому скиту, т. е. пожалованныхъ царемъ и имѣющихся въ сборѣ.

Но доброму намѣренію не суждено было исполниться въ скоромъ времени. Соловецкому игумену Варѳоломею не нравилось дѣло, задуманное Елеазаромъ, а потому онъ донесъ въ Москву, что Анзерскій строитель начинаетъ церковное строеніе не по средствамъ и въ монастырѣ нѣтъ въ готовности матеріаловъ. Хотя Варѳоломей въ слѣдующемъ году оставилъ настоятельство, но строеніе каменной церкви замедлилось на неопредѣленное время. Преподобному Елеазару пришлось испытать много непріятностей и огорченій. Не смотря на это, онъ не унывалъ и не оставлялъ своего намѣренія. Чрезъ восемь лѣтъ новый случай помогъ ему приступить къ начатому дѣлу. Алексѣй Михайловичъ, вступивъ на престолъ по кончинѣ родителя

своего, вспомнилъ объ Анзерскомъ пустынникѣ, предсказавшемъ нѣкогда рожденіе его, и пожелалъ видѣть его. Преподобный, не смотря на старческую дряхлость, отправился въ столицу и былъ милостиво принятъ государемъ. Царь вручилъ ему подтвердительную ружную грамоту 11-го февраля 1646 года, а Соловецкому игумену Иліи повелѣлъ по предположенной мѣрѣ выстроить въ скитѣ каменную церковь и донести въ приказъ большаго дворца боярину князю Львову, во что̀ обойдется строеніе. Теперь, казалось, всѣ препятствія были устранены; тѣмъ не менѣе игуменъ Илія не приступалъ къ постройкѣ, пока не получилъ подтвержденія о царской волѣ отъ двинскаго воеводы, князя Ромодановскаго. Между тѣмъ, негодуя на Елеазара, онъ успѣлъ выдержать его нѣкоторое время въ Соловецкомъ монастырѣ въ заключеніи.

Наконецъ подвижникъ имѣлъ утѣшеніе не только видѣть успѣшное строеніе храма, но и лично заправлять постройкою, участвуя во всѣхъ трудахъ братіи. Такъ, когда раннею весною не было доставлено изъ Соловецкаго монастыря достаточное количество кирпича и рабочіе оставались безъ дѣла, Препод. Елеазаръ, не смотря на ледъ, носившійся въ морѣ, самъ съ нѣсколькими людьми отправился на суднѣ въ монастырь. Нагрузивъ ладью кирпичемъ и известью, пловцы на обратномъ пути были затерты льдомъ. Опасность была великая, но Преподобный, не теряя присутствія духа и упованія на Бога, взялся за руль и спасъ всѣхъ отъ явной гибели. При усердныхъ трудахъ Елеазара и его сподвижниковъ, скитскій каменный храмъ, съ трапезою и кельями для пустынниковъ, устроился, но освященъ былъ уже по кончинѣ строителя.

Въ то время, когда Анзерскій пустынникъ изнемогалъ подъ бременемъ заботъ и лѣтъ, прежній его сподвижникъ, Никонъ митрополитъ новгородскій, а впослѣдствіи всероссійскій патріархъ, былъ ему помощникомъ и утѣшителемъ. Помня Анзерскій скитъ, въ которомъ принялъ постриженіе, Никонъ почти каждую свою грамоту Соловецкимъ властямъ заканчивалъ приписокою: «да пожалуйте Бога ради и нашего ради прошенія, Анзерскихъ старцевъ жалуйте и берегите»; или: «да

поберегите Анзерскихъ старцевъ, строителя и братію, а мы, елика сила наша будетъ, ради вамъ помогать». Всякую просьбу бывшаго своего наставника, Елеазара, Никонъ старался исполнить съ точностію. Такъ, въ грамотѣ Соловецкому архимандриту Иліи, 1651 года, митрополитъ писалъ: «билъ челомъ Живоначальныя Троицы Анзерскія пустыни строитель старецъ Елеазаръ съ братіею, чтобъ къ нимъ въ Анзерскую пустыню изъ Соловецкаго монастыря отпустить велѣть больничнаго старца Кирика; и какъ къ тебѣ сія наша грамота придетъ и ты бы въ Анзерскую пустыню больничнаго старца Кирика отпустилъ». Сдѣлавшись же патріархомъ, Никонъ еще съ большею любовію благотворилъ Анзерскому скиту. Грамотою 29-го апрѣля 1655 года онъ извѣщалъ, что, по ходатайству его, государь повелѣлъ увеличить жалованье Анзерскому скиту и давать по пуду ладону, по три пуда воску, по 5 ведръ церковнаго вина, по четыре четверти пшеничной муки на просфоры, строителю и братіи прибавить по рублю, отпускать денежную выдачу и вновь прибывшимъ пяти инокамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ патріархъ и отъ себя препроводилъ милостыню — Елеазару два рубля, и 11 человѣкамъ братіи, каждому по рублю. Въ другой разъ патріархъ послалъ въ скитъ серебряные оклады на иконы, вѣсомъ 7 ф. 80½ зол., 250 рублей деньгами, 11 осетровъ для братіи и бѣлугу для Елеазара, прося молитвъ соборныхъ и келейныхъ.

Среди разнообразныхъ заботъ о благоустроеніи своего скита Препод. Елеазаръ приближался къ кончинѣ и созрѣвалъ для вѣчности. Опыты своей духовной жизни онъ изложилъ въ рукописи и сохранилъ ихъ на память ищущимъ спасенія.

«Въ одно время стою я предъ образомъ Христа Спасителя и со слезами молюсь, говоря: Владыко Христе, Царь и Создатель мой! Что воздамъ за Твою ко мнѣ милость? Ничто же благо сотворихъ предъ Тобою»,—и вижу, какъ бы голубь прикоснулся къ моему лицу и, сказавъ: «Богу принесу слезы твоя», сталъ невидимъ. Послѣ сего возрадовалась душа моя».

«Когда скончался у насъ братъ Тихонъ, другой братъ, также Тихонъ, взялъ себѣ двѣ книги, принадлежавшія умер-

шему. Настало время вечерней молитвы. Братіи собралось въ церковь только еще четыре человѣка. Вдругъ я замѣтилъ надъ главами иноковъ нѣкую силу Божію въ видѣ голубинѣ, но у Тихона этого не было. Много дивился я, не понимая тайны. Но вскорѣ провинившійся подошелъ ко мнѣ, и, съ умиленіемъ каясь въ проступкѣ, испросилъ себѣ прощеніе».

«Когда меня угнетали многія скорби, такъ что я близокъ былъ къ мысли оставить Анзерскій скитъ, мнѣ неоднократно слышался невѣдомый голосъ: «не бойся, Господь съ тобою», или: «въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваши» (Лук. 21, 9), или: «вы, сильніи, немощи немощныхъ носите» (Римл. 15, 1). Такимъ явленіямъ я не вѣрилъ, чтобы не впасть въ прелесть вражію. Но невѣріе мое исчезло при слѣдующемъ явленіи: стою я въ келіи и смотрю въ окно; въ это время внезапно представилось мнѣ, будто на полуденной сторонѣ разразился страшный громъ и послышались Евангельскія слова укоризны: «о роде невѣрный и развращенный, доколѣ буду съ вами, доколѣ терплю вы?» (Матѳ. 17, 17).

«Въ тоже скорбное для меня время, было мнѣ слѣдующее видѣніе: стою я будто въ какой то прекрасной долинѣ. Нѣкто подошелъ ко мнѣ и, указавъ на небо, сказалъ: посмотри! Взглянувъ, я увидѣлъ по всему небу необыкновенно свѣтлый лучъ, подобный радугѣ. Немного спустя, незнакомецъ снова сказалъ: подними еще взоръ свой къ небу. Я повиновался и узрѣлъ среди неизреченнаго свѣта образъ Господа Іисуса Христа, Пресвятой Богородицы, Іоанна Предтечи и двухъ Апостоловъ. Наконецъ невѣдомый мнѣ свѣтоносный юноша въ третій разъ произнесъ: воззри еще къ небу! Я опять поднялъ взоръ и на этотъ разъ увидѣлъ Нерукотворенный образъ Христа Спасителя, величины необычной. Затѣмъ незнакомецъ, упрекнувъ меня въ малодушіи и недостаткѣ терпѣнія ради Того, Кто все претерпѣлъ за насъ, сталъ невидимъ».

«Однажды, по своему обыкновенію, я совершилъ въ келіи краткую молитву Іисусову и полагалъ поклоны, а потомъ сталъ читать молитву ко Пресвятой Богородицѣ, говоря: Пресвятая Госпожа Владычице, Богородице, спаси меня грѣшнаго

и вотъ внезапно является предо мною Пресвятая Богородица, въ сіяніи небесной славы, имѣя три свѣтлыя звѣзды—одну на главѣ и двѣ на раменахъ. Царица Небесная произнесла: «Елеазаръ, не переставай призывать Меня въ своихъ молитвахъ, и Я буду помогать тебѣ до исхода души твоей».

«Въ великомъ посту, въ одинъ недѣльный день, во время литургіи я сподобился видѣть Царицу Небесную стоявшею умиленно противъ своего образа, около лѣваго клироса, лицемъ на церковь. Когда мы съ обоихъ клиросовъ вышли на средину и стали пѣть: «о Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь», Владычица сошла съ своего мѣста и стояла предъ нами, пока мы кончили пѣніе.

Въ другое время, въ церкви св. Троицы, Царица Небесная явилась мнѣ въ томъ видѣ, какъ Она изображена на Смоленской иконѣ, держа на лѣвой рукѣ Предвѣчнаго Младенца, и сказала: «Елеазаръ, храните заповѣди Христовы и устройте во имя Мое храмъ». Съ этими словами видѣніе кончилось».

«Въ той же церкви однажды явился мнѣ апостолъ Павелъ, съ образомъ Знаменія Божіей Матери въ десной рукѣ, и сказалъ: «Елеазаръ, когда приходите въ храмъ, покланяйтесь образу Христа Спасителя со страхомъ и трепетомъ; скажи о семъ братіи».

«Нѣкогда пришелъ мнѣ помыслъ: что я творю угодное Богу моему и что значатъ мои труды и моленія? Потомъ я, вставъ помолился съ особеннымъ усердіемъ: «Владыко, Боже Отче Вседержителю, вразуми меня, какъ прославлять пресвятое имя Твое!» Послѣ этой молитвы я услышалъ небесный голосъ: «всякій день молись, говоря: слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе... Господи прибѣжище былъ еси намъ въ родъ и родъ... Сподоби, Господи, въ день сей безъ грѣха сохранитися намъ».

Повѣсть свою о чудесныхъ явленіяхъ Преподобный утвердилъ своею подписью такъ: «грѣшнаго старца Елеазара».

13-го Января 1656 года Анзерскій скитъ лишился своего основателя и строителя Елеазара. Кончинѣ его предшествовала краткая и легкая болѣзнь старости и изнуренія. На

смертномъ одрѣ старецъ еще бесѣдовалъ съ своими учениками, увѣщавая ихъ жить добродѣтельно, не измѣнять устава и благочестивыхъ обычаевъ скита, и обѣщая имъ благодатную помощь Божію. Наконецъ подвижникъ наименовалъ своимъ преемникомъ въ попеченіе о братіи своего ученика и сподвижника—Никодима и, причастившись св. Христовыхъ Таинъ, мирно предалъ духъ свой Богу.

Явленія и чудесная помощь страждущимъ показывали, что Преподобный Елеазаръ обрѣлъ благодать у Господа. Одинъ инокъ Онуфрій нѣкогда впалъ въ такое уныніе, что ослабѣлъ тѣломъ и лишился разсудка. Въ минуту самыхъ тяжкихъ страданій явился ему Преподобный, сотворилъ за него молитву и мгновенно исцѣлилъ немощнаго.

Анзерскій іеромонахъ Измаилъ впалъ однажды въ тяжкую болѣзнь, не могъ выходить изъ келіи и слегъ. Въ сильномъ изнеможеніи онъ какъ то заснулъ и ему представилось, что Преподобный Елеазаръ выходитъ изъ своей часовни и приближается къ кельѣ больнаго. Страдалецъ проснулся и, забывъ о своей болѣзни, всталъ съ одра и спѣшно подошелъ къ окну, чтобы удостовѣриться въ явленіи, но никого не увидѣлъ. Съ этихъ поръ онъ почувствовалъ себя совершенно здоровымъ.

Того же скита инокъ Макарій, искусный въ живописи, задумалъ написать изображеніе Преподобнаго Елеазара, но не зналъ, какой видъ имѣлъ Преподобный? Скучая объ этомъ, инокъ, послѣ вечерняго правила, легъ на одръ и уснулъ. Вдругъ онъ видитъ предъ собою Преподобнаго Елеазара, который говоритъ: «ты, братъ, желалъ меня видѣть, и вотъ я теперь стою предъ тобою». Инокъ въ страхѣ проснулся и увидѣлъ уже на яву Преподобнаго. Тогда Макарій палъ на колѣна и поклонился явившемуся, который сталъ невидимъ. Припомнивъ черты лица его, инокъ изобразилъ его кистію.

Въ одно время Анзерскому строителю Исаіи, мужу добродѣтельному, нужно было отправиться въ Соловецкій монастырь. Хотя и было время зимнее, но проливъ, раздѣляющій острова Соловецкій и Анзерскій, былъ свободенъ отъ льдинъ: строитель поплылъ на небольшой лодкѣ съ однимъ изъ братіи. На

обратномъ пути они были застигнуты массою льда, принесеннаго вѣтромъ съ моря. Огромныя льдины, окруживъ лодку, понесли ее въ открытое море. Путники въ ужасѣ выскочили изъ лодки на льдины и пустились поспѣшно къ берегу. Между тѣмъ Исаія оступился и едва не погибъ. Въ это время явился ему Преподобный Елеазаръ и спасъ его отъ смерти. До Анзерскаго берега, куда путники пробирались, было еще не близко, а движущійся ледъ уносилъ ихъ въ противоположную сторону; къ большей бѣдѣ наступила ночь. Въ изнеможеніи несчастные обратились къ Господу съ усердною молитвою объ избавленіи отъ опасности и стали призывать на помощь Препод. Елеазара. И вотъ, при тускломъ свѣтѣ луны, они увидѣли, что на другомъ концѣ льдины стоитъ Препод. Елеазаръ и направляетъ ею къ Анзерскому берегу. Обрадованные иноки хотѣли приблизиться къ Преподобному и поклониться ему, но онъ сталъ невидимъ. Между тѣмъ льдина очутилась у самаго берега Анзерскаго острова—и путники вышли на берегъ благополучно.

Чтобы имѣть болѣе полное понятіе о томъ, какъ понималъ иночество Преподобный Елеазаръ, и какъ онъ руководилъ другихъ въ подвигахъ иноческой жизни, мы признаемъ полезнымъ сдѣлать извлеченія изъ его наставленія новоначальнымъ инокамъ. Въ этомъ наставленіи Преподобный сначала предлагаетъ общее поученіе о вѣрѣ и нравственности, а также о покаяніи. Потомъ обращаетъ вниманіе инока на данные имъ обѣты и приводитъ чинъ малаго постриженія, гдѣ съ особенною подробностію останавливается на порученіи новоначальнаго монаха въ послушаніе старцу. Далѣе излагаются подробныя правила о ночныхъ искушеніяхъ и приводятся разныя мнѣнія, касающіяся соблюденія чистоты тѣлесной. За симъ даются наставленія въ случаѣ страхованія ночнаго. Есть у Преподобнаго Елеазара и особое наставленіе о келейномъ пребываніи съ братомъ. Остальная часть устава состоитъ изъ выписки поученій инокамъ св. Ефрема, Исаіи Сирина и нѣкоторыхъ другихъ.

Наставленіе Преподобнаго Елеазара знакомитъ насъ съ правилами и обычаями иноческой жизни въ его время. Такъ

ищущій иночества,—пишется въ наставленіи,—приходитъ въ общежительство, припадаетъ къ ногамъ игумена *) и молитъ его и о Христѣ братію, чтобы его причли къ избранному стаду. Игуменъ повелѣваетъ ему остаться въ монастырѣ и трудиться, Бога ради, съ прочими трудниками и наблюдаетъ его усердіе и вѣру. Усмотрѣвъ благое въ немъ произволеніе, по совѣту съ братіею, игуменъ назначаетъ день постриженія. Съ радостію о Господѣ принимаетъ послушникъ это слово. Его отводятъ въ особую келью и повелѣваютъ безъ сна проводить всю ночь. Игуменъ избираетъ изъ братіи старца, который могъ бы наставлять новоначальнаго инока. Избранный старецъ молитъ игумена, чтобы не возлагалъ на него такого тяжкаго бремени, признавая себя самаго нуждающимся въ наставленіи и руководствѣ. Игуменъ дѣлаетъ ему замѣчаніе за ослушаніе и старецъ повинуется. Онъ беретъ благословеніе у игумена, говоря: святыми твоими молитвами Господь да спасетъ и сохранитъ насъ отъ козней діавола и наставитъ на истинный путь. Тогда вводятъ готовящагося къ постриженію въ церковь, совлекаютъ съ него мірское одѣяніе и экклисіархъ в'злагаетъ на него свитку. Предъ царскими дверями ставятъ аналой, на который кладутъ Евангеліе и ножницы и новоначальнаго приводятъ къ аналою съ лѣвой стороны. Тогда игуменъ или священникъ по уставу постригаетъ, и по окончаніи обряда помѣщаютъ постриженнаго по лѣвую сторону царскихъ дверей съ Евангеліемъ, и братія, цѣлуя Евангеліе, спрашиваютъ новаго инока о его имени по ангельскому образу; онъ называетъ свое имя. Братія говорятъ: «спасай душу и моли Бога за государя царя». Инокъ отвѣчаетъ: «Богъ спасетъ и помилуетъ». Тогда берутъ у инока изъ рукъ Евангеліе. Игуменъ призываетъ старца и, взявъ новоначальнаго инока за правую руку, передаетъ его въ послушаніе старцу, съ словами: «се

---

*) Въ скитѣ былъ только строитель; если же Преп. Елеазаръ въ уставѣ своемъ упоминаетъ объ игуменѣ, это значитъ, что онъ писалъ свои правила и наставленія вообще для иноковъ, не только скитскихъ, но и монастырскихъ.

пріемлеши, брате, въ послушаніе себѣ брата отъ святаго Евангелія чиста; не токмо грѣси его заглажены, но имя мірское его заглажено и написано имя его на небесѣхъ ангельскаго образа. Какова его емлеши чиста, такова его чиста постави и предъ Богомъ и учи его молитвѣ Іисусовой, смиренію, послушанію и всему благочинію монастырскому; а ты, братъ, имѣй старца въ Христовъ образъ, живи у него въ послушаніи до кончины своей, ни въ чемъ не прекословя, и всегда имѣй въ умѣ постриженіе, какъ обѣщался Богу. Если будешь добръ, отъ Бога воспріемлешь милость, а отъ насъ грѣшныхъ благословеніе, старца же своего молитвенникомъ о себѣ къ Богу. Если станешь жить не по монастырскому чину, то вотще наше обѣщаніе, и получишь всѣ монастырскія наказанія, какъ бываетъ съ прочими безчинниками». Послѣ наставленія старецъ съ новоначальнымъ принимаетъ благословеніе отъ игумена и идетъ къ Чудотворцамъ, и тамъ, сотворивъ съ нимъ обычное начало и отпустъ, ведетъ его въ свою келью, гдѣ говоритъ: «Достойно есть» и, совершивъ все по келейному чину, читаетъ съ инокомъ часы и кадитъ образа. Послѣ этого учитъ его Іисусовой молитвѣ и наставляетъ отъ божественнаго писанія внимать иночеству, соблюдать душу свою чистою предъ Богомъ, повиноваться настоятелю и имѣть духовную любовь ко всѣмъ; показываетъ ему, гдѣ въ келіи совершать правило, гдѣ стоять и т. п. При звукѣ благовѣста старецъ ведетъ инока въ соборъ къ мѣсту новоначальныхъ и, принимая благословеніе у настоятеля, спрашиваетъ, гдѣ стоять новому иноку. Начало полагаетъ вмѣстѣ съ нимъ, часто надзираетъ за нимъ, или стоитъ вмѣстѣ съ нимъ, указывая ему соборный чинъ до подробностей. Послѣ литургіи идетъ съ нимъ въ трапезу, ставитъ его среди новоначальныхъ и, по указанію келаря, сажаетъ за столъ и даетъ ему часть просфоры; внушаетъ сидѣть въ молчаніи съ молитвою, пить и ѣсть, что поставятъ, умѣренно, не иначе, какъ съ благословенія старца. Онъ учитъ инока, идя изъ собора и въ соборъ, на монастырѣ не стоять, ни съ кѣмъ не говорить, не глядѣть на что либо, а идти своею дорогою и клобукъ имѣть на головѣ низко опущеннымъ. Возвратившись въ келію, обу-

чаетъ его келейному чину и дозволяетъ отдохнуть. Старецъ беретъ у казначея нужное одѣяніе и совершаетъ вмѣстѣ съ новоначальнымъ молитвы, поклоны и все келейное правило, пока навыкнетъ. Для умѣющаго грамотѣ полагается келейное правило такое:

Канонъ Іисусу, канонъ Богородицѣ, Ангелу хранителю, Чудотворцамъ, повечерница, полунощница, изъ Псалтири по четыре каѳизмы на день, часы, 300 поклоновъ земныхъ, 600 молитвъ Іисусовыхъ: «Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго», и 100 молитвъ Богородицѣ: «Владычица моя, Богородица, помилуй мя грѣшнаго», также молитвы за царя и его домъ, за воинство, за митрополита, за игумена, отца духовнаго, отца келейнаго, за келейную и за всю братію за посланныхъ на службу и труждающихся, въ немощи лежащихъ и милостыню творящихъ, и зло творящихъ и милующихъ, за сродниковъ и всѣхъ православныхъ.

Начало этого правила полагается такъ:

«Боже, очисти грѣхи моя и помилуй мя» (поклонъ).

«Создавый мя грѣшнаго помилуй мя» (поклонъ).

«Безъ числа согрѣшихъ, Господи, прости мя» (поклонъ).

Достойно есть. Слава и нынѣ. Господи помилуй (трижды).

Господи благослови: Господи Іисусе Христе Сыне Божій, молитвъ ради Пречистыя Твоея Матери, и святаго Ангела хранителя и Преподобныхъ и Богоносныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватія и всѣхъ святыхъ, помилуй насъ, аминь. Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ всяческихъ ради (трижды). Боже очисти мя грѣшнаго и помилуй мя, яко ни коли же благо сотворихъ предъ Тобою, но избави мя отъ лукаваго, да будетъ во мнѣ воля Твоя, и отверзу уста моя недостойная и восхвалю имя Твое святое Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Потомъ: Царю Небесный, трисвятое, по Отче нашъ, Господи помилуй 12 разъ; пріидите поклонимся. Псаломъ 50. Вѣрую во единаго Бога.

Неумѣющимъ грамотѣ правило полагается на каждый день: три тысячи молитвъ Іисусовыхъ, триста Богородицѣ и триста поклоновъ и за здравное поминовеніе за Царя и прочихъ. Ста-

рецъ прежде всего долженъ озаботиться неумѣющаго грамотѣ научить молитвѣ Іисусовой и дѣлать отпустъ, и читать: «Достойно есть». Вообще же онъ долженъ имѣть попеченіе о порученномъ ему инокѣ, какъ о своей душѣ, наблюдать за жизнію его, наставлять и ни въ чемъ не дозволять дѣлать опущенія, потому что, кто чему научится въ новоначаліи, въ томъ и пребудетъ. Безъ дозволенія старца не должно ничего ни принимать, ни давать кому либо, ни учиться, ни говорить съ кѣмъ либо. Когда Господь сподобитъ идти ко святому Причащенію, то братія прощаются другъ съ другомъ въ келіи, потомъ приходятъ къ Чудотворцамъ, кладутъ по обычаю начало, прощаются у Чудотворцевъ и цѣлуютъ мощи ихъ. На литургіи пономарь поставляетъ аналой и на немъ образъ Богородицы; братія прощаются съ игуменомъ по одному, потомъ цѣлуютъ образъ Спасителя и икону Пречистой, дѣлая предъ цѣлованіемъ два поклона, а третій послѣ цѣлованія, и подходятъ къ святымъ Тайнамъ по два. Когда выйдетъ игуменъ изъ царскихъ дверей съ Причастіемъ, кладутъ три земныхъ поклона и причащаются съ открытою головою. Послѣ Причащенія въ клобукахъ принимаютъ просфору, умываютъ уста и руки надъ чашею и отираютъ полотенцемъ.

Касательно погребенія инока въ наставленіи сказано, что вся братія должна присутствовать при немъ, если не препятствуетъ крайняя необходимость. Начало полагается обыкновенное: цѣлуютъ усопшаго въ уста и прикладываются къ образу, который положенъ на немъ. Послѣ погребенія кладутъ пятнадцать поклоновъ, говоря слѣдующіе стихи: «помяни Господи душу раба Твоего нашего инока (имя), иже въ житіи семъ, яко человѣкъ, согрѣши; Ты же яко Человѣколюбецъ помилуй и прости его, и вѣчныя избави муки и небесному царствію причастника быти сподоби и душамъ нашимъ сотвори полезная. Отрѣши (разрѣши) Господи душу раба Твоего инока (имя), да славою воскресенія Твоего во всѣхъ свѣтлостѣхъ живетъ всегда и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Жизнь инока есть всегдашній постъ и молитва; но время св. четыредесятницы издавна отличалось усугубленіемъ подви-

говъ. Предъ наступленіемъ великаго поста, въ недѣлю сыропустную, послѣ утрени, настоятель говорилъ братіи слѣдующее поученіе: «господіе священницы, и старцы, и вся братія, молимъ ваше преподобіе; наступаетъ Божія четыредесятница—святый великій постъ; должно намъ готовиться къ духовнымъ подвигамъ поста, отложивъ мрачныя и темныя душевредныя грѣховныя дѣла, и облекшись во оружіе свѣта; и тако уготовавшись, идти къ спасительнымъ подвигамъ поста и воздержанія. Господь нашъ и Богъ самъ постился 40 дней, не имѣя грѣха, но намъ подавая образъ; а мы грѣшные какими безчисленными грѣхами повинны предъ Богомъ? Нужно намъ немедленно подвизаться, воздерживаться отъ всего не добраго, молить всемилостиваго Бога о своихъ согрѣшеніяхъ и заботиться о своихъ душахъ. И вы, Бога ради, честные отцы и братія, святый и великій постъ проводите въ чистотѣ, воздержаніи и подвигахъ, отцамъ духовнымъ исповѣдуйте искренно свои согрѣшенія и молитеся всещедрому Богу, соборнѣ и келейнѣ, о многолѣтнемъ здравіи и душевномъ спасеніи Государя нашего благовѣрнаго и христолюбиваго Царя и великаго князя (имя) всея Россіи Самодержца и Его благовѣрной Царицы и великой княгини (имя), Ихъ благовѣрныхъ чадъ (имя), князей и болярь Ихъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, чтобы Господь Богъ даровалъ, полезное Государю, нашему Царю, и всей державѣ Его. Да и о своихъ согрѣшеніяхъ молитеся Богу, чтобы насъ всемилостивый Богъ, ими же хощетъ судьбами, избавилъ отъ вѣчныхъ мученій. А кто въ насъ на кого вражду или гнѣвъ имѣетъ, Бога ради въ томъ прощеніе учините; потому что прощеніе грѣховъ пріобрѣтаемъ прощеніемъ братій нашихъ. Если же мы не простимъ, то и сами прощенія не получимъ: «ею же бо мѣрою мѣримъ, тако и намъ возмѣрится» (Лук. 6, 38). Къ соборному пѣнію потщитеся ходить къ началу и слушать со вниманіемъ. Да и насъ грѣшныхъ во святыхъ своихъ молитвахъ помяните, а мы васъ благословляемъ». Братія обыкновенно отвѣчала: «сколько возможно будетъ, честный отче, должны, по повелѣнію твоему, молитвами святыхъ поступать такъ», и всѣ кланялись настоятелю.

По смерти Елеазара 21 годъ управлялъ Анзерскимъ скитомъ ученикъ его Никодимъ, въ духѣ своего учителя. Денежное и ружное жалованье, о которомъ извѣщалъ скитянъ патріархъ Никонъ въ 1655 году, подтверждено царскою грамотою 1662 года. Какое вліяніе на судьбу Анзерскаго скита имѣли смуты, возникшія въ Соловецкомъ монастырѣ по поводу исправленія богослужебныхъ книгъ, мы свѣдѣній не имѣемъ, кромѣ краткой замѣтки во вкладной книгѣ Анзерскаго скита, сдѣланной въ 1710 году: „егда у противныхъ въ *Соловецкомъ островѣ учинися въ вѣрѣ смущеніе и устроися* отъ нихъ монастырю запорное укрѣпленіе, въ тоже время бысть и Анзерскому скиту отъ начальствующихъ тогда веліе разореніе и конечное сотворися ему запустѣніе. Живущіе же ту пустынники до единаго со отока разогнаны, бѣжали, и храмы Божіи обраны, токмо стѣны едины въ нихъ осташа, и всѣмъ церковнымъ утварямъ и записнымъ книгамъ, отъ всякихъ людей врознь рознесеннымъ сущимъ и растерянымъ бывшимъ, и по многому времени едва возмогоша изъ Соловецкаго монастыря отъ церковныхъ вещей и письменныхъ крѣпостей нѣсколько возвратити“.

Но это отбраніе церковнаго имущества Анзерскаго скита послѣдовало уже послѣ усмиренія Соловецкаго бунта. Причиною его было, вѣроятно, показаніе монаха Митрофана, бѣжавшаго изъ Соловецкаго монастыря во время осады. Онъ сказалъ, что вино и рыбу для Соловецкаго монастыря, во время его осады, доставлялъ Анзерскій скитъ.

Въ самый годъ смерти Никодима (1667 г.), по указу патріарха Іоасафа, отобраны были въ Анзерскомъ скитѣ иконы, церковные сосуды, книги, ризы, жалованныя грамоты и денегъ 494 рубля. Но, по просьбѣ строителя Романа, царь Θеодоръ Алексѣевичъ велѣлъ все отобранное возвратить и продолжать ружное и денежное жалованье на скитъ. Въ 1685 г.; *въ бытность свою въ Москвѣ, Романъ награжденъ многими* царскими вкладами для Анзерской обители.

До этого времени скитъ былъ независимъ отъ Соловецкаго монастыря и такая независимость его не разъ была под-

тверждаема царскими грамотами. Но въ 1682 году указомъ архіепископа холмогорскаго Аѳанасія скитъ былъ отданъ въ вѣдѣніе Соловецкаго архимандрита и ему велѣно имѣть строжайшее наблюденіе за пустынниками и распоряжаться во всемъ по усмотрѣнію. Въ 1698 году архіепископъ Аѳанасій учредилъ въ скитѣ должность казначея по причинѣ обветшанія скитской колокольни и келейныхъ зданій, а царь Петръ I повелѣлъ, съ 1700 года, вмѣсто ружнаго и денежнаго жалованья на 17 монашествующихъ и церковныя потребности, выдавать по окончаніи каждаго года 145 рублей 26 алтынъ и 4 деньги. Видно, что скитъ не былъ въ цвѣтущемъ положеніи. Составитель житія Преподобнаго Елеазара, около 1705 года, жалуется, что память объ основателѣ скита почти изгладилась, и гробница его мало посѣщается. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось такое положеніе скита, еслибы не явился мужъ, который возстановилъ пустынную жизнь въ Анзерскомъ скитѣ, оживилъ память объ основателѣ его и положилъ начало новому пріюту пустынниковъ на горѣ Голгоѳѣ. Это былъ Іовъ, въ схимѣ Іисусъ, въ мірѣ московскій священникъ Іоаннъ Іоанновъ, царскій духовникъ, о которомъ мы скажемъ ниже.

При строителѣ Спиридонѣ былъ построенъ новый деревянный храмъ и поправленъ каменный Троицкій; но успѣхи духовной жизни за это время неизвѣстны. Въ 1757 г., при рытіи фундамента для устройства часовни въ память Преподобнаго Елеазара, въ числѣ четырехъ гробовъ найденъ одинъ, у котораго верхняя доска и колода цѣлы; тѣло нетлѣнно, только одежды истлѣли; отъ гроба исходило благоуханіе.

Анзерскіе иноки заключили, что это—гробъ Преподобнаго основателя скита Елеазара, и донесли архіепископу архангелогородскому Варсонофію. Преосвященный указомъ 16 августа 1758 года предписалъ Анзерскому строителю Мельхиседеку съ братіею гробъ основателя скита поставить въ новую могилу въ самой часовнѣ; эту могилу покрыть брусьями или каменнымъ сводомъ и поставить надъ нею присланную отъ преосвященнаго раку, которую окружить желѣзными рѣшотками и покрыть покровами; при переложеніи мощей пѣть

молебны о Препод. Елеазарѣ. Впослѣдствіи вмѣсто деревянной *часовни, устроенной надъ могилою Преподобнаго въ 1757* году, построена каменная, а въ нынѣшнемъ столѣтіи прежняя обветшавшая рака замѣнена новою, сдѣланною изъ мѣди и посеребренною.

Въ 1762 года Іоасафъ, епископъ архангелогородскій, посѣщая паству свою, былъ и въ Анзерскомъ скитѣ. Онъ произвелъ строителя Мельхиседека въ игумена и желалъ навсегда утвердить за *Анзерскими* настоятелями это званіе. Іоасафъ установилъ ежедневное чтеніе акаѳиста Божіей Матери предъ Чудотворною иконою Знаменія Ея, а въ праздничные дни — отправленіе молебна предъ Чудотворною иконою Св. Троицы. Въ 1764 г. Анзерскій скитъ приписанъ къ Соловецкому монастырю, съ назначеніемъ въ немъ строителя и 12 монашествующихъ. Теперь отходятъ туда, съ благословенія настоятеля, ищущіе безмолвія Соловецкіе иноки. Отправляя вседневную службу по уставу и чиноположенію церковному, *они каждодневно исполняютъ особенное монашеское* правило: по вечерни три канона — Іисусу Сладчайшему, Божіей Матери, Ангелу Хранителю, и акаѳистъ, также молитвы на сонъ грядущимъ и помянники съ поклонами о Соловецкихъ благотворителяхъ и вкладчикахъ. Кромѣ этого каждый инокъ имѣетъ и келейное правило съ поклонами и молитвою Іисусовою.

ІЕРОСХИМОНАХЪ ІОВЪ ГОЛГОѲСК.

ІЕРОСХИМОНАХЪ ІОВЪ.

Основатель Голгоѳо-Распятскаго скита.

Происхожденіе.—Іерейство —Посѣтители.—Нищелюбіе.—Придворная жизнь. — Посѣщеніе темницъ.—Уединеніе въ домѣ.—Болѣзнь.—Клевета.—Удаленіе въ Соловецкій монастырь. —Постриженіе. — Послушаніе. — Искушеніе. — Переселеніе въ Анзерскій скитъ.—Назначеніе строителемъ.—Поученіе братіи.—Скитскій порядокъ.—Служеніе больнымъ.—Схима.—Явленіе Пресвятыя Богородицы.—Переселеніе на Голгоѳу.—Основаніе скита —Построеніе церкви.—Пожертвованія царскихъ особъ.—Письма царевны Маріи.—Нападеніе разбойниковъ.—Умноженіе скитянъ. — Подвиги Іова. — Скитскій уставъ. —Явленіе Пресвятыя Богородицы.—Чудеса.—Болѣзнь. — Прощеніе. — Кончина.—Погребеніе.—Состояніе скита по смерти Іова.—Присоединеніе къ Анзерскому скиту.—Причисленіе къ Соловецкому монастырю. — Построеніе каменнаго храма. — Настоящее положеніе скита.

Іовъ родился въ Москвѣ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1635 г., и названъ Іоанномъ. О родителяхъ его и первоначальномъ воспитаніи ничего неизвѣстно, — кромѣ того, что отецъ его именовался также Іоанномъ. По преданію, онъ происходилъ изъ духовнаго званія и, будучи воспитанъ въ правилахъ доброй нравственности и благочестія, по достиженіи совершеннолѣтія, рукоположенъ въ іерея. Съ принятіемъ священства, врожденная въ душѣ Іоанна ревность къ добродѣтельной жизни выказалась въ полномъ свѣтѣ. Онъ ежедневно совершалъ божественную службу и часто также становился на клиросъ и пѣлъ по кіевскому напѣву. Пѣніе его, по природной способности, было сладостно и умилительно. Трогательное и благоговѣйное священнослуженіе о. Іоанна привлекало въ его церковь многихъ посѣтителей, которые, послѣ службы, спѣшили посѣтить его домъ, чтобы при-

нять отъ него благословеніе и ближе познакомиться съ нимъ. Впрочемъ далекій отъ славолюбія, онъ не охотно принималъ эти посѣщенія и часто не удовлетворялъ любопытству видѣть его въ домѣ.

О. Іоаннъ, болѣе и болѣе усовершаясь въ добродѣтели, исполнялъ, кромѣ священническаго, иноческое, молитвенное правило и, находясь въ мірѣ, какъ бы уже проводилъ жизнь монашескую. Онъ часто налагалъ на себя постъ и уединеніе, затворяясь въ своей опочивальнѣ, гдѣ въ колѣнопреклоненной молитвѣ къ Богу проводилъ ночи до разсвѣта. Во время ночной молитвы, Іоаннъ обыкновенно со слезами взывалъ: помилуй мя, Господи, пощади мя Господи, и проч. Утромъ неохотно прерывалъ онъ уединеніе, прежде обычнаго выхода своего въ церковь. Случалось, что упрошенные какими либо посѣтителями, прислужники Іоанна извѣщали его до начала церковнаго богослуженія о гостяхъ, пришедшихъ съ желаніемъ принять благословеніе и наставленіе. Вынужденный усиленными просьбами, хотя и выходилъ онъ къ посѣтителямъ, но съ лицомъ унылымъ, тогда какъ въ другое время о. Іоаннъ принималъ приходившихъ къ нему съ искреннею пастырскою любовью, и въ простотѣ сердца бесѣдовалъ съ ними. Утверждая всѣхъ въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, онъ умѣлъ примѣнить свой разговоръ къ положенію, званію и состоянію каждаго. Съ старцами говорилъ объ упражненіи во всегдашнемъ богомысліи, съ молодыми объ опасности страстей и прихотей, съ отцами о воспитаніи дѣтей въ страхѣ Божіемъ и т. п. Всѣ наставленія онъ основывалъ на священномъ писаніи и подтверждалъ примѣрами изъ церковной исторіи и жизни святыхъ. Онъ любилъ посѣщать своихъ друзей и знакомыхъ, иногда неожиданно приходилъ въ чей либо домъ незванный, но его всегда съ радостію принимали и съ удовольствіемъ слушали поученія его. Впрочемъ, внезапное посѣщеніе имъ кого либо всегда имѣло какую либо благодѣтельную цѣль. Какъ скоро, напримѣръ, онъ узнавалъ, что въ извѣстномъ семействѣ возникли распри и несогласіе, тотчасъ спѣшилъ туда и старался возстановить миръ. Какъ миро-

творецъ, онъ и самъ, если когда доводилось ему нечаянно оскорбить кого, немедленно сознавался въ своемъ поступкѣ и просилъ прощенія у оскорбленнаго.

Для болѣе успѣшнаго дѣйствованія на поприщѣ пастырскомъ, для блага ввѣренныхъ попеченію его душъ, о. Іоаннъ употреблялъ, смотря по возможности, разныя глубоко обдуманныя предосторожности. Такъ онъ являлся иногда въ кругу простолюдиновъ въ образѣ частнаго лица, скрывая свой санъ подъ мірскою одеждою. Это обстоятельство облегчало ему бесѣду особенно съ бѣдными людьми, изъ которой онъ узнавалъ о домашнихъ нуждахъ ихъ и оказывалъ имъ посильную помощь. Много онъ утѣшался, если въ такомъ видѣ никто не узнавалъ его. Помогая нуждающимся вещественно, Іоаннъ вмѣстѣ съ тѣмъ узнавалъ ихъ чувства и мысли, и давалъ приличное наставленіе.

Ворота въ домъ милостиваго Іоанна всегда были открыты для меньшей братіи. Нерѣдко онъ поставлялъ трапезу нищимъ и самъ съ любовію садился между убогими, питая ихъ вещественно и духовно. Разставаясь съ этими дорогими сердцу гостями, о. Іоаннъ надѣлялъ каждаго чѣмъ могъ. Обращались къ нему за помощью и другія лица разныхъ сословій, и—не напрасно. Лишался ли кто имущества отъ пожара, о. Іоаннъ ссужалъ его деньгами на первоначальное обзаведеніе. Былъ ли кто болѣзнію или несчастіемъ доведенъ до нищеты, получалъ отъ него милостыню, достаточную для обезпеченія содержанія на немалое время. Бѣдные поселяне въ неурожаи заимствовались отъ о. Іоанна хлѣбными сѣменами для засѣва полей и хозяйственными вещами, какія находились въ его домѣ, или даже находили у него готовое пропитаніе для своихъ бѣдствующихъ отъ голода семействъ. Сострадательный о. Іоаннъ большую часть своихъ доходовъ употреблялъ на милостыню, довольствуясь для себя малыми остатками. Часто онъ по милосердію ходатайствовалъ и предъ лицами правительственными, ему большею частью знакомыми, за обиженныхъ и страждущихъ несправедливо, и ходатайство его не оставалось безъ успѣха.

Молва о богоугодныхъ подвигахъ о. Іоанна скоро распространилась между жителями столицы. Посѣтители отовсюда стекались къ нему въ домъ. Но скучая этими посѣщеніями онъ нѣсколько времени не принималъ никого, а благотворить бѣднымъ продолжалъ чрезъ вѣрныхъ прислужниковъ.

Хотя о. Іоаннъ убѣгалъ славы человѣческой и искалъ уединенія, но „не можетъ градъ укрытися верху горы стоя (Матѳ. 5, 14) Промыслъ Божій судилъ о. Іоанну явиться на *болѣе высокой степени служенія Богу и людямъ. Вѣсть о* добродѣтельной жизни о. Іоанна дошла до слуха Петра I. По повелѣнію государя, о. Іоаннъ сначала былъ призванъ для священнослуженія въ придворной церкви, а вскорѣ затѣмъ опредѣленъ духовникомъ государя и членовъ царствующаго дома. Примѣрнымъ благочестіемъ о. Іоаннъ заслужилъ расположеніе всѣхъ высочайшихъ особъ. Пользуясь царскимъ благоволеніемъ о. Іоаннъ имѣлъ еще болѣе средствъ удовлетворять сердобольнымъ наклонностямъ своего сердца и былъ по прежнему щедродательнымъ отцемъ сиротъ, благовременнымъ питателемъ алчущихъ, усерднымъ утѣшителемъ огорченныхъ, скорымъ помощникомъ и заступникомъ всѣхъ бѣдствующихъ.

Особеннымъ состраданіемъ его пользовались заключенные въ темницахъ за преступленія и долги. При посѣщеніи ихъ, съ цѣлію скрыть себя, онъ, не доѣзжая до мѣста заключенія ихъ, оставлялъ колесницу свою и подходилъ къ нимъ пѣшкомъ. По входѣ къ узникамъ, отечески и съ любовію привѣтствовалъ ихъ, садился съ ними, съ участіемъ разспрашивалъ о причинѣ заключенія, и, извѣдывая при этомъ у каждаго совѣсть, утѣшалъ надеждою на Господа. Разставаясь съ своими собесѣдниками, о. Іоаннъ награждалъ ихъ посильною милостынею. Содержащимся за долги нерѣдко давалъ деньги на уплату долга. А въ день свѣтлаго Христова Воскресенія, въ день Рождества Христова и въ недѣлю мясопустную, посѣщая узниковъ, онъ каждаго лобызалъ съ обыкновеннымъ христіанскимъ привѣтствіемъ, и угощалъ ихъ заранѣе приготовленною пищею. Скоро городская молва стала слѣдить за этими подвигами о. Іоанна, и тогда онъ началъ посѣщать темницы

преимущественно въ ночное время. Когда же стали доходить до его слуха разные людскіе пересуды о немъ, подозрительные и неблагопріятные отзывы и т. п., онъ рѣшился вовсе прекратить на нѣкоторое время посѣщеніе темницъ, не переставая впрочемъ благотворить чрезъ честныхъ и добросовѣстныхъ людей.

Такимъ образомъ о. Іоаннъ снова заключился въ своемъ домѣ, съ намѣреніемъ посвятить остатокъ своей жизни преимущественно богомыслію. Кромѣ церковныхъ службъ, онъ никуды не выходилъ и никого не принималъ къ себѣ, даже и близкихъ. Если кто нуждался въ совѣтѣ или наставленіи о. Іоанна, долженъ былъ обращаться къ нему письменно, и тогда получалъ удовлетворительный отвѣтъ также на бумагѣ; отъ такой переписки онъ никогда ни отказывался. Въ трудахъ и подвигахъ христіанскихъ, незамѣтно и безболѣзненно, достигъ о. Іоаннъ до преклонныхъ лѣтъ. Однажды онъ почувствовалъ разстройство въ здоровьѣ, и затѣмъ стали приключаться съ нимъ болѣзненные припадки и обмороки. Онъ слегъ въ постель и до того ослабѣлъ, что въ теченіи трехъ мѣсяцевъ лежалъ безъ движенія. Но Господь, посѣтившій его болѣзнію, за благодушное терпѣніе вскорѣ опять возвратилъ ему прежнее здоровье. Эта болѣзнь была какъ бы предвѣствіемъ другаго горя и другой бѣды, постигшихъ праведнаго старца.

По выздоровленіи, старецъ оставилъ свое уединеніе и сталъ допускать къ себѣ всякаго приходящаго, кто бы онъ ни былъ. Посѣтителей опять стало являться много; въ бесѣдахъ съ ними онъ проводилъ цѣлые дни и ночи, поучая страху Божію и благочестію. Разставаясь съ посѣтителями, онъ прощался съ воздыханіемъ и особенною какою то печалью, какъ будто бы не имѣлъ уже надежды видѣться болѣе ни съ кѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ, часъ испытанія Іоанна, почти приблизившагося уже къ концу жизни, насталъ неожиданно. Не только невиннаго ни въ чемъ, но еще украшеннаго высокими христіанскими добродѣтелями старца, враги его обвинили въ сношеніяхъ съ воромъ Гришкою Талицкимъ, о чемъ и донесли

Петру I. Государь, повѣривъ этому лживому доносу клеветниковъ, разгнѣвался и немедленно повелѣлъ шестидесятилѣтняго старца отослать при грамотѣ Холмогорскому архіепископу Аѳанасію для постриженія въ монашество въ Соловецкомъ монастырѣ. Выслушавъ это и видя въ немъ какъ бы призваніе промысла Божія, о. Іоаннъ съ полною готовностію отправился въ назначенный путь. Это было въ 1701 году. 13 марта старецъ прибылъ въ Холмогоры къ преосвященному Аѳанасію, съ царскою о себѣ грамотою Добрый архипастырь, принявъ его братски, препроводилъ въ Соловецкій монастырь съ грамотою отъ себя, въ которой писалъ, чтобы Іоанна постригли и отдали на послушаніе опытному старцу. Съ духомъ кротости и упованія на промыслъ Божій о. Іоаннъ предсталъ предъ настоятелемъ обители, архимандритомъ Ѳирсомъ, который предложилъ ему постриженіе въ монашество, согласно волѣ Государя. «Промыслитель Христосъ Богъ», отвѣчалъ о. Іоаннъ, «привелъ меня къ твоей святынѣ, произволяя спастись мнѣ тобою; поэтому, что ты мнѣ недостойному повелишь, то и сотворю», и поклонился своему новому пастырю. «Благословенъ Богъ укрѣпляющій тебя на подвиги; вотъ для тебя мѣсто спасенія»,—сказалъ архимандритъ. Старецъ еще разъ поклонился архимандриту до земли, прося удостоить постриженія. Апрѣля 3 смиренный старецъ былъ постриженъ въ монашество въ соборномъ храмѣ архимандритомъ Ѳирсомъ съ нареченіемъ ему въ монашествѣ имени «Іовъ», о чемъ и донесено было Государю.

Новый инокъ для наученія отданъ былъ старцу монаху Іонѣ. Предавъ себя всецѣло въ волю своего старца, онъ, по мѣрѣ своихъ силъ, началъ трудиться съ твердымъ желаніемъ угождать во всемъ Господу Богу, и постомъ, ночнымъ бдѣніемъ, покорностію и смиреннымъ послушаніемъ изумлялъ всю братію. Инокъ, съ которымъ новый труженикъ жилъ въ одной кельѣ, свидѣтельствовалъ, что этотъ сокровенный рабъ Христовъ, кромѣ хлѣба и воды, не вкушалъ ничего,—и братія прозвали о. Іова постникомъ. На первое время послали о. Іова на послушаніе въ братскую поварню. Ревностный инокъ охотно

трудился въ этомъ послушаніи; являлся на работу прежде другихъ; своими руками рубилъ дрова, и на старческихъ раменахъ носилъ ихъ по высокимъ лѣстницамъ въ поварню. Съ такимъ же усердіемъ исправлялъ онъ и другія трудныя работы. Изъ поварской, въ коей потрудился не мало, о. Іовъ скоро былъ переведенъ на другое послушаніе, именно въ братскую трапезу. И это дѣло онъ проходилъ съ такимъ же примѣрнымъ усердіемъ и смиреніемъ, какъ и прежнее.

Но исконный врагъ людей, желающій погибели душъ человѣческихъ, видя подвиги избранныхъ Божіихъ, не дремлетъ и старается всячески отвлечь ихъ отъ спасительнаго пути. Такъ, во время смиреннаго прохожденія о. Іовомъ сказанныхъ послушаній, неоднажды являлся ему ненавистникъ добра — искуситель, въ образѣ извѣстнаго ему въ мірѣ врача, и говорилъ, какъ бы съ состраданіемъ: возлюбленный! слѣдуетъ тебѣ поберечь здоровье свое, чтобы, изнуривши плоть трудомъ и воздержаніемъ, не ослабѣть подъ игомъ, которое ты взялъ на себя Христа ради. Богъ не желаетъ трудовъ или поста выше силъ, а ищетъ сердца чистаго и смиреннаго. Ты, при старости своей, работаешь черноризцамъ какъ купленный рабъ, не привыкши прежде къ такимъ трудамъ. Не слѣдуетъ тебѣ такъ трудиться и потому, что ты священноинокъ. Довольно съ тебя и того, что, оставивъ славу и честь въ мірѣ, ты пришелъ въ убожество и принялъ на себя тяжкіе труды ради пищи. Я даже удивляюсь, какъ ты можешь принимать суровую пищу послѣ сладкихъ брашенъ. Блюдись, чтобы недуги твои не умножились сверхъ мѣры; тогда и я невозьмусь помочь тебѣ, и ты прежде времени умрешь. Если совѣта моего не послушаешь, то мнѣ будетъ очень жаль". — «Хорошо не щадить плоти, чтобы она не возставляла брани,—отвѣчалъ о. Іовъ мнимому своему знакомцу,—впрочемъ, хотя бы плоть и изнемогала, но сила Божія въ немощахъ совершается. Св. Апостолъ сказалъ болѣе: „недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явиться въ насъ". Постъ есть мать цѣломудрія,—ты внимай себѣ съ подобными». Услышавъ такой отвѣтъ, врагъ тотчасъ исчезъ.

Среди этихъ подвиговъ, духъ о. Іова болѣе и болѣе утверждался въ иночествѣ. Въ преизбыткѣ святой ревности, онъ вспомнилъ слово св. Апостола: „никто же, воинъ, бывая обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ“ (2 Тимоѳ. 2, 4), оставшееся у него имѣніе роздалъ нищимъ и монастырской братіи, а самъ вовсе обнищалъ, чтобы еще безпрепятственнѣе служить обнищавшему насъ ради Христу. Послѣ многихъ испытаній въ трудахъ жизни иноческой, настоятель обители и братія, признавъ новаго постриженника совершеннымъ инокомъ, единогласно освободили его отъ монастырскихъ послушаній и разрѣшили пребывать въ кельѣ одному и внимать своему спасенію. Безмолвствуя въ тишинѣ своей кельи, о. Іовъ занимался непрестанно Іисусовою молитвою, чтеніемъ св. Евангелія, Апостола, Псалтири, житія Преподобныхъ Зосимы и Савватія и рукодѣліемъ. Пищи онъ принималъ мало отъ общей братской трапезы, а особо для себя не приготовлялъ ничего.

Слава о Соловецкомъ подвижникѣ разнеслась повсюду и проникла опять до слуха Государя. Петръ I, удостовѣрясь въ клеветѣ на бывшаго духовника своего, хотѣлъ возвратить его къ царскому двору на прежнее служеніе; но согбенный подъ бременемъ лѣтъ и трудовъ Іовъ просилъ позволить ему остаться въ Соловкахъ. Желаніе еще большаго безмолвія съ этаго времени совершенно овладѣло имъ. Въ 1702 году, по благословенію архимандрита Ѳирса, онъ переселился на жительство въ Анзерскій скитъ.

Въ скитѣ старецъ опять предался подвигамъ иноческимъ съ новымъ рвеніемъ. Считая себя среди скитской братіи только лишь принеднимъ послушникомъ, онъ всѣмъ служилъ и особенно старался помогать немощнымъ. При этомъ церковныхъ службъ и келейнаго правила онъ никогда не опускалъ.

Вскорѣ по прибытіи Іова въ скитъ, скончался Анзерскій строитель. Холмогорскій архіепископъ Варнава, знавшій благочестивую и подвижническую жизнь о. Іова, предложилъ Соловецкому архимандриту Ѳирсу почтить должностью строителя Анзерскаго скита священноинока Іова. Вызванный въ Соловецкую

обитель, Іовъ, по выслушаніи отъ настоятеля воли архипастыря, изъ послушанія принялъ это назначеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ, чтобы удостоили его постриженія въ схиму, но въ этой просьбѣ настоятель ему отказалъ. По принятіи благословенія отъ настоятеля на строительскую должность, онъ отправился въ скитъ. Спустя нѣсколько времени, архимандритъ Ѳирсъ опять вызвалъ о. Іова въ обитель, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ братіи Анзерскаго скита. Окончательно благословляя на должность, архимандритъ сказалъ новому строителю: «предаю тебѣ Анзерскій скитъ Святыя Троицы, осторожно блюди его, какъ все устроено, такъ и да будетъ; устава церковнаго не измѣняй, но твори все по правиламъ св отецъ». Старецъ, простившись съ архимандритомъ и Соловецкими старцами — своими сожителями, отправился опять въ скитъ. Здѣсь, созвавъ въ соборную церковь братію, Іовъ съ колѣнопреклоненіемъ совершилъ молебенъ Святой Троицѣ, затѣмъ и Преподобному Елеазару, какъ первоначальнику и покровителю скита, и потомъ, привѣтствуя братію, предложилъ имъ слѣдующее поученіе: «Молю васъ, братія мои возлюбленные, поспѣшимъ къ наслѣдію царства небеснаго постомъ и молитвою; позаботимся о спасеніи душъ нашихъ; оставимъ все дурное и путь лукавый, т. е. любодѣяніе, татьбу, клевету, празднословіе, ссоры, пьянство, объяденіе и братоненавидѣніе; уклонимся и возгнушаемся этимъ, братія, чтобы не осквернить душъ своихъ, но пойдемъ по пути Господнему, ведущему насъ въ отечество небесное. Взыщемъ Бога рыданіемъ и слезами, пощеніемъ, бдѣніемъ, покорностію волѣ Его и послушаніемъ, да обрящемъ милость у Господа. Возненавидимъ прелестный міръ, вспоминая слова Господа: «Аще кто грядетъ ко мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и матерь, и жену, и чадъ, и братію, и сестеръ, еще же и душу свою—не можетъ Мой быти ученикъ (Лук. 14, 26). Мы, братія, отрекшись міра, отречемся и всѣхъ худыхъ дѣлъ его». Никто же, говоритъ Господь, возложь руку свою на рало, и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи (Лук. 9, 62). Какъ убѣжимъ безконечной муки, проводя жизнь свою въ лѣности? Намъ, братія, нарекшимся иноками, прилично каждый день

плакать и каяться о грѣхахъ своихъ. Покаяніе есть путь, приводящій къ царству небесному; покаяніе есть ключъ царства небеснаго, безъ котораго никому нельзя войти туда. Укрѣпимся на пути царства небеснаго; сюда не приближаются лукавые. Это шествіе хотя нынѣ и прискорбно, но за то послѣ будетъ радостно». Скитяне, выслушавъ это поученіе, поклонились о. Іову и разошлись по кельямъ.

На новомъ поприщѣ служенія о. Іовъ, вспомянувъ слова Господни: «ему же дано будетъ много, много и взыщется отъ него» (Лук. 12, 48), усугубилъ труды и подвиги. Онъ непрестанно творилъ молитву Іисусову, а тѣломъ трудился; первымъ являлся къ церковной службѣ и послушаніямъ, и уходилъ послѣднимъ.

Іовъ хотѣлъ сохранить память объ основателѣ и о всѣхъ благотворителяхъ Анзерскаго скита. Извѣстно, что первымъ составителемъ житія Елеазара былъ Макарій, сподвижникъ Іова. Этотъ инокъ, восхваливъ Іова во вкладной книгѣ Анзерскаго скита, какъ мужа чуднаго, «иже пребываше въ тѣлеси своемъ на земли, яко безплотный ангелъ», прибавляетъ: той же благій Іовъ весь страха Божія и Духа Святаго исполненъ бысть; и ревностію своею разжеся въ Бозѣ о душахъ приснопоминаемыхъ за святою божественною проскомидіею, и трудолюбно попечеся изыскати разнесенное и во едино восхотѣ собрати расточенное, и богомудренно памятствомъ своимъ возстави издавна забвенное. Ово отъ алтарныхъ дискосовъ и священныхъ потирей сребреныхъ, ово отъ воздвизательныхъ и запрестольныхъ крестовъ Христовыхъ, отъ начертанныхъ на нихъ лѣтописей, паче же отъ святыхъ книгъ церковныхъ подписаній, иже благочестивые великіе цари и святѣйшій господинъ Никонъ, патріархъ московскій, своею рукою подписывали, такожде и иніи раби Божіи данныя имъ святыя иконы и всякія книги своими руками закрѣпляху, къ тому же и отъ многолѣтнихъ старецъ издревле живущихъ ту, онъ правымъ слышаніемъ увѣрися, что отъ кого и кія разныя вклады отъ нихъ во храмы Святыя Троицы поданы. И елико отъ всѣхъ сихъ возмогъ увѣдѣти и со многимъ тщаніемъ вмѣстѣ совокупи погибшее, и минувшихъ и на-

стоящихъ тѣхъ боголюбивыхъ вкладчиковъ имена ихъ въ сію книгу вписати повелѣ и всегда за здравіе ихъ поминати утверди, а отшедшимъ ко Господу усопшимъ душамъ приносимою безкровною жертвою Христовою свободную пользу благоразумно учини».

Братство въ скитѣ незамѣтно стало умножаться; такъ что въ короткое время собралось до 30 человѣкъ. Скитскій уставъ въ главныхъ чертахъ былъ такой: Всякаго приходящаго принимать, не разсматривая, богатъ ли онъ или бѣденъ и нищій, только съ предупрежденіемъ о трудности иноческихъ подвиговъ. Новоначальный долженъ ходить въ своей одеждѣ, доколѣ не привыкнетъ къ монашеской жизни. По облеченіи въ рясу, съ новоначальнымъ продолжали строгое испытаніе во всѣхъ послушаніяхъ; затѣмъ, когда онъ оказывался достойнымъ, былъ принимаемъ въ монашество постриженіемъ въ мантію, а болѣе достойные были постригаемы и въ схиму. Всѣхъ вообще, а особенно новоначальныхъ иноковъ, о. Іовъ поучалъ смиренному послушанію Богу и начальству, безъ чего, говорилъ, нѣтъ спасенія; послушаніе—первая изъ всѣхъ добродѣтелей. Сверхъ церковнаго и келейнаго правила, скитяне занимались тѣлесными трудами. Въ ночное время старецъ имѣлъ обычай обходить братскія кельи, напоминая о ночномъ бдѣніи. Если слышалъ кого молящимся, съ радостію отходилъ отъ кельи, а кого заставалъ въ бесѣдѣ, стукнувъ въ дверь, отходилъ съ печалью въ душѣ, и утромъ призывалъ того брата и наединѣ обличалъ. Онъ самъ въ кельѣ ночью молился съ колѣнопреклоненіемъ, иногда до утренняго благовѣста, и первый являлся въ церковь на утреннее славословіе.

Наружное поведеніе инока, по понятію старца, должно быть такое: ходить руки держа на персяхъ; при встрѣчѣ одинъ другому долженъ кланяться въ поясъ; лице имѣть умиленное, глаза привѣтливые, рѣчь ласковую, любовь по Бозѣ нелицемѣрную, послушаніе одного къ другому безпрекословное; приниматься за дѣло всегда съ благословенія старшаго, а при ошибкѣ какой либо отъ нерадѣнія, просить прощенія и стараться исправиться.

Скитяне, желавшіе житія еще болѣе безмолвнаго, по благословенію о. Іова, уходили въ пустынныя кельи. Старецъ имѣлъ ихъ подъ своимъ руководствомъ, часто посѣщалъ ихъ, побуждалъ къ пустыннымъ подвигамъ и давалъ рукодѣліе. По дару прозорливости, онъ иногда обличалъ пустынножителей въ погрѣшностяхъ прежде, чѣмъ они каялись ему.

Вспомнивъ однажды, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ, умывъ на Тайной вечери ноги своихъ учениковъ, сказалъ имъ: «и вы творите такожде» (Іоан. 13, 15), о. Іовъ началъ съ горькимъ рыданіемъ укорять себя: окаянный, какъ высоко возведенъ ты! имѣешь сугубый санъ священническій и строительскій, а нѣтъ у тебя смиренія въ подражаніе Христу Спасителю. Съ этого времени онъ сталъ посѣщать больныхъ, самъ служилъ имъ, обмывалъ и обвязывалъ своими руками раны ихъ, у иныхъ больныя части мазалъ св. елеемъ, и нерѣдко исцѣлялъ ихъ. Этого подвига любви и заботливости о ближнихъ не оставлялъ онъ до самой кончины своей.

Въ 1710 году старецъ Іовъ былъ вызванъ Соловецкимъ настоятелемъ, архимандритомъ Ѳирсомъ, въ обитель, и за строгую подвижническую жизнь удостоенъ постриженія въ схиму съ именемъ Іисуса, въ память Іисуса Навина, израильскаго вождя.

Іеросхимонахъ Іисусъ нерѣдко удалялся на безмолвіе въ пустынныя мѣста, а еще чаще ходилъ къ пустынножителямъ для духовной бесѣды, поручая въ свое отсутствіе смотрѣніе за скитомъ своимъ ученикамъ, схимонаху Матѳію и монаху Макарію. Вотъ, въ одно время, именно 18-го іюня, въ среду, старецъ восхотѣлъ посѣтить одного уважаемаго имъ пустынника, іеродіакона Паисія, жившаго отъ Анзерскаго скита въ 6-ти верстахъ, при высокой горѣ, называемой нынѣ Голгоѳою, прославленной пребываніемъ на ней Преподобнаго Елеазара. Послѣ бесѣды строитель пожелалъ пробыть съ пустынножителемъ нѣсколько времени, и о. Паисій далъ ему особую келью.

Однажды Іисусъ, по обычаю своему, сталъ съ вечера на молитву, которую и продолжалъ до самой полночи, читая псалмы съ колѣнопреклоненіемъ. Утрудившись, онъ сѣлъ, и въ тонкомъ

снѣ вдругъ увидѣлъ въ кельѣ своей необыкновенный свѣтъ и въ сіяніи небесной славы Пресвятую Богородицу и съ Нею Преподобнаго Елеазара Анзерскаго. Въ благоговѣйномъ страхѣ, вставъ съ мѣста, онъ поклонился видѣнію до земли. При этомъ услышалъ голосъ Царицы Небесной: «эта гора отнынѣ называется второю Голгоѳою; на ней будетъ устроена великая каменная церковь распятія Сына Моего и Господа, и учредится скитъ для тебя съ двумя учениками, схимонахомъ Матѳіемъ и монахомъ Макаріемъ; скитъ назовется Распятскимъ, соберется къ тебѣ множество монаховъ и прославится имя Божіе. Я сама буду посѣщать гору и пребуду съ вами во вѣки». Съ этими словами видѣніе кончилось. Но въ то же время послышался съ высоты другой голосъ: «освяти гору Голгоѳу и поставь на ней крестъ!» Благочестивый старецъ много удивлялся видѣнному и слышанному и разсказалъ все іеродіакону Паисію. Паисій все слышанное отъ Іисуса вырѣзалъ на крестѣ, сдѣланномъ руками строителя *).

29-го іюня, въ праздникъ св. Апостоловъ Петра и Павла, іеросхимонахъ Іисусъ, исполняя волю Божію, съ учениками Матѳіемъ и Макаріемъ отправился изъ Анзерскаго скита на гору Голгоѳу, тамъ освятилъ воду и, окропивъ ею гору, водрузилъ въ землю приготовленный крестъ съ надписью, и вслѣдъ за этимъ поставилъ молитвенную храмину для всенощнаго бдѣнія. По освященіи горы и водруженіи креста, пустынники совершили благодарственный съ колѣнопреклоненіемъ молебенъ Господу Богу и Пресвятой Богородицѣ.

Съ этого времени строитель началъ заботиться объ учрежденіи новой киновіи на Голгоѳской горѣ. Въ 1713 году онъ отправился съ ученикомъ своимъ Макаріемъ къ холмогорскому архіепископу Варнавѣ просить благословенія на устройство церкви и скита на горѣ Голгоѳѣ. Этотъ архипастырь, грамо-

*) Этотъ крестъ большого размѣра, вызолоченый. Нѣсколько времени онъ былъ запрестольнымъ въ церкви на Голгоѳѣ, а нынѣ находится на стѣнѣ въ Успенскомъ придѣлѣ, въ стеклянномъ футлярѣ, надъ гробницею старца Іисуса.

тою отъ 15-го іюля 1713 года, благословилъ соорудить двѣ каменныя церкви, одну на самой Голгоѳѣ—Распятія Господня, другую подъ горою, на самомъ мѣстѣ явленія Пресвятой Богородицы, въ честь Успенія Ея. Тою же грамотою разрѣшено устроить и скитъ, съ наименованіемъ его Распятскимъ, а горы—Голгоѳою. Блаженный старецъ на первыхъ порахъ обрадовался такой милости архипастыря, но послѣ, встрѣтивъ разныя препятствія и недостатки къ постройкѣ каменныхъ церквей, со скорбію выпужденъ былъ вновь просить архіепископа о позволеніи построить, вмѣсто двухъ каменныхъ церквей, одну деревянную съ трапезою на вершинѣ горы. Преосвященный Варнава опять, грамотою отъ 18-го сентября 1714 года, благословилъ построить на горѣ малую деревянную церковь въ честь Усѣкновенія честныя главы св. пророка Предтечи и крестителя Господня Іоанна.

По полученіи послѣдней грамоты, старецъ сдалъ навсегда строительство Анзерскаго скита и съ нѣкоторыми учениками перешелъ для жительства на гору Голгоѳу. Поселившись на ней, онъ началъ устраивать скитъ. Вскорѣ ученики Іисуса соорудили на Голгоѳѣ деревянную церковъ, которая, къ общему утѣшенію, освящена была архимандритомъ Ѳирсомъ въ честь Распятія Господня, согласно грамотѣ преосвященнаго, отъ 15-го мая 1715 года.

Петръ I, узнавъ о явленіи блаженному старцу Пресвятой Богородицы и о новоустраиваемомъ Распятскомъ скитѣ на Голгоѳѣ, по особенному расположенію къ бывшему духовнику, много помогъ ему своими щедротами. Такъ, въ скоромъ времени послѣдовало повелѣніе объ отпускѣ каждогодно изъ архангельскихъ государственныхъ хлѣбныхъ магазиновъ хлѣба на продовольствіе братіи Голгоѳскаго скита. А въ 1714 году, при самомъ началѣ устройства скита, для церкви Голгоѳской отъ царевны, великой княжны Маріи Алексѣевны, поступило пожертвованіе многихъ драгоцѣннѣйшихъ утварей, одежды и книгъ, съ клеймами, именно въ Голгоѳскій скитъ *). Особенно

*) Крестъ, Евангеліе, сосуды и проч., которые нынѣ хранятся въ Соловецкой ризницѣ.

же дорогою жертвою была мѣстная святая икона Успенія Божіей Матери, въ серебряной ризѣ, съ позолоченными полями, и въ ней вкладной ящикъ со многими св. мощами *). Царица *Параскева Θеодоровна (вдовствующая супруга царя Іоанна* Алексѣевича), кромѣ другихъ пожертвованій, пожаловала на строеніе церковное на горѣ Голгоѳѣ сто рублей, а князь Меньшиковъ далъ сто червонцевъ. Много было и другихъ благотворителей. Но особенное попеченіе о строеніи Голгоѳо-Распятскаго скита имѣла уже извѣстная благодѣяніемъ скиту царевна Марія Алексѣевна. Вотъ письмо ея по этому предмету къ архимандриту Ѳирсу:

«Пречестныя обители Соловецкихъ Чудотворцевъ отцу архимандриту съ братіею усердствуемъ, да благодать Божія, милость, миръ и любовь, при всегдашнемъ благоденствіи, да умножаются. Писано прежде сего къ пречестности вашей, дабы старательство имѣли о всякихъ припасахъ, какъ о кирпичѣ, такъ и о другихъ надлежащихъ нуждахъ въ Свято-Распятскій Анзерскій скитъ, къ хотящей быть Распятія Господня каменной церкви, и нынѣ просимъ: да попеченіе имѣете къ оному Богомъ избранному и прославляемому мѣсту, а наипаче о кирпичѣ прилежное попеченіе потребно имѣти. Хотя нынѣ препона строенію оному церковному учинилась за перемѣною вице-губернатора Алексѣя Курбатова, но обаче всемилостивый Господь, вся по желанію на прославленіе имени Его святаго волю боящихся Его сотворитъ и молитву ихъ услышитъ и пошлетъ ктиторовъ къ оной св. церкви, ихже Самъ вѣсть; точію пречестность ваша прикажите заранѣе кирпичъ дѣлать и деньги у пречестнаго отца Іисуса на оный и прочіе припасы берите. Повторяя, просимъ и повелѣваемъ, дабы прилежное попеченіе и радѣніе о оныхъ нуждахъ имѣли, за которое радѣніе всемилостивый Господь да воздастъ вамъ. И мы остаемся должны.

---

*) Св. икона величиною равна чудотворной иконѣ, что въ Кіево-Печерской лаврѣ; *нынѣ она находится въ Успенскомъ соборѣ Соловецкаго* монастыря, надъ царскими вратами.

Прочее же пречестности вашей святымъ молитвамъ себя предаемъ.

Ц. Марія съ царствующаго града Москвы,
1715 года марта 15-го дня».

Въ 1718 году на новоустроенный скитъ напали разбойники и, бивъ нещадно братію, разогнали ее и увезли съ собою имущество церковное и скитское, которое и послѣ не было отыскано. Въ этотъ часъ скорби, блаженный старецъ безвыходно находился въ кельѣ и молился Господу Богу о сохраненіи братіи. Разбѣжавшіеся пустынники опять собрались въ скитъ къ своему духовному отцу. Старецъ упрекнулъ ихъ въ малодушіи, и иноки тогда же дали обѣщаніе: лучше умереть, а не выходить изъ скита, какія бы скорби ни послѣдовали.

Скитъ увеличивался вновь приходившими для подвижнической жизни подъ руководствомъ мудраго наставника. Отказа никому не было; всѣ принимаемы были съ любовію. Только всякій, желавшій поступить въ скитъ, долженъ былъ устроить своими руками келью для себя, въ чемъ иногда помогалъ и самъ старецъ, сколько могъ. Скоро братіи считалось до 20 человѣкъ, кромѣ пустынниковъ, которые жили въ уединенныхъ мѣстахъ, подъ вѣдѣніемъ отца Іисуса, и приходили въ скитъ каждый воскресный день, для присутствія при церковномъ богослуженіи и исповѣди предъ старцемъ. Жизнь всѣхъ этихъ подвижниковъ протекала въ подвигахъ духовныхъ и трудахъ тѣлесныхъ. Самъ престарѣлый строитель, въ примѣръ другимъ, нерѣдко рубилъ дрова, носилъ на гору воду для поварни, въ пекарнѣ растворялъ тѣсто для хлѣба. Однажды въ праздникъ Успенія Божіей Матери пришелъ къ старцу келарь скита и сказалъ: „Отче! некому въ поварню воду носить“. Старецъ всталъ и началъ самъ носить воду съ озера изъ подъ горы; но братія, увидавъ труженика, выбѣжали и наносили воды до избытка. Тотъ же келарь чрезъ нѣсколько времени пришелъ опять къ блаженному старцу съ жалобою: „повели отче, одному изъ братіи, праздному, приготовить дровъ для поварни“.—„Я праздный, пойду и приготовлю“, отвѣчалъ блаженный. А между

тѣмъ это было время обѣда. Старецъ благословилъ идти къ обѣду, а самъ взялъ топоръ и началъ рубить дрова. По окончаніи обѣда взялась и братія за приготовленіе дровъ для своего же употребленія. Въ кельѣ блаженный старецъ Іисусъ, въ часы досуга, постоянно занимался рукодѣліемъ. Если случалось выручить за свой трудъ нѣсколько денегъ, онъ дѣлилъ эти деньги на три части: одну на нужды церковныя, другую на нужды братіи, и третію на милостыню нищимъ. Въ запасѣ на будущій день у доблестнаго старца не оставалось ни денегъ, ни чего либо другаго; имѣнія, кромѣ нѣкоторыхъ духовныхъ книгъ, также не было никакого. Изъ одежды онъ довольствовался только двумя свитками, власяною, жесткою, на тѣлѣ, и другою, худшею, которая покрывала первую. На укоризны въ такомъ простомъ образѣ жизни старецъ не обращалъ никакого вниманія. Былъ и такой обычай у старца: какъ скоро кто изъ братіи подвергался болѣзни, онъ, оставивъ свою келью даже незапертою, приходилъ къ больному и служилъ ему до тѣхъ поръ, пока тотъ не выздоравливалъ.

Но кто можетъ исчислить всѣ духовные подвиги блаженнаго труженика? Они вполнѣ извѣстны только одному Богу, для Котораго и были совершаемы. На повседневныхъ церковныхъ службахъ Іисусъ присутствовалъ, по прежнему, безъ упущенія, приходя прежде другихъ; а въ келейной молитвѣ съ колѣнопреклоненіемъ проводилъ цѣлыя ночи. При наступленіи св. четыредесятницы, обыкновенно, затворялся въ кельѣ и, пребывая весь великій постъ въ этомъ уединеніи, упражнялся въ непрестанной молитвѣ. Изъ этого затвора онъ выходилъ не прежде, какъ предъ самымъ праздникомъ свѣтлаго Христова Воскресенія.

Для учениковъ своихъ Преподобный составилъ скитскій уставъ, въ которомъ особенно замѣчательно слѣдующее: «если кто соизволитъ жить со мною и послѣ меня въ скитѣ, то не долженъ употреблять въ пищу: коровьяго масла, молока и рыбы, особенно же не пить вина. Общая трапеза должна состоять изъ огородныхъ овощей, съ употребленіемъ въ мѣру постнаго масла. Въ кельяхъ собственныхъ вещей не имѣть; женскаго пола не принимать и отроковъ въ послушаніи не держать.... Кромѣ

ежедневнаго церковнаго правила, въ кельяхъ каждому читать по пяти каѳизмъ изъ Псалтири съ 500 молитвъ Іисусовыхъ и 300 поклоновъ».

За богоугодную жизнь старецъ былъ удостоенъ особенныхъ откровеній. Нѣкоторые ученики его скорбѣли и роптали на трудность носить на гору воду съ озера, отстоящаго отъ скита на версту. Тогда старецъ, ставъ на молитву съ вечера, прилежно и со слезами молился до самой полночи. Въ молитвѣ онъ просилъ Господа Бога и Пресвятую Богородицу, да помогутъ они въ такой нуждѣ братіи его. Въ полночь, онъ пришелъ въ молитвенный восторгъ и увидѣлъ въ кельѣ неизреченный свѣтъ ему явилась Пресвятая Богородица въ сіяніи небесной славы, съ Преподобнымъ Елеазаромъ Анзерскимъ и двумя Ангелами. Старецъ палъ предъ Владычицею на землю. Она сказала ему: «встань! услышана твоя молитва; завтра возьми учениковъ своихъ и ископай на горѣ кладезь (указывая при этомъ и самое мѣсто); здѣсь будетъ вода на потребу тебѣ и братіи». Пришедъ въ себя, блаженный старецъ разсказалъ своимъ ученикамъ объ этомъ явленіи. Съ наступленіемъ дня старецъ поспѣшилъ съ ними выйти на указанное мѣсто; начали копать колодезь, и дѣйствительно докопались до изобильнаго источника воды *). Всѣ признали это явленіе за знакъ особеннаго промысла Божія о скитѣ и радовались, прославляя Бога и Пресвятую Богородицу единогласною пѣснію: «дивна дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси». Когда же источникъ былъ вполнѣ устроенъ, то старецъ съ братіею совершилъ божественную литургію и по литургіи благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, и затѣмъ крестный ходъ на новый источникъ. По освященіи воды въ источникѣ, онъ окропилъ ею святый храмъ, братскія кельи и вершину горы, съ пѣніемъ стиха Святому Духу: «Днесь благодать Святаго Духа насъ собра, и вси вземше крестъ Твой.... А по окончаніи священно-

*) Водою изъ этого источника пользовались жители скита со времени открытія его до 1827 года, въ которомъ, при постройкѣ новой каменной церкви на горѣ Голгоѳѣ, къ сожалѣнію, колодезь засыпанъ.

дѣйствія, не упустилъ блаженный старецъ учениковъ своихъ утѣшить поученіемъ, приличнымъ случаю. Вотъ о чемъ онъ говорилъ: «Не скорбите, братія, не малодушествуйте, но уповайте всегда на Бога. Господь, всесильнымъ Своимъ словомъ, извелъ изъ бездны источники воды сладкія для всѣхъ живущихъ на землѣ вѣрныхъ и невѣрныхъ; насъ ли, рабовъ Его, оставитъ, не пропитаетъ? Вспомнимъ обѣщаніе Его: «мать исчадіе свое скорѣе забудетъ, нежели Азъ васъ!»

Къ старцу въ одну ночь пришли разбойники съ намѣреніемъ обокрасть его, не зная, что у него нечего было похищать. Притаившись въ сокровенномъ мѣстѣ кельи, они ждали, чтобы старецъ ушелъ въ церковь къ утреннему богослуженію. Старецъ еще не спалъ, а стоялъ на обычномъ правилѣ и слышалъ приходъ ихъ, или, лучше, прозрѣлъ намѣреніе ихъ. Тогда въ своей молитвѣ къ Богу онъ присовокупилъ: «Боже, пошли сонъ рабамъ Твоимъ, утрудившимся въ суетномъ угожденіи врагу». Молитва была услышана и незванные посѣтители спали у кельи старца безпросыпно пять дней и пять ночей, пока самъ старецъ, пришедши съ братіею, не разбудилъ ихъ словами: «доколѣ стрежете всуе?—подите въ домы свои». Пробудившись, они встали, но идти не могли, потому что не мало времени пробыли безъ пищи. Старецъ накормилъ ихъ и отпустилъ. Услышавъ впослѣдствіи, что эти самые люди привлечены къ отвѣтственности за такой поступокъ, онъ послалъ просьбу объ избавленіи ихъ отъ суда. А между тѣмъ поспѣшилъ продать послѣднія книги, какія были у него, и деньги роздалъ нищимъ, изъ опасенія, чтобы опять кто не впалъ въ подобную бѣду. Злые люди, освободившись отъ суда, пришли въ Голгоѳскій скитъ, и, испросивъ прощеніе и благословеніе у старца, трудились цѣлое лѣто на пользу братіи. Въ другое время воры пришли въ бывшій у старца огородъ съ овощами. Наполнивъ свои влагалища овощами, они возложили ихъ на себя, съ намѣреніемъ унести, но не могли и съ мѣста сойти, и такъ простояли два дня и двѣ ночи неподвижно, подъ тяжелымъ бременемъ. Потомъ начали кричать: «отче святый, пусти насъ съ мѣста». На голосъ пришли нѣкоторые изъ братіи, но не могли свести ихъ съ мѣста.

На вопросъ иноковъ: «когда вы сюда пришли?»—они отвѣчали: «два дня и двѣ ночи стоимъ здѣсь».—«Мы всегда ходили сюда, почему же не видѣли васъ?»—«Да и мы, если бы видѣли васъ, давно уже со слезами просили бы прощенія у вашего старца». Пришелъ и самъ старецъ и сказалъ ворамъ: «вы всю жизнь, пребывая въ праздности, безъ трудовъ, крадете чужіе труды, поэтому стойте здѣсь въ праздности всѣ годы вашей жизни». Со слезами воры умоляли отпустить ихъ, обѣщаясь впредь не дѣлать ничего подобнаго. Старецъ сказалъ: «если хотите руками своими трудиться и отъ труда вашего другихъ питать, то отпущу». Они съ клятвою дали обѣщаніе исполнить его велѣніе. Тогда онъ сказалъ: «благословенъ Богъ, укрѣпляющій васъ; потрудитесь годъ въ этой обители на братію». Послѣ этого разрѣшилъ ихъ отъ невидимыхъ узъ своею молитвою, и они дѣйствительно трудились годъ въ скиту.

Одинъ изъ скитской братіи, бывъ боримъ блудною страстію, пришелъ къ Преподобному просить помощи, съ намѣреніемъ исполнить все, что старецъ повелитъ. Старецъ, поучивъ его жизни воздержной, прикоснулся своимъ жезломъ къ тѣлу брата; тотчасъ же плотская страсть исчезла, и инокъ никогда болѣе не страдалъ ею.

Годы протекали за годами, и многотрудный старецъ, испытавшій въ своей жизни столько превратностей, приближался къ концу своего земнаго поприща. Свѣтильникъ жизни сталъ видимо догорать въ немъ; съ преклонными лѣтами появилось изнеможеніе силъ, и Преподобный заблаговременно сталъ готовиться къ переселенію въ жизнь нескончаемую. Теперь онъ обратилъ вниманіе собственно на одного себя, хотя не прекращалъ обычной заботы и о пользѣ ближнихъ. Часто съ умиленіемъ и слезами онъ воспѣвалъ самъ себѣ: «душе моя, душе моя! что спиши? конецъ приближается, и имаши смутитися». Старецъ часто ходилъ къ изготовленной имъ самимъ могилѣ, и на ней, размышляя о смерти и судѣ Божіемъ, проливалъ слезы и глубоко вздыхалъ.

Господь вѣрному рабу своему не только открылъ приближающуюся кончину, но опредѣлилъ и самый день ея. Блажен-

ный старецъ, задолго до смерти, объявилъ братіи, что кончина его послѣдуетъ въ воскресный день до восхода солнца.

Лежа на одрѣ болѣзни, старецъ призвалъ учениковъ, и между прочимъ, сказалъ имъ: «я отхожу отъ васъ къ вѣчной жизни; а вы пребывайте богоугодно, каждый въ своей, Богомъ предъизбранной, службѣ, безвыходно изъ скита, ради любви братской по Бозѣ».

Но вскорѣ къ тяжелой болѣзни старца присоединилась другая тягчайшая—горячка. Совершенно изнемогая подъ бременемъ ея, онъ только повторялъ себѣ: «воля Господня да будетъ о мнѣ,—что угодно Господу, да сотворитъ», и потомъ погружался въ молитву. Угасающій подвижникъ три дня и три ночи лежалъ недвижимъ, и едва было замѣтно его дыханіе, такъ что братія, рыдая, ожидали только скорой кончины его.

Но къ общей радости и удивленію, по истеченіи трехъ дней, старецъ получилъ неожиданное облегченіе, всталъ съ одра и обратился къ братіи съ словами: «время жизни моей оканчивается, о чемъ мнѣ и Господь возвѣстилъ! Вы изберите изъ среды васъ себѣ наставника вмѣсто меня; я его поставлю и благословлю». Послѣ этого, спустя день, блаженный старецъ благословилъ преемникомъ себѣ избраннаго братіею старшаго ученика своего, Макарія, и вручилъ ему братію и попеченіе о ней. Макарій, поклонившись умирающему отцу своему до земли, далъ обѣщаніе соблюдать всѣ отеческія заповѣди его.

Почувствовавъ облегченіе отъ болѣзни, іеросхимонахъ Іисусъ поспѣшилъ въ послѣдній разъ совершить божественную литургію и причастилъ своихъ учениковъ св. Христовыхъ таинъ. Послѣ литургіи онъ опять почувствовалъ изнеможеніе и возлегъ на болѣзненный одръ, съ котораго уже не вставалъ. Въ эти предсмертныя минуты, онъ весь исполненъ былъ необыкновенной радости, которая доказывала его готовность къ переходу въ вѣчность. Забота объ устроеніи въ скитѣ каменной церкви не оставляла блаженнаго старца на смертномъ одрѣ. Въ 1719 году онъ упросилъ Анзерскаго строителя Германа, за достаточное количество денегъ, заготовить кирпичь и дру-

гіе матеріалы, которыхъ уже не мало было приготовлено. Но эти приготовленія остановились по причинѣ перевода Германа въ другой монастырь. На одрѣ смертномъ Іисусъ просилъ Анзерскаго строителя Спиридона о продолженіи этаго дѣла и вручилъ ему 236 рублей, 1 алтынъ и 2 деньги. Этого достаточно было для совершенія дѣла. Будучи уже при смерти, сверхъ этихъ денегъ, онъ отдалъ іеромонаху Филарету, монаху Проклу и послушнику Анисиму 100 червонныхъ и 38 руб. на ту же постройку. Іисусъ дожилъ до воскреснаго дня, въ который тогда пришлась недѣля православія. Рано утромъ, призвавъ къ себѣ всѣхъ учениковъ, онъ послѣдній разъ облобызалъ и благословилъ каждаго, а ученики свидѣтельствовали преданность свою старцу горькими слезами. Простившись со всѣми, іеросхимонахъ Іисусъ сказалъ: „я отхожу ко Владыкѣ моему Господу Іисусу Христу, а вамъ оставляю путеводителемъ къ царствію небесному о. Макарія; отъ него не отставайте на пути добродѣтелей. Еще заповѣдую вамъ: тѣла моего по смерти не омывайте, одежду на немъ не перемѣняйте, а въ которой теперь нахожусь, въ ней и положите во гробъ; погребеніе сотворите сами, безъ мірскихъ людей". Когда плачущіе иноки спросили: „отче святый, какъ мы останемся въ *сиротствѣ безъ тебя: желали бы и мы умереть съ тобою, ибо* ты насъ велъ ко Христу за собою, а нынѣ далеко оставляешь"— старецъ сказалъ: „утѣшьтесь, мои возлюбленные, ибо я хотя тѣломъ разлучаюсь, но духомъ пребуду навсегда съ вами", и съ этими словами отпустилъ ихъ въ кельи. Изъ числа учениковъ одинъ служившій старцу въ болѣзни, вышедши отъ старца, остановился и не пошелъ въ свою келью. Онъ тайно, чрезъ скважину, посмотрѣлъ на больного и увидѣлъ, что, проводивъ изъ кельи иноковъ, старецъ всталъ съ одра, преклонился на колѣна посреди кельи, молился со слезами Богу и Пресвятой Богородицѣ, призывая и святыхъ угодниковъ, и въ молитвѣ этой часто поминалъ устроенную имъ св. киновію и братію. Послѣ молитвы онъ легъ на одръ и перекрестился. Чрезъ нѣсколько минутъ опять всталъ съ одра и на колѣнахъ молился Господу съ воздѣтыми руками такъ: „Господи Боже

мой! благодарю Тебя, что призрѣлъ на смиреніе мое и сподобилъ меня скончаться въ православной вѣрѣ въ Тебя, въ исповѣданіи и въ исполненіи заповѣдей Твоихъ! Пріими, Владыко Преблагій, въ мирѣ духъ мой, а Твоихъ рабовъ, которыхъ во едино стадо чрезъ меня грѣшнаго собралъ, сохрани..." Непродолжительна была эта молитва добродѣтельнаго подвижника, и онъ легъ на одръ. Въ эти минуты на лицѣ умирающаго образовалась видимая перемѣна; съ устремленнымъ къ небу взоромъ лице его сіяло необъяснимымъ спокойствіемъ и радостію. Онъ пребывалъ уже недвижимъ, въ молчаніи, и какъ будто съ кѣмъ душевно бесѣдовалъ. Вдругъ молчаніе свое старецъ прервалъ восклицаніемъ: „Благословенъ Богъ отцевъ нашихъ! если такъ, то уже не боюсь, но въ радости отхожу отъ міра сего!" Съ этими словами въ кельѣ явился необыкновенный свѣтъ, разлилось великое благоуханіе и слышанъ былъ пресладкій гласъ многихъ, неизвѣстно гдѣ поющихъ, псаломскую пѣснь: Яко пройду въ мѣсто селенія дивна даже до дому Божія, во гласѣ радованія и исповѣданія, шума празднующихъ (Псал. 41, 5). Въ эту минуту, блаженный на одрѣ своемъ совершенно обратился лицемъ вверхъ, ноги простеръ, руки положилъ на персяхъ крестообразно, и душа его отлетѣла въ обители небесныя, куда постоянно стремилась во все теченіе своего земнаго странствованія.

Честна предъ Господомъ смерть преподобныхъ Его (Пс. 115, 6). Это слово Господне исполнилось надъ іеросхимонахомъ Іисусомъ, котораго Господь сподобилъ преставиться въ преклонныхъ лѣтахъ, тихо и мирно, послѣ подвиговъ благочестія, въ недѣлю православія, утромъ, до восхода солнца — 6-го марта 1720 года, такъ какъ предсказалъ о томъ старецъ задолго до своей кончины.

Ученики, возвратившись отъ старца въ кельи, вдругъ услышали пріятное духовное пѣніе, и полагая, что началось въ церкви утреннее богослуженіе, поспѣшили въ церковь,—но, къ удивленію, нашли ее запертою. Въ недоумѣніи они начали прислушиваться къ пѣнію: казалось, что оно происходило въ кельѣ умирающаго. Всѣ туда устремились и нашли Преподоб-

наго на одрѣ уже мирно предавшаго душу свою Господу. Плачь учениковъ его былъ неописанный; они много сѣтовали о разлукѣ съ своимъ отцемъ, но еще болѣе о томъ, что не сподобились видѣть самую кончину его. Положивъ честное тѣло подвижника въ гробъ, они оставили его въ кельѣ до погребенія.

Кончина блаженнаго старца не была оглашена учениками его, однакожъ узнали о ней иноки Соловецкаго монастыря и Анзерскаго скита, и въ короткое время Голгоѳскій скитъ наполнился посѣтителями, которые принесли съ собою ладону, восковыхъ свѣчей, деревяннаго масла и т. п. Всѣ желали, чтобы приношенія ихъ были употреблены при самомъ погребеніи. Пришедшіе иноки и міряне, окруживъ келью, ожидали погребенія старца; но не многіе сподобились быть при этомъ. Сильный дождь вынудилъ собравшихся разойтись, а между тѣмъ ученики, воспользовавшись этимъ случаемъ, исполнили заповѣдь старца и совершили погребеніе безъ мірскихъ людей.

Отпѣваніе происходило въ церкви, чрезъ три дня по преставленіи, т. е. въ среду на второй недѣли св. четыредесятницы, послѣ преждеосвященной литургіи. Совершали священнодѣйствіе іеромонахи Іакинфъ, Филаретъ и Проклъ съ іеродіаконами въ присутствіи всей скитской братіи и пустынножителей, которые поспѣшили на провожаніе своего отца. Когда оставалось отдать послѣднее цѣлованіе почившему старцу, было прочитано найденное въ кельѣ въ запечатанномъ конвертѣ духовное завѣщаніе братіи. Въ завѣщаніи Преподобный, прежде всего, воздаетъ хвалу Господу Богу за всѣ Его благодѣянія къ себѣ въ продолженіе долголѣтней жизни своей; затѣмъ, выразивъ всю свою надежду на воскресеніе и жизнь вѣчную, утѣшаетъ учениковъ, прощается съ ними, благодаритъ всѣхъ еще живыхъ благодѣтелей, и наконецъ объявляетъ, что имѣнія никакого не осталось. Скитскіе иноки на своихъ рукахъ вынесли изъ церкви утружденное тѣло старца и положили въ каменномъ склепѣ, приготовленномъ на самой горѣ, глубиною не болѣе одного аршина. Поверхъ склепа они поставили дере-

вянную, хорошо отдѣланную гробницу, на которой сдѣлали приличную надпись, а на самую гробницу положили еще деревянную доску съ словами: „Здѣсь скончался 1720 года, марта 6-го дня, Преподобный Іовъ (въ схимѣ Іисусъ), строитель прежде бывшій Анзерскій, а потомъ Голгоѳскій, рожденный 1635 года. Въ монашество поступилъ 1701 года. Въ Анзерскій скитъ перешелъ на безмолвіе 1702 года. Строительство Анзерское принялъ 1706 года. Въ схиму постригся въ 1710 году. На гору Голгоѳу пришелъ жить строителемъ 1714 года. Показавшій образъ добродѣтелей—словомъ и житіемъ, любовію и духомъ, вѣрою и чистотою сердечною.

Отъ рожденія житія его было 85 лѣтъ.

1720 года марта 9-го дня погребенъ здѣсь".

Съ самаго дня погребенія, усердствующіе во множествѣ начали отправлять на могилѣ его панихиды; такъ что чрезъ нѣсколько времени, усердіемъ учениковъ блаженнаго старца, надъ гробницею поставлена часовня и на надгробной доскѣ изображенъ ликъ Преподобнаго.

По смерти блаженнаго старца всѣ дѣла о дальнѣйшемъ устроеніи Голгоѳораспятскаго скита приняли другой ходъ. Анзерскій строитель объявилъ, будто покойный приказывалъ духовному отцу при кончинѣ своей, чтобы оставленныя имъ деньги, равно и заготовленные матеріалы, отдать въ Анзерскій скитъ на сооруженіе придѣльной теплой церкви во имя Рождества Пресвятыя Богородицы. Хотя деньги и были употреблены по желанію строителя, но выстроенный придѣльный храмъ вскорѣ сгорѣлъ со всею ризницею и имуществомъ. Ученики старца, не видя себѣ ни откуда защиты, въ 1721 году вынуждены были выйти изъ скита въ Соловецкій монастырь и Анзерскій скитъ. На Голгоѳѣ остались только два любителя безмолвія—иноки Геннадій и Сергій. Отъ этихъ послѣднихъ обитателей скита начальствомъ Соловецкаго монастыря отобрано скитское и церковное имущество и передано въ Анзерскій скитъ. Наконецъ указомъ Святѣйшаго Сѵнода, отъ 23-го іюля 1723 года (за № 496), Голгоѳо-распятскій скитъ, какъ малолюдный, соединенъ съ Анзерскимъ-Троицкимъ скитомъ.

Но гора «Голгоѳа» —священное мѣсто, прославленное явленіемъ Пресвятой Богородицы, не осталось пустымъ. Иноки, любители пустынной жизни, одинъ по другомъ, а иногда по два, по три и болѣе, не переставали обитать въ упадшемъ на время скитѣ.

Въ 1764 году, при учрежденіи духовныхъ штатовъ, Голгоѳо-распятскій скитъ приписанъ къ Соловецкому монастырю, и съ этого времени Соловецкіе настоятели взяли скитъ въ свое попеченіе. Въ 1768 году, по указу Святѣйшаго Сѵнода, были возвращены въ Распятскій скитъ всѣ вывезенныя изъ него и хранившіяся въ Архангельскѣ, въ архіерейскомъ домѣ, драгоцѣнныя вещи, большею частію дары царственныхъ особъ прежняго времени, Евангеліе, потиры, кадила, облаченія и проч.

До 1826 года въ Голгоѳо-распятскомъ скитѣ жили Соловецкіе иноки, искавшіе особенной строгости жизни, безмолвія и отшельничества. Деревянный храмъ, построенный Іисусомъ, пришелъ въ совершенную ветхость. Но въ 1826 году скитъ приведенъ въ благоустройство тщаніемъ настоятеля Соловецкаго монастыря, архимандрита Досиѳея. Съ разрѣшенія Святѣйшаго Сѵнода, въ Голгоѳскомъ скитѣ выстроена и освящена 13-го сентября 1830 года новая каменная церковь Распятія Господа Іисуса Христа и при ней теплый придѣлъ Успенія Пресвятой Богородицы *). Въ этомъ придѣлѣ, на лѣвой сторонѣ, находится гробница блаженнаго старца, іеросхимонаха Іисуса. Деревянная церковь, выстроенная имъ, перенесена подъ гору, на то мѣсто, гдѣ было первое явленіе Пресвятой Богородицы блаженному старцу, т. е. на мѣсто кельи пустынножителя, іеродіакона Паисія. Съ этого времени постоянно назначается въ скитъ іеромонахъ изъ Соловецкаго братства, опытный въ иноческой жизни, въ качествѣ строителя, и десять или болѣе подъ его вѣдѣніе иноковъ; послѣдніе посылаются всегда изъ особенно расположенныхъ къ воздержной и безмолвной жизни, по собственному желанію.

---

*) Эта церковь, возвышающаяся надъ землею вмѣстѣ съ горою на 86 саженъ, видна съ моря верстъ за 50.

Скитскій уставъ основателя старца Іисуса относительно церковнаго и келейнаго правила и постной трапезы доселѣ исполняется въ точности, исключая того, что возобновителемъ скита, архимандритомъ Досиѳеемъ, по немощи братіи, благословлено на трапезѣ вкушать рыбу въ тѣ дни, въ которые разрѣшаетъ это святая Церковь.

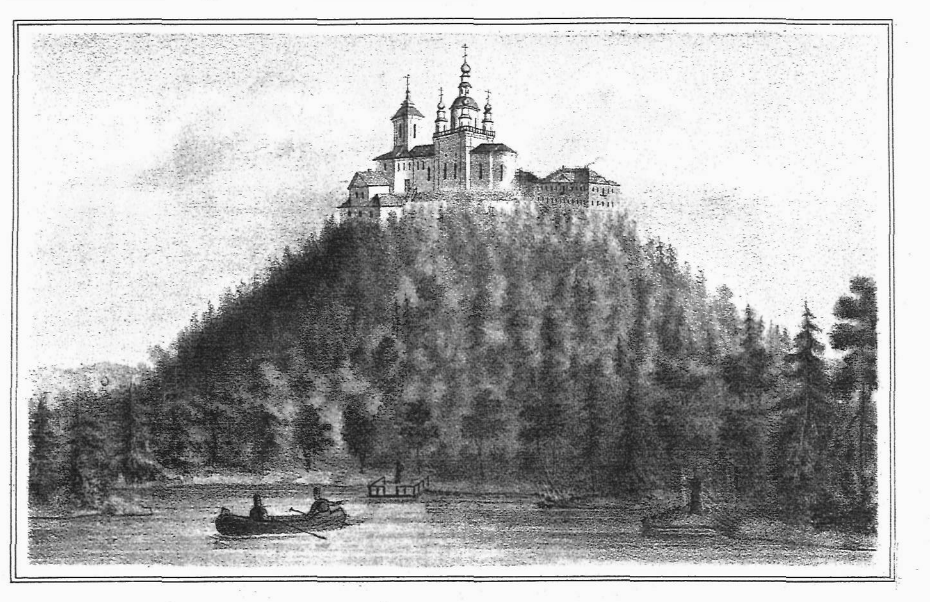
Въ Голгоѳо-распятскомъ скитѣ производится непрерывное чтеніе Псалтири, въ тепломъ Успенскомъ придѣлѣ, у самой гробницы основателя. Оно не прерывается ни днемъ, ни ночью, кромѣ того часа, въ который совершается божественная служба въ этомъ храмѣ. Во все остальное время, чрезъ каждые два часа, въ скитѣ слышатся три удара на колокольнѣ въ небольшой колоколъ,—этимъ извѣщается смѣна чтеца-инока. Цѣль этого чтенія та, чтобы непрестанно славословить имя Божіе и поминать живыхъ и умершихъ благотворителей. Такъ, на каждой славѣ Псалтири возносится молитва о здравіи благочестивѣйшаго Самодержца Россіи и Его Августѣйшаго дома, Святѣйшаго Сѵнода, всей братіи Соловецкаго монастыря, братіи скитской, благодѣтелей и посѣтителей обители и всѣхъ православныхъ христіанъ. Къ этому присоединяется моленіе и объ усопшихъ,—о вѣчномъ ихъ покоѣ, съ надеждою на воскресеніе по вѣрѣ въ воскресшаго Господа.

Въ лѣтнее время тысячи богомольцевъ стремятся изъ Соловецкой обители на Голгоѳу, не смотря на опасности, неизбѣжныя при переправѣ на Анзерскій островъ чрезъ бурный морской протокъ. Умилительно видѣть, какъ эти странники съ благоговѣніемъ повергаются предъ гробницею блаженнаго старца, съ какимъ усердіемъ служатъ панихиды объ упокоеніи души этого великаго труженика, съ присоединеніемъ и именъ усопшихъ своихъ родныхъ и близкихъ.

Современные Преподобному старцу иноки изображаютъ внѣшній видъ его такъ: онъ былъ средняго роста, тѣлосложенія благообразнаго; имѣлъ лице широкое, гладкое; на ланитахъ примѣтенъ былъ румянецъ. Глаза свѣтлые и проницательные, взглядъ пріятный; волосы на головѣ украшены снѣго-свѣтлою сѣдиною, кудрявые, благолѣпно разстилались по плечамъ; уста

и носъ умѣренные; борода густая, одного цвѣта съ волосами на головѣ; длина ея доходила до трехъ дланей и въ концѣ раздвоялась.

До селѣ шла повѣсть о Соловецкихъ подвижникахъ, жившихъ во времена давно минувшія, о которыхъ память сохранилась до настоящаго времени. Но мѣсто, освященное добродѣтелями и подвигами Преподобныхъ Зосимы и Савватія и ихъ ревностныхъ подражателей, и въ наше время имѣло истинныхъ рабовъ Божіихъ, ревновавшихъ о своемъ спасеніи и неуклонно шествовавшихъ по стезямъ, по которымъ прошли ихъ древніе отцы. Было бы не согласно съ истиною сказать, что нынѣ не тѣ времена, чтобъ угождать Богу, что истинныхъ подвижниковъ, подобныхъ древнимъ святымъ, нынѣ нѣтъ на свѣтѣ и быть не можетъ. Время не поставляетъ непреодолимаго препятствія искренно желающимъ спасенія; дѣло спасенія зависитъ отъ нашего собственнаго изволенія и рѣшимости; *благодать Божія, укрѣплявшая древнихъ подвижниковъ, и нынѣ* одна и таже; она и теперь одинакова и неистощима для людей, и неизмѣняема, какъ неизмѣняемъ въ существѣ своемъ Богъ Въ увѣреніе съ одной стороны въ томъ, что и нынѣ есть угождающіе Богу, а съ другой въ примѣръ спасающимся, предлагаемъ повѣсть о нѣкоторыхъ подвижникахъ нынѣшняго вѣка, которые на глазахъ нашихъ проходили и скончали поприще земной жизни въ строгихъ подвигахъ христіанскаго благочестія.



ГОЛГОѲО-РОСПЯТСКІЙ СКИТЪ НА АНЗЕРСКОМЪ ОСТРОВѢ.

ПУСТЫННИКЪ ѲЕОФАНЪ.

Происхожденіе.—Послушничество.—Путешествіе въ Молдавію.—Жизнь въ Нямецкомъ монастырѣ.—Возвращеніе въ Кіевъ.—Досиѳей.—Прибытіе въ Соловецкій монастырь.—Поселеніе въ пустынѣ.—Возвращеніе въ монастырь.—Жизнь въ Сумахъ.—Экономство. Разсказъ звонаря.—Удаленіе на Поморскій берегъ.—Жизнь въ пустынѣ.—Возвращеніе въ Соловецкій монастырь.—Жизнь въ Голгоѳо-распятскомъ скитѣ.—Наставленіе.—Искушеніе.—Видѣніе. Болѣзнь. Смерть.

Ѳеофанъ былъ родомъ изъ малороссійскихъ земледѣльцевъ. Двѣнадцати лѣтъ онъ лишился своихъ родителей и остался сиротою, вмѣстѣ съ малолѣтнимъ братомъ и сестрою. Шестнадцати лѣтъ Ѳеофанъ принялся за земледѣліе. Однажды, когда онъ трудился въ полѣ, божественный свѣтъ озарилъ его душу; особенное умиленіе наполнило его сердце: въ тотъ же часъ онъ распрягъ воловъ своихъ, оставилъ землю, плугъ и, даже не простясь съ братомъ и сестрою, увлекаемый любовію ко Христу, пошелъ изъ родной стороны. По прибытіи въ Кіевопечерскую лавру, онъ былъ принятъ въ число послушниковъ. Здѣсь онъ въ разныхъ трудахъ провелъ семнадцать лѣтъ и опредѣленъ былъ на служеніе подвижнику Досиѳею, проживавшему въ затворѣ уже третье десятилѣтіе. Досиѳей никуда не выходилъ изъ своей кельи и никого не принималъ къ себѣ; желавшіе получить отъ него благословеніе и наставленіе могли бесѣдовать съ нимъ чрезъ окно его кельи. Особый даръ слова въ немъ соединялся съ прозорливостію. Онъ обличалъ тайныя прегрѣшенія и возбуждалъ къ покаянію; предо-

стерегалъ отъ будущихъ бѣдъ и искушеній. Замѣчали, что когда онъ давалъ просфору или жезлъ, то этимъ означалось выздоровленіе и благоденствіе, а когда ладонъ, то этимъ предвѣщалась смерть. У этого подвижника Ѳеофанъ учился иноческой жизни. Скоро въ немъ возгорѣлось желаніе посѣтить святыя мѣста, ознаменованныя событіями земной жизни Господа Іисуса Христа. Когда Ѳеофанъ просилъ у своего старца благословенія на дальній путь, то получилъ отвѣтъ: «нѣтъ тебѣ пути ни въ Іерусалимъ, ни въ Святую Гору; тебѣ предлежитъ въ свое время другой путь; а теперь, если желаешь, ступай въ Молдавію; это будетъ тебѣ на пользу». Онъ велѣлъ Ѳеофану идти на Подолъ (нижнюю часть города Кіева), и, отыскавъ тамъ двухъ молдавскихъ иноковъ, привести ихъ къ нему. Одинъ изъ этихъ иноковъ былъ Софроній, другъ и спостникъ великаго Паисія, бывшій послѣ архимандритомъ. Исполнивъ всѣ порученія, данныя ему Паисіемъ, онъ сбирался отправиться въ обратный путь, какъ Досиѳей призвалъ его и просилъ взять съ собою его ученика. Молдавскіе иноки охотно взяли съ собою Ѳеофана и пользовались его услугами въ пути. Не легокъ показался Ѳеофану путь этотъ отъ притѣсненій со стороны Турокъ и разныхъ лишеній, такъ что онъ раскаявался въ томъ, что покинулъ Кіевъ. Близь Нямецкой обители встрѣтилъ путниковъ Паисій и привѣтствовалъ Ѳеофана слѣдующими словами: «Чадо Ѳеофане! не вотще бысть къ намъ путь твой; онъ уготовитъ тебѣ мзду свою». Любезно принятый, Ѳеофанъ сначала жилъ въ Нямецкомъ монастырѣ; потомъ ходилъ въ другія обители, осматривая ихъ мѣстоположеніе, изучая чиноположеніе и уставы монашескіе, нравы и обычаи иноческаго житія. Весьма поучительнымъ показался ему примѣръ жизни этихъ иноковъ. Нестяжаніе ихъ было полное; въ кельяхъ, кромѣ иконы, книги и орудій для рукодѣлья, не было ничего. Иноки особенно отличались смиреніемъ, устраняясь гордости и тщеславія; ненависти и взаимныхъ обидъ они не знали; если случалось кому либо, по неосторожности или горячности, оскорбить другаго, такой спѣшилъ примириться съ оскорбленнымъ. Кто не хотѣлъ простить согрѣшившаго

брата, былъ изгоняемъ изъ монастыря. Походка у иноковъ была скромная и благочинная: глаза опущены въ землю; при встрѣчѣ одинъ другаго предупреждалъ поклономъ; въ церкви *стояли на назначенномъ для каждаго мѣстѣ;* празднословія не допускали не только въ церкви, но ни въ монастырѣ, ни внѣ его. Съ аввою Паисіемъ жило тогда до семи сотъ братій, и *когда они собирались на послушаніе по сту и по полутораста* человѣкъ, то одинъ изъ братій читалъ книгу, или разсказывалъ какую либо душеполезную повѣсть. Если же кто начиналъ праздный разговоръ, немедленно его останавливали. Въ кельяхъ одни писали книги, другіе пряли волну, иные шили клобуки и камилавки, выдѣлывали ложки, кресты, или занимались разными рукодѣліями. Всѣ были подъ надзоромъ духовниковъ и наставниковъ; никто самовольно не дерзалъ даже съѣсть какой либо плодъ, которыхъ такъ много въ той странѣ; только съ благословеніемъ и всѣ вмѣстѣ они вкушали произведенія земли во славу Божію.

По сердцу пришлась Ѳеафану эта жизнь и онъ просилъ Паисія оставить его въ Молдавіи. «Иди теперь въ Россію», сказалъ Паисій, «и еще не много послужи старцу, имѣющему скоро скончаться, и, по благословенію его, иди спасаться, куда онъ тебѣ укажетъ». И напутствуя его своимъ благословеніемъ, прибавилъ: «чадо, Богъ и Пречистая да соблюдутъ тебя на всякомъ пути; вѣрую, что Богъ не дастъ тебѣ искуситься болѣе мѣры и сподобитъ части избранныхъ своихъ, ради молитвы Преподобныхъ отецъ Антонія и Ѳеодосія, Печерскихъ чудотворцевъ, и старца твоего Досиѳея; да будетъ на тебѣ отъ нашего смиренія благословеніе Божіе. Скажи благоговѣйному старцу твоему благодарность и не забывай наше убожество». Снабженный на дорогу всѣмъ потребнымъ. Ѳеофанъ благополучно прибылъ въ Кіевъ. Досиѳей провелъ послѣдніе годы своей жизни въ Китаевской пустынѣ. Почувствовавъ приближеніе кончины, пустынникъ сказалъ своему ученику: «возлюбленное чадо мое, ты много послужилъ мнѣ; теперь я отхожу въ путь отцевъ моихъ; когда погребешь меня, не оставайся здѣсь, но иди на сѣверъ: тамъ въ

обители Соловецкой ты найдешь спасеніе». Ѳеофанъ отвѣчалъ: „отче, я обѣщался проводить жизнь при пещерахъ Преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія“. „Чадо», сказалъ старецъ, «предъ Богомъ равны здѣсь Антоній и Ѳеодосій, тамъ Зосима и Савватій; они имѣютъ у Бога одинаковую благодать ходатайствовать о духовныхъ чадахъ своихъ. Вижу, что Божественный промыслъ указуетъ тебѣ мѣсто на сѣверѣ, и вѣрую, что строитъ все по желанію твоему, на пользу и спасеніе души твоей, и поможетъ тебѣ понести скорби пустыннаго житія. Не противься опредѣленію Вышняго; но пребывая тамъ, внимай себѣ, и блюдись отъ лютаго звѣря, ищущаго поглотить тебя. Если же и найдетъ искушеніе не унывай,— но мужественно старайся исправить себя“. Таково было предсмертное наставленіе Досиѳея своему ученику. Послѣ 30-ти лѣтняго затворничества, онъ скончался въ 1778 г. на 53 году жизни. Послѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что затворникъ Досиѳей была дѣвица Дарія изъ Рязанскихъ дворянъ Тяпкиныхъ. Съ двухъ до девяти лѣтъ своей жизни она провела въ кельѣ бабушки своей, монахини московскаго Вознесенскаго монастыря Порфиріи. Когда Порфирія приняла схиму, то Дарію опять взяли въ домъ, гдѣ она пробыла до 15-ти лѣтняго возраста. Изъ монастыря она вышла совершенною монахинею; въ среду и пятокъ ничего не ѣла; мяса, молока и яицъ совсѣмъ не употребляла; не только игръ, но и всякаго общенія съ людьми удалялась; наконецъ, отправясь въ рощу съ своими сестрами, какъ бы для прогулки, скрылась. Напрасны были поиски родителей. Спустя три года сестра Даріи съ матерью отправилась въ лавру Преподобнаго Сергія, и тамъ въ юномъ монахѣ, зажигающемъ свѣчи, примѣтила удивительное сходство съ своею пропавшею сестрою. Она просила одного іеромонаха привести этого инока къ себѣ. Іеромонахъ передалъ приглашеніе; но юного инока уже не стало въ обители Преподобнаго Сергія. Спустя двадцать лѣтъ, эта сестра была въ Кіевѣ, бесѣдовала съ затворникомъ Досиѳеемъ, но онъ не показалъ лица своего, и далъ совѣтъ не допытываться, если кто изъ родныхъ скрылся ради Господа. Когда сестра въ дру-

гой разъ прибыла въ Кіевъ, Досиѳея уже не было въ живыхъ.

Инокъ Ѳеофанъ сначала не исполнилъ завѣта своего старца, и остался жить въ Кіевѣ. Ископавъ себѣ пещеру, онъ думалъ поселиться въ ней, но ему не дозволили; потомъ онъ удалился въ пустыню подлѣ лавры, но и здѣсь запретили ему жить. Видя неблаговоленіе Божіе за ослушаніе старцу, онъ оставилъ Кіевъ и направилъ путь свой въ отдаленную Соловецкую *обитель. Онъ прибылъ въ обитель при архимандритѣ* Іеронимѣ и проходилъ разныя послушанія, начавъ съ просфорни. Здѣсь онъ нашелъ инока Климента, проводившаго подвижническую жизнь. Климентъ говорилъ тѣлу своему: «я смиряю тебя сухояденіемъ, алчбою и жаждою, чтобы ты было покорно и удобнѣе текло своимъ путемъ, неся возложенное иго». Въ бесѣдахъ Ѳеофана съ Климентомъ иногда рѣчь заходила о пустыножителяхъ, прежде бывшихъ на Соловецкомъ островѣ, какъ они, вѣдомые только единому Богу, жили въ алчбѣ и жаждѣ, питаясь мохомъ и разными плодами; терпѣли всякую тѣсноту, морозъ и различныя страхованія отъ враговъ спасенія. Но подвижники Христовы, вооружась вѣрою и молитвою, мужественно преодолѣвали все. Эти бесѣды воспламенили въ Климентѣ желаніе безмолвнаго житія и онъ просилъ у своего старца благословенія идти въ пустыню. Старецъ, по испытаніи, видя его непреклонное желаніе и зная его терпѣніе, съ молитвою отпустилъ его въ уединеніе. Какъ олень спѣшитъ къ источникамъ воднымъ, такъ онъ устремился внутрь острова въ необитаемыя мѣста. Тамъ подъ горою онъ нашелъ удобное мѣсто, гдѣ, выкопавъ пещеру, началъ жить въ постѣ и молитвѣ.

Ѳеофанъ заботился о своемъ бывшемъ сожителѣ и посылалъ ему необходимое. Но скоро мѣстопребываніе его было открыто однимъ изъ монастырскихъ служителей, который донесъ о пустынникѣ архимандриту Іерониму. Архимандритъ распорядился привести его въ монастырь и возвратить въ *просфорню. Но любитель безмолвія* не имѣлъ покоя, снѣдаемый желаніемъ жить въ пустынѣ. Съ наступленіемъ весны

Климентъ опять получилъ отъ старца дозволеніе идти въ пустыню. Ѳеофанъ сначала скорбѣлъ, потерявъ сожителя; потомъ тайно ушелъ изъ монастыря и въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ острова отыскивалъ своего друга Климента. Не найдя его, онъ близъ такъ называемаго Ягоднаго озера, въ десяти верстахъ отъ монастыря, устроилъ себѣ землянку, въ которой и поселился. Пустынникъ ночью пѣлъ Псалтирь и клалъ поклоны, а днемъ занимался трудами и собиралъ мохъ и корни для пищи. Давнее желаніе его пустыножительства теперь было удовлетворено; душа его чувствовала себя въ пустынѣ, какъ совершенно въ сродной стихіи. Діаволъ страшилъ Ѳеофана разными видѣніями: иногда, казалось ему, являлись дикіе звѣри, или прилетали во множествѣ хищныя птицы и поднимали крикъ; иногда представлялось какъ бы конное войско враговъ, иногда даже страдалъ онъ отъ біенія. Тогда повергался онъ предъ Богомъ, прося помощи и заступленія,—и Господь спасалъ его.

Не оставляла Ѳеофана надежда отыскать гдѣ либо Климента или найти другихъ отшельниковъ,—съ этою цѣлію онъ обходилъ сосѣднія горы и удолія. Однажды онъ отыскалъ двухъ пустынниковъ, семь лѣтъ обитавшихъ въ одной кельѣ. Проведя у нихъ ночь, онъ узналъ чинъ ихъ моленія: вставъ въ полночь одинъ дѣлалъ поклоны, а другой, воздѣвъ руки, молился о себѣ и о братѣ своемъ; потомъ первый становился на его мѣсто, а второй братъ творилъ поклоны. Въ другой разъ, ходя по острову, онъ встрѣтился съ посланными отыскивать его самаго: съ ними онъ пришелъ въ монастырь. Вскорѣ Ѳеофанъ былъ посланъ въ Суму для надзора за Соловецкимъ подворьемъ. Жизнь среди міра измѣнила духовное настроеніе Ѳеофана; три года съ половиною онъ пробылъ въ Сумахъ въ попеченіяхъ житейскихъ и потомъ былъ посланъ въ Архангельскъ для закупокъ. Преемникъ Іеронима, архимандридъ Герасимъ, назначилъ его экономомъ обители. Здѣсь чрезъ звонаря обители онъ получаетъ разъ привѣтствіе отъ своего прежняго сподвижника. „Развѣ живъ еще Климентъ“? съ нѣкоторымъ страхомъ спросилъ Ѳеофанъ. «Живъ», отвѣчалъ зво-

нарь, и разсказалъ ему свою встрѣчу съ Климентомъ. Будучи въ Анзерскомъ скиту и посѣтивъ Голгоѳскую гору, звонарь на обратномъ пути свернулъ съ дороги, собирая ягоды, сбился съ пути, два дня блуждалъ по острову, и на третій, увидѣвъ дымъ въ горѣ, обрадовался такому открытію. Подойдя къ горѣ, онъ нашелъ малое отверзтіе, а за тѣмъ и самую дверь въ келью, въ которую и вошелъ по обычной молитвѣ. Здѣсь онъ увидѣлъ пустынника стоящаго на молитвѣ, поклонился ему, сѣлъ и, по его приглашенію, разсказалъ о себѣ. Тогда пустынникъ узналъ въ звонарѣ давняго знакомца своего и сказалъ, что онъ Климентъ, сотрудникъ Ѳеофана въ просфорнѣ. На вопросъ звонаря, какъ онъ попалъ сюда и какъ жилъ все это время, Клементъ повѣтствовалъ:

«Выйдя изъ монастыря, я пошелъ къ морю. Здѣсь на берегу нашелъ три бревна, сдѣлалъ плотъ и на немъ пустился въ море, взывая: Господи Іисусе Христе, Боже мой! Ты вѣдаешь мое намѣреніе; желая служить Тебѣ единому, бѣгаю людей. Если тебѣ угодно спасти мою душу на этомъ островѣ: удержи меня здѣсь; а если предназначилъ мнѣ иное мѣсто, веди туда. Молю Тебя, Владыко, не лиши меня Твоего промысла; но дабудетъ во всемъ Твоя святая воля». Молясь такъ, я началъ удаляться отъ берега, гребя попавшимся деревомъ подулъ попутный вѣтеръ и я скоро присталъ къ Анзерскому острову. Отыскивая на берегу мѣсто, удобное для жительства, я пришелъ сюда, выстроилъ здѣсь хижину и шестой годъ въ безмолвіи работаю Богу». «Скажи, чѣмъ ты питаешься», спросилъ звонарь, «и не безпокоятъ ли тебя нечистые духи»? Пустынникъ указалъ ему на корень одного растенія, изъ котораго приготовлялъ себѣ пищу, а о бѣсовскихъ нападеніяхъ разсказывалъ, что, въ началѣ своего прибытія на островъ, онъ много терпѣлъ отъ нечистыхъ духовъ. Иногда они приходили въ видѣ рыболововъ и гнали пустынника прочь, иногда въ видѣ дикихъ звѣрей устремлялись на него, готовясь какъ бы растерзать». «Но скажи», спросилъ пустынникъ, «живъ ли мой отецъ Ѳеофанъ, и что съ нимъ»? „Живъ и теперь закупщикъ“, отвѣчалъ звонарь. Услышавъ это, Климентъ ударилъ себя въ

грудь, упалъ на землю и, рыдая, говорилъ: «увы мнѣ грѣшному! Слышу не то, что хотѣлъ бы; скажи ему, Господа ради, что онъ погибаетъ; передай ему скорбь мою. Гдѣ его прежняя подвижническая жизнь? Гдѣ ревность къ добродѣтели и желаніе пустынной жизни? Находясь среди міра и его соблазновъ, онъ болѣе и болѣе погрязаетъ въ житейскихъ заботахъ. Вотъ тѣ три пустынника, которыхъ видѣлъ казначей Іоаннъ, совершили свой подвигъ и съ миромъ скончались о Господѣ, и я похоронилъ ихъ своими руками».

Въ бесѣдѣ съ Климентомъ звонарь провелъ всю ночь, а утромъ, испросивъ у пустынника напутственное благословеніе и узнавъ дорогу въ скитъ, возвратился домой.

Разсказъ звонаря глубоко потрясъ Θеофана. Другъ его подвизается, а онъ погруженъ въ житейскія попеченія и не имѣетъ времени подумать о душѣ. Чувство скорби и покаяніе объяло его сердце и онъ искалъ средства исправить свою жизнь. Скоро Господь открылъ ему путь покаянія. Новый архимандридъ Герасимъ, ревностно желавшій водворить порядокъ въ обители, дѣлалъ Θеофану, надзиравшему за монастырскими работами, строгія внушенія. Θеофанъ, рѣшился оставить Соловецкій монастырь, взялъ малый карбазъ и хлѣба, и пустился въ море, съ намѣреніемъ поселиться въ поморьѣ. Сначала дулъ тихій вѣтеръ, но потомъ поднялась сильная буря. Видя предъ собою смерть, Θеофанъ возопилъ: «Господи Іисусе Христе, помилуй меня! Ты вѣдаешь, что я вдался волнамъ этимъ ради Тебя. Молю Твое милосердіе, — дай мнѣ время на покаяніе; ибо вижу, что волны готовы поглотить меня, бездна водная да не сведетъ въ адъ душу мою, не готовую предстать на страшный судъ». Волны такъ были сильны, что не возможно было ни держать паруса, ни грести веслами. Θеофанъ лежалъ среди лодки, каждую минуту ожидая смерти. Такъ его носило по морю десять дней; наконецъ онъ былъ выкинутъ на берегъ, гдѣ слезно благодарилъ Бога за спасеніе отъ очевидной гибели. На вопросъ земледѣльца— о чемъ онъ плачетъ? Θеофанъ высказалъ ему желаніе поселиться гдѣ нибудь въ уединенной пустынѣ и просилъ его,

какъ туземца, указать удобное мѣсто. Селянинъ отвелъ его въ глухой лѣсъ къ хижинѣ, въ которой пришлецъ и поселился.

Господь очищаетъ и возводитъ къ высшему совершенству избранныхъ своихъ разными путями, сообразно съ ихъ духовнымъ состояніемъ. Доселѣ въ Ѳеофанѣ было много добрыхъ порывовъ, много благочестивыхъ желаній, но не было полнаго отверженія своей воли и покорности волѣ Божіей; не было непреклонной рѣшимости къ подвижничеству. По этому Господь вразумляетъ его скорбями и искушеніями, чтобы укрѣпить его доброе желаніе. Нѣкоторые люди нашли Ѳеофана въ хижинѣ, въ которой онъ поселился, и привели его въ Кемь, гдѣ заключили подъ стражу, думая при удобномъ случаѣ отправить въ Соловецкій монастырь. Увидѣвъ, что сторожъ его заснулъ, Ѳеофанъ тихо вышелъ изъ мѣста своего заключенія и побѣжалъ въ лѣсъ. Дорогою онъ наткнулся на проходившихъ людей и просилъ ихъ указать ему такое пустынное мѣсто, гдѣ бы никто его не нашелъ. Сжалясь надъ нимъ, эти люди накинули на него ветхое рубище, дали ему пищи и отвезли по рѣкѣ вверхъ верстъ за 30 и болѣе, гдѣ и указали ему шалашъ звѣролововъ. Но спокойствіе пустынника здѣсь было нарушено. Поморскіе звѣроловы нашли его здѣсь, и, узнавъ, что это Ѳеофанъ, бывшій Соловецкій закупщикъ, подумали, что онъ бѣжалъ изъ монастыря съ деньгами и хотѣли отнять у него предполагаемое богатство. Когда же Ѳеофанъ сталъ увѣрять, что у него нѣтъ никакихъ денегъ, звѣроловы сожгли его келью, били его, пытали на огнѣ; потомъ, привязавъ веревкою, протаскивали Ѳеофана подо льдомъ на озерѣ изъ одной проруби въ другую, и грозили или отвести его въ монастырь, или совсѣмъ утопить въ озерѣ. Не добившись желаемаго, они оставили пустынника полумертвымъ. Придя въ чувство, Ѳеофанъ благодарилъ Бога за претерпѣнныя страданія, признавая себя достойнымъ и большаго наказанія за свои грѣхи. Увидѣвъ хижину свою сожженною, хлѣбный запасъ и рабочія орудія, данныя отъ христолюбцевъ, разграбленными, онъ слезно молился Богу: «Ты зришь, Господи, страданія мои, видишь бѣду мою: я не имѣю чѣмъ питаться и прикрыть наготу

мою; молю Твое милосердіе, помоги мнѣ. Я умру здѣсь, если есть на то воля Божія; но Господь силенъ укрѣпить немощь мою». Оправившись, онъ пошелъ на другое мѣсто, досталъ огня, собралъ дровъ, и съ великимъ трудомъ выкопалъ себѣ пещеру. Не имѣя ни хлѣба, ни орудія для копанія какихъ нибудь корней, онъ собиралъ гнилое дерево и мохъ, варилъ ихъ въ водѣ въ берестяной посудѣ, и тѣмъ питался. Но отъ такой пищи пустынникъ совершенно ослабѣлъ и ежечасно ожидалъ себѣ смерти. Впослѣдствіи онъ самъ разсказывалъ, что сильный голодъ заставлялъ его употреблять такую пищу; но желудокъ отказывался принимать ее. Когда онъ проглатывалъ ее, чувствовалъ тяжкую боль, такъ что много разъ падалъ на землю и, какъ бы прощаясь съ жизнію, говорилъ: «Господи пріими въ мірѣ духъ мой». Потомъ, ощущая въ себѣ нѣкоторую теплоту, вставалъ и просилъ Бога о укрѣпленіи своей немощи. Въ такихъ страданіяхъ Ѳеофанъ дожилъ до лѣта; тогда онъ наготовилъ себѣ кореньевъ, моху, разныхъ ягодъ и пять лѣтъ питался такою пищею. Сосѣдніе поселяне, узнавъ о пустынникѣ, иногда приносили ему необходимое. Когда же Ѳеофанъ началъ сѣять рожь и ячмень на избранномъ имъ удобномъ небольшомъ мѣстѣ, то не только ему самому доставало на прокормленіе, но иногда оставалось и для другихъ. Молитвенное правило его было 2,400 поклоновъ въ сутки. Многіе поморяне, особенно живущіе въ Кеми, имѣли къ Ѳеофану великое усердіе и любили его, какъ своего духовнаго отца. Ѳеофанъ прожилъ здѣсь 24 года. Мѣстныя власти съ подозрѣніемъ смотрѣли на то, что Ѳеофанъ учитъ народъ, и угрожали ему изгнаніемъ. Дѣйствительно, вскорѣ прибылъ Соловецкій іеромонахъ Іосифъ и, взявъ пустынника, привезъ въ Соловецкій монастырь. Это было въ 1817 г., при архимандритѣ Паисіи. Старецъ прибылъ ночью и, придя къ утрени въ церковь Преподобныхъ Зосимы и Савватія, приложился къ ихъ мощамъ и сталъ съ умиленіемъ слушать службу. Страненъ былъ видъ пустынника: онъ былъ малаго роста; весь почернѣвшій отъ дыму; на головѣ ветхая камилавка; вся его одежда изорвана. Изъ Соловецкой обители Ѳеофанъ скоро былъ

отпущенъ на Анзерскій островъ, въ Голгоѳскій скитъ. Сюда приходили къ нему поморяне, жалуясь на то, что онъ оставилъ ихъ, и готовы были опять увезти къ себѣ старца. Ѳеофанъ съ угрозою отгонялъ этихъ соблазнителей. Старцу въ это время было 73 года; онъ не имѣлъ силъ ни воды, ни дровъ взнести себѣ на гору; поэтому осенью поставили ему келью подъ горою, гдѣ онъ и поселился. И здѣсь онъ перенесъ много болѣзней, много вытерпѣлъ отъ людской досады, отъ нечистыхъ духовъ искушеній и напастей. Порою раздавался около его кельи звукъ бубновъ и тимпановъ, хлопанье въ ладоши, обхожденіе вокругъ кельи, удареніе въ стѣны и окна. Когда онъ начиналъ молитвенное правило, особенно увеличивались нападенія бѣсовъ; но подвижникъ стоялъ на молитвѣ. Тѣлесныя потребности его удовлетворялись частію отъ монастыря, частію отъ приношеній богомольцевъ. Онъ не отказывалъ *въ совѣтѣ братіямъ, приходящимъ изъ монастыря.* «Ища вѣчныхъ благъ», говорилъ онъ инокамъ, «думаемъ ли мы получить спасеніе, не оставляя своихъ страстей? Невозможно работать двумъ господамъ, Богу и мамонѣ» (Матѳ. 6, 24). Обливаясь слезами, онъ прибавлялъ: «воззрите на сладчайшаго Владыку Іисуса Христа! Совершая наше спасеніе, сколько Онъ претерпѣлъ мученій, біеній, оплеваній, заушеній, наконецъ и распятіе на крестѣ? И тогда, какъ Онъ, во истощаніи силъ тѣлесныхъ, просилъ пить, говоря: жажду!—что Онъ принялъ? Неблагодарные Іудеи даже не дали капли воды, а поднесли оцетъ съ желчію смѣшенъ, и, взявъ губу на трость, этимъ утоляли жажду Спасителя (Іоан. 10, 28, 29). А мы сладостраствуемъ! Подвижники Христовы не искали утѣшеній, какъ напримѣръ Преподобный Парамонъ, мучимый огневицею, не далъ тѣлу своему никакого утѣшенія. А мы безъ нужды безвременно ѣдимъ и пьемъ, не считая этого для себя предосудительнымъ. Развѣ нѣтъ у насъ общей трапезы? На ней мы до сыта ѣдимъ и пьемъ: что же еще потребно? Но мы, придя въ келью, вмѣсто того, чтобы творить молитву и читать книги, и, послѣ краткаго отдохновенія, заняться въ молчаніи другими богоугодными дѣлами, проводимъ время въ праздности,

угождая плоти и удовлетворяя сластолюбію безъ всякой нужды: призовемъ брата или двухъ и празднословимъ, кто что видѣлъ или слышалъ о комъ либо; иной начинаетъ поносить кого либо, а товарищи изъ угожденія поддакиваютъ; иной высказываетъ свои мечты тото купить, тамъ то побывать, и такимъ образомъ кійждо суетная глаголетъ ко искреннему своему, развращая одинъ другаго. Это ли любовь братская, духовная? Увы, не только не духовная, но и душевредная. Лучше будемъ слезы источать изъ глазъ нашихъ».

Инымъ инокамъ онъ давалъ такія наставленія: „если мы вышли изъ міра, ради спасенія души и для взысканія вѣчныхъ благъ, то спасеніе не возможно безъ подвига и терпѣнія, безъ горести и искушеній, безъ алчбы и жажды. Мы же всегда ищемъ сладкаго; за несладкое ропщемъ; ѣдимъ и пьемъ безъ мѣры; небрежемъ о заповѣданномъ правилѣ. Это не истинный путь; не вкусившему горькаго нельзя знать и сладкаго. Явно, что мы забыли, за чѣмъ вышли изъ міра; лучше бы намъ жить тамъ, нежели, придя въ монастырь и принявъ иноческій образъ, дѣлать мірское; лучше бы намъ не познавать пути истины, нежели, познавъ, совратиться съ него; лучше бы не давать обѣтовъ, нежели, произнеся, не исполнять ихъ и подвергнуться грозному истязанію. Если бы я такъ, какъ теперь понималъ страшные обѣты иночества въ то время, когда постригался, то никакъ не принялъ бы полнаго иноческаго постриженія, боясь тяжкаго отвѣта. Съ меня довольно было бы остаться въ рясѣ и, дѣлая дѣла, приличныя рясѣ, получить хотя малое воздаяніе, не опасаясь подвергнуться великому осужденію. А нынѣ вижу: хлопочутъ, какъ бы поскорѣе получить мантію; но принявшій постриженіе далъ обѣщаніе, пребывая неисходно въ монастырѣ, работать Богу въ нищетѣ, алчбѣ, жаждѣ и въ повиновеніи. Мы скоро это забываемъ и живемъ въ небреженіи, худшемъ прежняго. Не будемъ же таковыми; каждый изъ насъ пусть старается положить благое начало къ дѣланію добродѣтелей; поелику и мзда отъ Бога готовится по мѣрѣ трудовъ. Послужимъ Господу въ жизни сей во смиреніи и кротости; Онъ Самъ говоритъ: на кого воззрю, токмо на крот-

каго, и молчаливаго, и трепещущаго словесъ Моихъ (Исаіи 66, 2). Правила, данныя отъ отцевъ духовныхъ, исполняйте безъ опущенія; *держитесь отеческихъ преданій и не нарушайте* монастырскихъ уставовъ. При встрѣчѣ съ братомъ, предваряйте его поклономъ; въ келью другаго безъ нужды не ходите; возложенное послушаніе исполняйте со смиреніемъ; праздности всячески избѣгайте. Въ церкви Божіей стойте со вниманіемъ и усердіемъ; подвизайтесь ради сладчайшаго Іисуса отъ всей души и отриньте мірскія пристрастія. Тогда Господь просвѣтитъ очи вашего сердца, и вы, уразумѣвъ сѣти бѣсовскія, оставите злыя страсти и, угодивъ Господу нашему Іисусу Христу, сподобитесь быть причтенными съ первоначальниками нашими, отцами Зосимою и Савватіемъ, въ царствіи небесномъ, которое да получимъ всѣ мы благодатію Христовою."

Два брата просили Ѳеофана воспринять ихъ отъ пространія. Старецъ согласился, училъ ихъ иноческой жизни, и молился за нихъ. Однажды во время молитвы, нечистый духъ, явившись ему, сказалъ: «ты, злой старикъ, молишься объ ученикахъ; но не всегда они будутъ таковы, какъ при тебѣ; будетъ и наше время». «Богъ не попуститъ этого», отвѣчалъ Ѳеофанъ. Въ другой разъ, когда онъ молился за этихъ учениковъ, діаволъ сказалъ ему: *«ты свое дѣлаешь, а я свое; одного двумя* стрѣлами поразилъ, другому шепчу на ухо». Старецъ опечалился и, призвавъ учениковъ своихъ, нашелъ въ нихъ нѣкоторыя малыя прегрѣшенія; научивъ и вразумивъ ихъ, отпустилъ. При архимандритѣ Паисіи, въ обители произошло нѣкоторое нестроеніе. Ученики спросили Ѳеофана: «сколько времени продолжится это смущеніе и кто будетъ архимандритомъ?» Старецъ отвѣчалъ: «врагъ діаволъ испросилъ на время искусить обитель и живущихъ въ ней; искушаемые же оказались нетерпѣливыми. По этому обитель потерпитъ поношеніе, но вскорѣ, молитвами Преподобныхъ, это пройдетъ, и обитель еще болѣе прославится. Въ обители будутъ два настоятеля подобные Зосимѣ и Савватію, которые въ смиреніи духа и въ простотѣ сердца управятъ ею, подвизаясь о спасеніи ближнихъ; тогда многіе преуспѣютъ въ добродѣтеляхъ».

Испытывая одного изъ учениковъ своихъ, Өеофанъ спросилъ его: «какъ ты слагаешь персты для крестнаго знаменія?» Тотъ, показавъ ему троеперстное сложеніе, сказалъ: «такъ, отче, какъ Православная церковь учитъ. Во всей Россіи, послушные сыны Церкви, слагаютъ персты для крестнаго знаменія также, какъ и я». Өеофанъ сказалъ: «будучи въ пустынѣ, я грубымъ людямъ не воспрещалъ знаменоваться двумя перстами, только бы они ходили въ церковь; но ты берегись послѣдователей раскола. Когда я жилъ въ Кіевѣ, то во всей Малороссіи не видѣлъ ни одного, кто бы молился двуперстнымъ сложеніемъ. Былъ я и въ Молдавіи, въ Нямецкомъ монастырѣ, у аввы Паисія; тамъ было болѣе 700 братій изъ разныхъ странъ—молдаванъ, сербовъ, болгаровъ, венгерцевъ, грековъ, армянъ, евреевъ, турокъ, великороссіянъ и малороссіянъ: и всѣ они молились троеперстнымъ сложеніемъ, о двуперстіи же тамъ и не слышно».

Нѣкогда Өеофанъ пришелъ въ Соловецкій монастырь, чтобы поклониться мощамъ Преподобныхъ и навѣстить своихъ учениковъ. Придя въ церковь къ утрени, старецъ сталъ въ углу и смотрѣлъ, какъ иноки прикладываются къ св. мощамъ. И вотъ духовными очами, онъ видитъ, что Преп. Зосима и Савватій какъбы сидятъ при своихъ ракахъ и однихъ благословляютъ, а отъ другихъ отвращаются. По этому старецъ заповѣдалъ ученикамъ — ежедневно съ благоговѣніемъ прикладываться къ ракамъ Угодниковъ.

Своими наставленіями старецъ внушалъ ученикамъ вниманіе къ себѣ на каждомъ шагу и самообладаніе. Въ ободреніе страшившихся трудности подвиговъ спасенія, говорилъ: «есть и въ нынѣшнее время ни кому невѣдомые пустынножители, истинные иноки и рабы Христовы».

Не рѣдко приходили къ старцу на Голгоөу и міряне, прося его наставленій. Онъ училъ ихъ трудиться безъ лѣности, не роптать, ходить на молитву въ святую церковь.

Исторія всѣхъ подвижниковъ показываетъ, что чѣмъ болѣе успѣвали они порабощать свое тѣло и отрѣшались отъ пристрастія къ міру, тѣмъ сильнѣе врагъ спасенія воздвигалъ на

нихъ борьбу. Однажды, когда Өеофанъ утромъ совершалъ молитвенное правило, явились два бѣса съ грознымъ видомъ. «Видите», кричали они, «не хочетъ старикъ исправиться; раскидаемъ келью и убьемъ живущаго въ ней». Старцу показалось, что они стали ломать келью, выбили окна, разбили двери, и кричатъ: «теперь не уйдетъ отъ насъ». Старецъ испугался, палъ на землю, прося у Бога помощи и заступленія; и бѣсы скоро исчезли. Помолившись, старецъ всталъ и увидѣлъ, что келья его цѣла и невредима. Господь утѣшалъ подвижника среди этой борьбы благодатными посѣщеніями. Вскорѣ послѣ сего, въ сонномъ видѣніи, ему явилась Жена, сіяющая благолѣпіемъ, съ двумя свѣтозарными мужами и ободряла его, убѣждая не малодушествовать и не бояться бѣсовскихъ нападеній. Еще видѣніе продолжалось, какъ явилось полчище бѣсовъ съ угрозою погубить пустынника. Но узрѣвъ Явившуюся, бѣсы содрогнулись и возопили: «горе намъ! Покрывающая его пришла сюда; еслибы не Она,—мы давно погубили бы этого инока»; сказавъ это, они исчезли. Это сонное видѣніе утѣшило старца надеждою на помощь Богоматери. Каждый день онъ клалъ сто поклоновъ, произнося Богородичную молитву.

Памятны наставленія, какія давалъ Өеофанъ своимъ ученикамъ, убѣждая ихъ быть истинными иноками. «Чада мои о Господѣ», говорилъ онъ, «возлюбите Господа отъ всей души своей; служите Ему со страхомъ и любовію; исполняйте Божественныя заповѣди Его; умерщвляйте тѣло воздержаніемъ и трудомъ; обѣты, данные при постриженіи, усердно соблюдайте; пристрастія къ міру и его удовольствіямъ убѣгайте; слабости тѣлесныя отсѣкайте, не чреву, но Богу работая; да будетъ ваше изшествіе изъ міра ради сладчайшаго Іисуса; возлюбите единаго Бога, и всѣ васъ полюбятъ; почитайте братію, и васъ будутъ почитать. Считайте себя недостойнѣе всѣхъ, чтобы Господь возвысилъ васъ надъ страстями. Отжените отъ себя гордость: ибо Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать (Притч. 3,34). Прошу васъ, чада мои, когда молитесь, будьте внимательны, чтобы молитва, возносимая для умилостивленія Господа, не обратилась вамъ въ грѣхъ. Блюдите,

чтобы въ то время, когда считаете себя совершающими молитву, не быть вамъ далеко отъ молитвы, и не трудиться безъ пріобрѣтенія, устами поя псалмы, а умомъ бродя по разнымъ мѣстамъ. Совершайте молитву со страхомъ Божіимъ; ибо молитва есть бесѣда съ Богомъ;—потому, произнося слова молитвы, всѣмъ умомъ своимъ взирайте къ Богу. Собираясь въ церковь, стойте въ ней, какъ предъ лицемъ Божіимъ, языкомъ совершая псалмопѣніе, а умомъ внимая слышимому. Помните, съ Кѣмъ бесѣдуете. Въ кельѣ же ни какъ не оставайтесь праздными; ибо праздность вредитъ и усерднымъ, а тѣмъ болѣе вамъ юнымъ. Юный, оставаясь въ кельѣ празднымъ, не избѣжитъ лѣности и разслабленія; въ это время лукавый влагаетъ множество помысловъ, а праздный не въ силахъ противиться имъ и падаетъ, исполняя волю врага. Святые отцы говорятъ, что сидящій въ кельѣ праздно борется съ тьмою бѣсовъ и постоянно бываетъ побѣждаемъ. А тотъ, кто исполняетъ послушаніе, или занимается рукодѣліемъ, борется съ однимъ бѣсомъ и легко одолѣваетъ его. Вспомните повѣсть о великомъ отшельникѣ, жившемъ съ своимъ ученикомъ. Бѣсы говорили, что къ старцу не могутъ приблизиться, а ученика никогда не застаютъ празднымъ, такъ какъ онъ постоянно строитъ и разрушаетъ. Старца соблюдала благодать Божія, а ученикъ строилъ стѣну изъ камней и разорялъ ее, избѣгая праздности; трудясь такъ, онъ избавлялся духовнаго врага. Вы, чада мои, въ кельѣ занимайтесь молитвою и трезвитесь умомъ, послѣдуя псалмопѣвцу: предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть (псал. 15,8); и: очи мои выну ко Господу, яко Той исторжетъ отъ сѣти нозѣ мои (Псал. 24, 15). Слава Создателю моему, я творю умомъ молитву Іисусову безъ принужденія. Подвизайтесь и вы въ юности, вселите въ сердца ваши сладчайшаго Іисуса, да, стяжавъ нынѣ Утѣшителя Духа, возможете возвеселиться въ старости своей. Если вы послушаете меня, то узрите свѣтъ Божественный, который и наставитъ васъ на всякое доброе дѣло. И еще говорю вамъ: если сохраните мои заповѣди, и послушаетесь моихъ увѣщаній, то не-

отлучны отъ меня будете тамъ, гдѣ уготовано и мнѣ быть. Если преслушаете мои слова, то я не виновенъ, потому что все вамъ сказалъ».

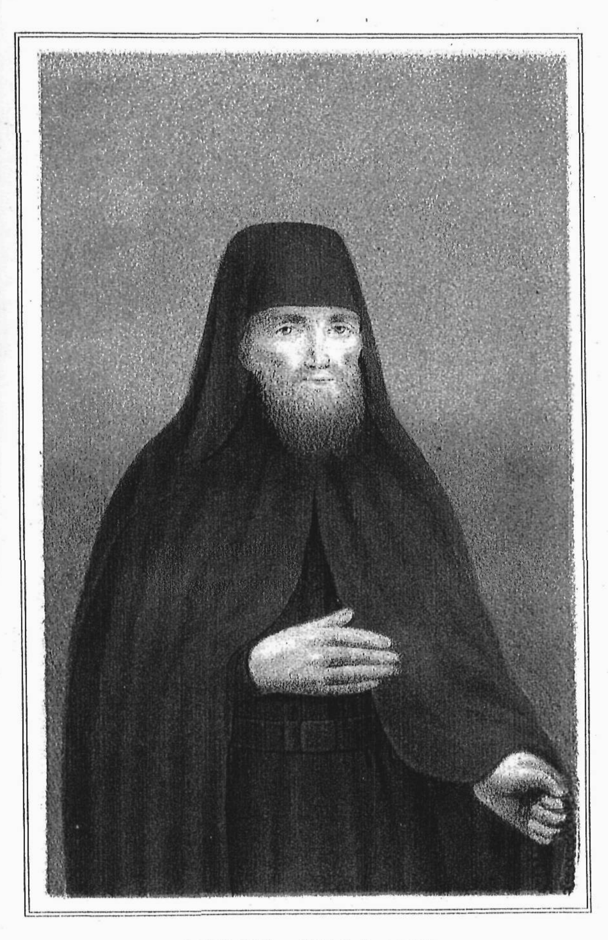
Не за долго до кончины Θеофана, злые люди, ища у старца денегъ, били его, сорвали волосы на головѣ и бородѣ, горящею головнею опалили все его тѣло, и, оставивъ едва живымъ, ушли. Θеофанъ три дня лежалъ полумертвый, изнемогая отъ голода и холода, и до конца своей жизни уже не могъ совершенно оправиться. Страннымъ для приходящихъ казался этотъ престарѣлый отшельникъ—безъ бороды, безъ волосъ на головѣ, съ пришибеннымъ хребтомъ; съ избитымъ тѣломъ.

Но близокъ былъ конецъ его жизни. Однажды свѣтъ осіялъ его келью и ему явился іеросхимонахъ Іисусъ Голгоѳскій: „радуйся, братъ,“ сказалъ онъ, „скоро наступитъ твой конецъ“. Онъ имѣлъ еще нѣкое видѣніе, возвѣщавшее ему смерть, но съ увѣренностію говорилъ, что доживетъ до лѣта. Старца не страшила мысль о близкой смерти: онъ желалъ ея; но порою смущало его представленіе о строгости суда Божія и высотѣ иноческихъ обѣтовъ. Онъ успокоивался упованіемъ на милосердіе Божіе къ кающимся грѣшникамъ, скорбя о слабой жизни нѣкоторыхъ изъ братій, безпокоился и о своихъ ученикахъ, какъ бы они не соблазнились худыми примѣрами. Съ утѣшеніемъ онъ видѣлъ во снѣ двухъ почившихъ пустынниковъ, подвизавшихся на Муксальмскомъ островѣ. Имена ихъ: Антоній и Θеодосій. „Миръ тебѣ о Господѣ, возлюбленный братъ нашъ“, сказали они старцу. „Не скорби о братіи, живущей въ обители; въ нынѣшнее время много прельщеній и нападеній: спасаяйся, да спасетъ свою душу. И въ ученикахъ твоихъ нѣтъ еще ничего подвижническаго; они подобны прочимъ“. Θеофанъ, призвавъ своихъ учениковъ, велѣлъ имъ усугубить постъ и молитву.

Въ тяжкомъ положеніи Θеофанъ провелъ зиму и былъ взятъ весною въ Соловецкій монастырь. У него открылась горячка и всякая пища казалась ему горькою.

Къ болѣзненному одру его стекалось много посѣтителей, что

возмущало его покой. Предъ наступленіемъ Петрова поста, когда угасали послѣдніе остатки жизни въ Ѳеофанѣ, онъ былъ перенесенъ въ келью своего ученика Антонія. Три дня пролежалъ въ кельѣ старецъ и, по желанію своему, былъ пріобщенъ св. Таинъ. Обратясь къ ученику своему Антонію, онъ сказалъ: „вотъ, чадо, наступаетъ часъ моей кончины, часъ болѣе всѣхъ дней моей жизни тяжелый и страшный, въ который откроется сокровенное, котораго трепетали и праведные; болѣзнь болѣе всѣхъ болѣзней, время полное ужаса и страха". Старецъ сталъ озираться, какъ бы страшась кого то, потомъ просилъ ученика своего покадить въ кельѣ ладономъ. Ѳеофанъ разстался съ жизнію и предалъ духъ свой Богу 1819 года іюля 26-го дня, 75 лѣтъ отъ роду. Прахъ его похоронили внутри обители, близь часовни Преподобнаго Германа, съ восточной стороны. Въ настоящее время могила его находится въ церкви Преподобнаго Германа, предъ иконостасомъ, противъ мѣстнаго образа Божіей Матери, у царскихъ вратъ.



ОТЕЦЪ ѲЕОФАНЪ,

подвижникъ Соловецкій, скончавшійся въ 1819 году.

СТАРЕЦЪ НАУМЪ.

Происхожденіе. — Сиротство. — Прибытіе на Соловецкій островъ. — Поступленіе въ монастырь. — Послушаніе. — Облеченіе въ рясу. — Перемѣщеніе въ Анзерскій скитъ. — Изгнаніе. — Возвращеніе. — Должность при св. мощахъ. — Вторичное изгнаніе. — Прибытіе въ Кемь. — Возвращеніе въ Соловецкій монастырь. — Посѣщеніе его архіереями. — Наставленія. — Прозорливость. Исцѣленія. — Замѣчательный случай. — Болѣзнь.

Старецъ Наумъ, по происхожденію корелъ, родился въ Кемскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, близь Каменнаго озера, въ селеніи того же имени, около 300 верстъ отъ Соловецкаго монастыря. Родители его, Пахомій и Мавра, *были простые и бѣдные поселяне. Они скончались, оставивъ* Наума въ раннемъ дѣтствѣ. Сиротство сдѣлалось для него лучшимъ наставникомъ, предохранившимъ его отъ увлеченій, свойственныхъ юности, пріучившимъ къ терпѣнію и труду, утвердившимъ въ правилахъ христіанской нравственности и вложившимъ въ его чистую душу любовь къ Богу. Призваніе къ иноческой жизни онъ не разъ получалъ въ сонномъ видѣніи. „Мнѣ часто являлись въ сновидѣніяхъ", разсказывалъ онъ впослѣдствіи, „добрые старцы въ монашескомъ одѣяніи, которые звали меня куда то съ собою; я не видалъ еще въ то время иноковъ, но, побывъ въ монастырѣ, узналъ, къ какому чину принадлежали являвшіеся мнѣ таинственные посѣтители, и куда они меня приглашали."

Промыслъ Божій руководилъ отрока Наума къ предназначенному ему жребію. Одинъ достаточный корелъ, по фамиліи

Нѣмчинкинъ, содержалъ на Соловецкомъ островѣ въ арендѣ звѣроловную тоню, у Реболдской пристани, въ 15 верстахъ отъ монастыря, и здѣсь ежегодно лѣтомъ занимался ловлею морскихъ звѣрей, возвращаясь на зиму домой. Этотъ человѣкъ возъимѣлъ состраданіе къ бездомному своему соплеменнику, принялъ Наума къ себѣ на пропитаніе и, лѣтомъ 1791 года, привезъ на Соловецкій островъ. Въ то время Науму былъ 14 лѣтъ отъ рожденія. Съ полнымъ усердіемъ онъ трудился цѣлое лѣто въ пользу своего благодѣтеля; но, при наступленіи зимы, не захотѣлъ возвратиться съ нимъ на родину, плѣнившись красотою и безмолвіемъ обители и стараясь желаніемъ остаться навсегда между иночествующими. Наумъ былъ принятъ въ монастырь въ качествѣ богомольца, и съ величайшею охотою началъ трудиться въ простыхъ послушаніяхъ, на него возлагаемыхъ. Впрочемъ лѣтомъ онъ опять поступилъ на звѣриный промыселъ къ своему благодѣтелю Нѣмчинкину, который заплатилъ за него государственныя подати, а на зиму возвратился въ монастырь. Такіе переходы съ монастырскаго послушанія на частный промыселъ онъ долженъ былъ дѣлать и въ послѣдующіе годы, доколѣ монастырское начальство, убѣдившись въ его способности къ иноческой жизни, приняло на себя плату за него государственныхъ повинностей. Съ этого времени спокойно и безъ тревогъ потекла жизнь смиреннаго юноши въ монастырской тиши.

Въ лѣтнее время Науму, какъ опытному въ звѣроловствѣ, поручали ловлю морскихъ звѣрей въ Сосновой губѣ, на сѣверъ отъ монастыря. Разсказываютъ, что если попадалось ему много звѣрей, то, соединяя заботу о выгодахъ обители съ чувствами своего добраго сердца, онъ нѣсколькихъ животныхъ отпускалъ опять на волю. По зимамъ онъ трудился въ монастырскомъ кожевенномъ заводѣ, употребляя свободное время на изученіе русской грамоты, которою не занимался въ дѣтствѣ.

Много лѣтъ онъ провелъ въ этихъ трудныхъ послушаніяхъ, какъ бы незамѣченный никѣмъ, безъ всякаго вознагражденія и поощренія, не имѣя даже особой кельи для упокоенія и молитвы. Въ 1801 году онъ цѣлое лѣто жилъ на Сѣкирной горѣ,

сторожа приходъ англійскихъ кораблей, по случаю разрыва съ Англіею. Но никогда слово недовольства и ропота не сходило съ его устъ, потому что онъ самъ не замѣчалъ за собою никакихъ заслугъ, достойныхъ вниманія. Главными чертами его характера были всегдашнее спокойствіе духа, кротость и незлобіе.

Для опытныхъ подвижниковъ онъ уже казался человѣкомъ высокой жизни. Такъ старецъ Ѳеофанъ, 25 лѣтъ проживший въ пустынѣ, по прибытіи въ монастырь, спрашивалъ: «кто у васъ Наумъ? покажите мнѣ его: онъ строитъ себѣ прекрасную палату." Оба подвижника видѣлись между собою, но бесѣды ихъ остались тайною для другихъ.

1819 года, чрезъ 28 лѣтъ по вступленіи въ монастырь, Науму дозволено было архимандритомъ Павломъ ношеніе рясы. Радовался труженикъ этому своему видимому причисленію къ иноческому чину. Въ то время онъ былъ при просфорнѣ. Когда же при архимандритѣ Макаріѣ было учреждено при Анзерскомъ скитѣ постоянное чтеніе Псалтиря, Наумъ былъ опредѣленъ къ этому послушанію, съ назначеніемъ, кромѣ того, въ должность псаломщика и съ порученіемъ ему нѣкоторыхъ обязанностей по скитскому хозяйству. Здѣсь онъ получилъ уже уголокъ, гдѣ каждую ночь, предъ ликомъ Божіей Матери, совершалъ свои молитвословія и колѣнопреклоненія. Двѣ только книги онъ имѣлъ у себя: Псалтирь, по которой отправлялъ молитвословія, и Лѣствицу Преподобнаго Іоанна Лѣствичника, по которой учился подвижничеству.

Мирно и покойно потекла было жизнь Наума въ средѣ малаго стада на пустынномъ островѣ. Но вскорѣ постигло его искушеніе, которое, впрочемъ, послужило къ его славѣ. При новомъ настоятелѣ было усмотрѣно, что Наумъ проживаетъ въ монастырѣ, не имѣя увольнительнаго свидѣтельства отъ своего сельскаго общества; рѣшено было выслать его на мѣсто жительства. Въ упованіи на промыслъ Божій, безъ малѣйшаго прекословія, Наумъ покорился своей участи; посадили его въ карбасъ и отправили съ попутчиками поморцами. Противный вѣтеръ принудилъ плавателей остановиться у Заяцкаго острова.

Проходитъ день, другой, недѣля; вѣтеръ не смѣняется; еще недѣля—вѣтеръ тотъ же. Смущенные корабельщики признали причиною такого неблагополучія присутствіе съ ними Наума, и рѣшились отвезти его обратно въ монастырь. Такимъ образомъ онъ опять возвратился на Соловецкій островъ, а поморцы, съ перемѣнившимся вѣтромъ, отправились домой. Такое событіе, удививъ всѣхъ, послужило явнымъ знакомъ покровительства Божія изгнаннику, который и былъ отпущенъ опять въ свой скитъ.

Снова тихо и спокойно потекла жизнь подвижника въ Анзерской пустынѣ. Раздѣляя съ братіею всѣ труды, онъ соединялъ съ ними добровольные подвиги иноческаго самоотверженія. По прежнему онъ любилъ уединяться для безмолвнаго богомыслія и слезныхъ молитвъ; по ночамъ, по возможности сокращалъ время тѣлеснаго успокоенія; никогда не мылся въ банѣ; отъ рожденія не пилъ ни вина, ни пива, ни чаю, не носилъ теплаго платья, не имѣлъ даже срачицы, довольствуясь однимъ рубищнымъ подрясникомъ и ветхою рясою, которыхъ, конечно, не взялъ бы и нищій, если бы нашелъ брошенные на дорогѣ. Онъ имѣлъ обыкновеніе не только лѣтомъ купаться въ морской водѣ, но весьма часто и зимою, обнаженный, опускался въ снѣгъ, или въ ледяную прорубь, не опасаясь подвергнуться болѣзни.

Молитвенные подвиги до того умягчили сердце подвижника, что онъ постоянно проливалъ слезы умиленія, особенно въ церкви, во время поученій. «Ты плачешь, о. Наумъ; что же я не могу плакать?» говорилъ ему одинъ молодой инокъ. «Придетъ время, придетъ», отвѣчалъ Наумъ, едва сдерживая слезы.

Впрочемъ въ это время Наумъ еще не пользовался полнымъ вниманіемъ со стороны своихъ собратій, избѣгая и самъ поводовъ къ человѣческому почтенію, и воспитывая въ себѣ чувство смиренномудрія. Однажды вечеромъ привезли въ скитъ съ рыболовной тони два карбаса сельдей, и всѣ вышли для чистки и соленія рыбы. Наумъ является послѣднимъ, такъ что, оскорбленный такою медленностію, распорядитель упрекнулъ

его въ лѣности и пригрозилъ изгнаніемъ изъ монастыря. «Ты прежде меня выѣдешь,» отвѣчалъ съ улыбкою Наумъ, и, принявшись за дѣло, начистилъ гораздо болѣе рыбы, чѣмъ другіе Черезъ годъ распорядитель дѣйствительно навсегда оставилъ Соловецкій монастырь.

Въ 1826 году Соловецкимъ настоятелемъ опредѣленъ архимандритъ Новгородскаго Кирилловскаго монастыря Досиѳей. Онъ былъ Соловецкій постриженникъ; во дни новоначалія трудился вмѣстѣ съ Наумомъ въ звѣриной и рыбной ловлѣ, и обучалъ его тогда русской грамотѣ. Новый настоятель, прибывъ въ скитъ, едва узналъ въ хиломъ и изнеможденномъ старцѣ, одѣтомъ въ рубище, бывшаго своего сотрудника, 36 лѣтъ безропотно трудившагося на пользу обители. Призвавъ его въ монастырь, архимандритъ Досиѳей, уволилъ его отъ обязательныхъ трудовъ и поручилъ ему чтеніе сѵнодика въ церкви Преподобныхъ Зосимы и Савватія и возженіе лампадъ въ часовняхъ Преподобныхъ Германа и Иринарха. 27 лѣтъ, до самой кончины, какъ неугасимая свѣча, простоялъ Наумъ на опредѣленной ему службѣ при гробахъ св. Чудотворцевъ Соловецкихъ, не измѣнивъ и здѣсь образа своей жизни, не смотря на преклонныя лѣта свои. Церковь Преподобныхъ никогда не отопляется и зимою, а Наумъ, во время самыхъ сильныхъ морозовъ, никогда не надѣвалъ теплой одежды и по прежнему носилъ только подрясникъ и рясу. Иногда съ чувствомъ состраданія замѣчали ему: „батюшка, вѣдь ты застылъ"; но онъ съ улыбкою отвѣчалъ: „ничего; за то не дремлется". Будучи свободнымъ отъ общихъ послушаній, Наумъ однакоже, въ остающееся отъ богослуженія и келейныхъ молитвъ время, не позволялъ себѣ быть въ праздности. Зимою онъ занимался заготовленіемъ дровъ и дѣланіемъ для сѣтей деревянныхъ поплавковъ. Этими поплавками постоянно была наполнена его келья, такъ что едва оставалось мѣста для прохода. Для лѣтнихъ трудовъ онъ имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ пять небольшихъ, имъ самимъ устроенныхъ, огородовъ, изъ которыхъ ближайшій былъ подъ окнами кельи, а дальніе въ разстояніи версты отъ монастыря. Здѣсь, какъ неутомимый муравей, онъ тру-

дился ежедневно; сѣялъ ячмень и овесъ; сажалъ разныя овощи. Но рѣдко онъ вкушалъ отъ плода рукъ своихъ, раздавая все братіи и пріѣзжавшимъ кореламъ. Постоянными сожителями его были пѣтухъ и котъ; изъ нихъ первый замѣнялъ ему часы и, конечно, служилъ символомъ бодрствованія и духовнаго трезвенія. Сонъ Наума былъ очень короткій: днемъ онъ никогда не спалъ; ночью же за часъ до утренняго пѣнія будилъ своихъ сосѣдей звономъ въ колокольчикъ, повѣшенный въ корридорѣ. Постелею служила ему простая доска въ полторы четверти шириною, а изголовьемъ — полѣно. Пребывая въ постоянныхъ трудахъ, Наумъ, не держалъ продолжительныхъ постовъ, но воздержаніе его можно назвать постояннымъ постничествомъ. Не имѣя въ кельѣ ничего съѣстнаго, онъ въ трапезу ходилъ ежедневно къ обѣду и ужину, но пищи употреблялъ весьма не много. Когда же предлагался бѣлый хлѣбъ, то отъ своей части, вкусивъ немного, онъ раздѣлялъ сосѣдямъ своимъ, выражая этимъ свое братолюбіе; принять такую частичку рѣдкіе не вмѣняли за счастіе.

Такъ подвизался Наумъ, мирно приближаясь къ концу своей жизни. Промыслъ Божій, посылающій благочестивымъ людямъ, для очищенія ихъ добродѣтели, разныя искушенія, испыталъ и этого раба Божія вторичнымъ изгнаніемъ. Въ 1834 году производилась ревизская перепись, и правительство потребовало повѣрки увольнительныхъ документовъ всѣхъ проживающихъ въ обители. Увольнительное свидѣтельство Наума хотя имѣлось въ монастырѣ, но въ то время не нашлось между прочими документами. Монастырскому начальству не захотѣлось входить въ переписку съ правительствомъ по дѣлу о старцѣ, болѣе 40 лѣтъ подвизавшемся преподобно. И вотъ на страстной недѣлѣ, въ великій четвергъ, взяли Наума и посадили въ карбасъ для отправленія въ городъ Кемь, къ уѣзду котораго онъ принадлежалъ по рожденію. Прибывъ въ Кемь, онъ однакоже вовсе не думалъ заботиться о дѣлѣ, для котораго сюда прибылъ, а, выйдя на берегъ, отправился въ церковь къ вечерней службѣ и, переночевавъ въ одномъ домѣ, по звону колокола, опять поспѣшилъ на церковную молитву; такъ и въ слѣдую-

щіе дни. А по прошествіи Свѣтлаго праздника обратился къ труду, для пріобрѣтенія себѣ пропитанія. Хотя монастырскіе друзья его собрали складчиною для него до 20 рублей, поручивъ деньги проводнику, но Наумъ не хотѣлъ пользоваться чужимъ достояніемъ; также и не хлопоталъ о пріобрѣтеніи себѣ увольненія. Нѣкоторые граждане и купцы кемскіе, знавшіе о его благочестіи, сами приняли участіе въ его положеніи и пріобрѣли для него формальный актъ, свидѣтельствующій о давнемъ увольненіи его въ Соловецкій монастырь для поступленія въ монашество. Чрезъ двѣ недѣли, бургомистръ ратуши привезъ его обратно въ монастырь. 9-го мая, сверхъ всякаго чаянія, братія опять увидѣли въ монастырѣ Наума: радости и лобзаніямъ не было конца. Такъ возвратился Наумъ въ любимую свою келью и снова обратился къ прежнимъ занятіямъ. По прежнему неопустительно онъ ходилъ въ церковь къ богослуженію и никто не запомнитъ, чтобы онъ когда либо оставилъ одну какую службу. Бывало только, что онъ иногда не поспѣвалъ къ началу утрени, и въ такомъ случаѣ, называя себя лѣнивымъ и нерадивымъ, обыкновенно говорилъ: «заспался я сегодня и не слыхахъ благовѣста», хотя въ самомъ дѣлѣ за часъ до утрени будилъ другихъ отъ сна. Бывало также, замедливъ на дальнихъ огородахъ, приходилъ поздно и къ вечернему богослуженію. Если кто нибудь въ такомъ случаѣ, шутя, замѣчалъ ему,—„ну, такъ чтожъ?“ отвѣчалъ онъ съ улыбкою на такой дружескій упрекъ, „и ты небольшую въ сравненіи со мною получишь мзду; ибо Владыка и послѣднихъ награждаетъ наравнѣ съ первыми“.

При всемъ стараніи старца укрыться отъ людей и быть незнаемымъ, его посѣщали многіе великіе и малые міра. Два архіерея — олонецкій Игнатій и архангельскій Варлаамъ, въ бытность свою въ Соловецкомъ монастырѣ, посѣщали его келью. Преосвященный Игнатій, обративъ вниманіе на полѣнницу обдѣланныхъ поплавковъ, сказалъ старцу: „вотъ ты, отецъ, труждаешься неутомимо, а я провожу жизнь въ лѣности и бездѣятельности“; на что Наумъ отвѣчалъ: „нѣтъ, владыко святый, твои труды весьма велики и богоугодны; и меня осо-

бенно радуетъ то, что ты началъ учить нашихъ священниковъ корельскому языку *), чтобы они могли учить нашихъ земляковъ на корельскомъ нарѣчіи; русскій языкъ рѣдкіе изъ нихъ понимаютъ. Это хорошо; до тебя этого не было». Во время такой бесѣды зашумѣлъ сидѣвшій за дровами пѣтухъ, и преосв. Игнатій спросилъ: «для чего у тебя пѣтухъ»? «Съ нимъ жить, владыко, очень полезно: какъ онъ запоетъ ночью, вотъ и вспомнишь Петра Апостола, какъ онъ гласомъ пѣтела пробудился къ плачу о своемъ грѣхѣ». Преосвященный весьма полюбилъ старца и приходилъ къ нему въ другой разъ для прощанія. Преосвященный Варлаамъ питалъ особое расположеніе къ старцу и посылалъ къ нему просфоры и письма, прося молитвенной помощи въ управленіи ввѣренною ему паствою.

Наумъ не имѣлъ дара слова, но простыя и краткія наставленія его, взятыя съ опыта, исполненныя силы и духа, производили глубокое впечатлѣніе на того, кто искренно искалъ у него совѣта. «Келья—таже пустыня», говаривалъ Наумъ сѣтующимъ о пустынномъ безмолвіи. Въ самомъ дѣлѣ, живя въ многолюдствѣ, онъ, кромѣ своей, не бывалъ ни въ одной братской кельѣ; любя одинаково всѣхъ, не питалъ ни къ кому особеннаго пристрастія; и постоянно погруженный въ заботу о своемъ спасеніи, ко всему казался равнодушнымъ. При такомъ настроеніи, дѣйствительно, и среди людей можно быть, какъ въ пустынѣ.

«Читай Псалтирь, одну Псалтирь», совѣтовалъ онъ ученымъ и неученымъ, и не похвалялъ читающихъ много книгъ. Видно, что онъ былъ вполнѣ проникнутъ ученіемъ о Псалтири великихъ отцевъ Церкви, какъ изложено въ предисловіи къ церковному изданію книги псалмовъ.

Находящимся въ послушаніяхъ и неимѣющимъ возможности бывать при церковныхъ службахъ, Наумъ говорилъ, что «съ памятію о Богѣ усердное отправленіе всякаго труда равно церковной молитвѣ; то и другое равно благоугодно Богу и

*) Въ Петрозаводской семинаріи введено обученіе корельскому языку.

намъ полезно». Наемныхъ людей, живущихъ за монастыремъ, и отъ утра до ночи занятыхъ работами, онъ увѣщевалъ, вставъ отъ сна, полагать съ молитвою къ Богу какое либо число поклоновъ. Вѣроятно и самъ старецъ поступалъ такъ въ первые годы монастырской жизни. Всѣмъ вообще инокамъ и мірянамъ, спрашивавшимъ у него, какъ спастись, обыкновенно говаривалъ: «спрашивай у своей совѣсти, слушайся ея, и она наставитъ тебя на путь спасенія».

Съ любезностію привѣтствуя новопостриженныхъ, онъ увѣщавалъ ихъ съ внѣшнимъ постриженіемъ власовъ отложить всѣ пожеланія и страсти тѣла и души,—«очи удалять отъ предметовъ обольстительныхъ и суетныхъ, уста хранить отъ празднословія и клеветы, чрево отъ невоздержанія; руки отъ худыхъ дѣлъ, а ноги чтобы знали два пути—въ церковь и къ послушанію, и особенно оберегать умъ и сердце отъ грѣховныхъ помысловъ, и такимъ образомъ всецѣло прославлять Бога въ душахъ и тѣлесахъ нашихъ».

Наумъ считалъ иноческую жизнь выше мірской, и первую называлъ царствомъ, а послѣднюю состояніемъ рабства. «У монаховъ два царства: они царствуютъ здѣсь, и по смерти надѣются царствовать», такъ восклицалъ онъ, при видѣ иноковъ, свободныхъ отъ многопопечительности мірской и отъ всякихъ соблазновъ и поводовъ къ грѣху, въ тихомъ пристанищѣ служащихъ Богу въ подвигахъ молитвы.

Испытавъ въ жизни своей скорбь и тѣсноту, Наумъ обладалъ особенною способностію утѣшать изнемогающихъ подъ бременемъ напастей и искушеній. «Не скорби, братъ; бѣдами и искушеніями мы идемъ въ царство небесное». Скорби онъ уподоблялъ бурѣ, которая временно шумитъ, но скоро смѣняется тишиною и спокойствіемъ.

Поучительны были его наставленія боримымъ плотскою похотію. Въ назиданіе имъ Наумъ разсказывалъ, какою цѣною безстрастіе досталось ему самому: «разъ привели ко мнѣ женщину, желавшую поговорить со мною; не долга была моя бесѣда съ посѣтительницею, но страстный помыслъ напалъ на меня и не давалъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью, и при томъ,

не день или два, а цѣлыхъ три мѣсяца мучился я въ борьбѣ съ лютою страстію. Чего не дѣлалъ я? Не помогали и купанія снѣговыя. Однажды, послѣ вечерняго правила, вышелъ я за ограду полежать въ снѣгу. На бѣду заперли за мною ворота; что дѣлать? Я побѣжалъ кругомъ ограды къ другимъ, третьимъ монастырскимъ воротамъ; вездѣ заперто. Побѣжалъ въ кожевню, но тамъ никто не живетъ. Я былъ въ одномъ подрясникѣ и холодъ знобилъ меня до костей; едва дождался утра и чуть живъ добрался до кельи; но страсть не утихала. Когда насталъ Филипповъ постъ, я пошелъ къ духовнику, со слезами исповѣдалъ ему свое горе и принялъ епитимію; тогда только, благодатію Божіею, обрѣлъ я желаемый покой».

Очистивъ духъ свой молитвою и постомъ, Наумъ удостоился видѣній и обладалъ даромъ прозорливости. Однажды предъ утренею онъ шелъ съ фонаремъ къ часовнѣ Преподобнаго Германа для возженія лампады и сподобился видѣть самого Угодника идущимъ въ мантіи и клобукѣ отъ соборнаго храма въ свою часовню; вслѣдъ за нимъ вошелъ и Наумъ, но уже никого не видѣлъ. Понявъ, кого видѣлъ своими глазами, онъ всѣхъ увѣщавалъ ежедневно приходить къ гробамъ св. Чудотворцевъ и цѣловать ихъ раки. Изъ многихъ опытовъ прозрѣнія Наума представимъ вниманію читателей нѣкоторые:

Въ 1847 году весна была необычно холодна; въ іюнѣ отъ полярныхъ вѣтровъ море кругомъ Соловецкихъ острововъ все еще было покрыто сплошнымъ наноснымъ льдомъ, и богомольцы, въ другое время прибывающіе въ монастырь въ началѣ мая, еще не появлялись. Однажды—это было 9 іюня—архимандритъ Димитрій, во время молебна Преподобнымъ, стоя подлѣ ракъ Угодниковъ, въ печали о боголюбцахъ плакалъ. Наумъ, по обязанности своей, читалъ канонъ Угодникамъ. Замѣтивъ слезы настоятеля, онъ спросилъ его тихо: «о чемъ, братъ, плачешь?» «Какъ же не плакать», отвѣчалъ архимандритъ, «видно за мои грѣхи Богъ не даетъ тепла, и богомольцы страдаютъ въ морѣ, истомятся, быть можетъ, и воротятся домой, не побывавъ у Преподобныхъ». «Полно, братъ, малодушествовать», возразилъ Наумъ, и, указавъ въ канонѣ

Преподобнымъ слова въ 3-й пѣсни: утишите напасти и бѣдъ смущеніе, продолжалъ: «видишь, имъ дана благодать помогать и спасать страждущихъ въ бѣдахъ; они и пекутся о своихъ поклонникахъ, которые съ вѣрою и любовію стремятся къ ихъ святымъ мощамъ; и вотъ увидишь, что завтра же будутъ здѣсь всѣ богомольцы». Потомъ прибавилъ: «каково-то въ Анзерахъ? какъ будто тѣсно; гостинница не велика и келій мало; пожалуй и хлѣба не хватитъ; напрасно зимою не послали муки побольше». Съ изумленіемъ слушалъ архимандритъ слова старца, которыя однакоже въ точности исполнились. Богомольцы въ числѣ не менѣе двухъ тысячъ, отправившіеся изъ Архангельска въ море на карбасахъ и встрѣченные на пути льдами, съ большимъ трудомъ добрались до Анзерскаго острова; тамъ въ двухъ скитахъ гостинницы, кельи и всѣ помѣщенія переполнились гостями; встрѣтилось и другое непріятное обстоятельство: народъ на половину былъ безъ хлѣба; скудные скитскіе запасы на прокормленіе неимущихъ истратились въ два дня, а въ монастырь послать за хлѣбомъ не было возможности. Тогда нашелся одинъ смѣльчакъ, который съ багромъ въ рукахъ, перескакивая съ одной льдины на другую, перебрался на Соловецкій островъ и принесъ въ монастырь вѣсть о печальномъ состояніи богомольцевъ. Эта вѣсть получена вечеромъ въ тотъ день, въ который происходила бесѣда Наума съ настоятелемъ. Немедленно подана была изъ монастыря помощь, и на другой день всѣ богомольцы прибыли въ монастырь.

По существующему обыкновенію, жертвуемый береговыми жителями молодой рогатый скотъ отпускается въ островъ на вольное кормленіе, въ продолженіи всего лѣта. Однажды лѣтомъ Наумъ приходитъ къ намѣстнику и съ настойчивостію проситъ, чтобы немедленно озаботился осмотромъ быковъ, пасущихся на островѣ. «Заботимся мы», говорилъ онъ, «о своемъ тѣлесномъ спокойствіи; надо позаботиться и о скотѣ; пустили молодыхъ быковъ безъ всякаго присмотра; легко случиться можетъ, забредутъ куда либо и погибнутъ». Просьба старца осталась, однако, неисполненною. Спустя недѣлю, намѣстникъ,

встрѣтившись съ Наумомъ, спросилъ: «что же, нужно пересчитать быковъ?» Покачавъ головою, старецъ отвѣчалъ: «теперь поздно». Что же оказалось? Въ одну изъ береговыхъ избъ, въ 15 верстахъ отъ монастыря, въ которой монастырскіе работники имѣютъ пристанище во время уборки сѣна, зашли семь лучшихъ молодыхъ быковъ, и, поворачиваясь внутри, затворили за собою дверь и здѣсь отъ голода и жажды погибли.

Въ 1848 году монастырское начальство распорядилось помѣстить годовой запасъ купленной ржи, вмѣсто амбаровъ, стоящихъ за монастыремъ, въ одну изъ каменныхъ башенъ, находящуюся въ смежности съ мельницей. Науму такое распоряженіе весьма не нравилось. Когда же оно приведено было въ исполненіе, то онъ предлагалъ деревянный потолокъ башни замѣнить кирпичнымъ сводомъ. «Богъ вѣсть», говорилъ онъ, «иногда сквозь доски польется ручьемъ вода на рожь, и она негодна будетъ на муку, а развѣ для солода». Думали, что старецъ заботится о предохраненіи ржи отъ дождя; но крыша и потолокъ башни находились въ исправномъ состояніи и потому съ этой стороны не видѣлось никакой опасности для хлѣбнаго склада. Но въ томъ же году, въ одну зимнюю ночь, внѣ монастыря, подлѣ той самой башни загорѣлся лѣсопильный заводъ, а потомъ и шатеръ надъ башней и потолокъ надъ рожью; и вотъ, при тушеніи пожара, потекла вода ручьями на рожь, такъ что нѣсколько сотъ четвертей ея нужно было обратить въ солодъ.

Одна благочестивая архангельская купчиха, вдова пожилыхъ лѣтъ, имѣвшая взрослыхъ сына и дочь, пришла къ Науму для благословенія и назиданія. Купчиха поклонилась ему до земли. «Богу должно кланяться, а не корельцу», сказалъ ей старецъ, и, отложивъ изъ висѣвшаго надъ дверьми кельи снопа три ячменныя колоса съ зерномъ, подалъ ей, говоря: «вотъ тебѣ благословеніе; теперь ихъ побереги, а послѣ, когда будетъ нужно, сѣй, и отъ плода ихъ корми своихъ дочерей». Непріятно было слышать такое наставленіе благочестивой вдовѣ, не имѣвшей намѣренія вступать въ су-

пружество; однакоже старческое слово оправдалось. Чрезъ 20 лѣтъ эта вдова поступила въ монашество и теперь состоитъ игуменьей въ Шенкурскомъ монастырѣ, гдѣ отъ воздѣлыванія земли пропитываетъ духовныхъ дщерей.

Наумъ не дожилъ до бывшаго бомбардированія монастыря Англичанами, за два года предъ тѣмъ переселившись въ жизнь иную; но онъ предвидѣлъ опасности и бѣды, угрожавшія обители, и предсказывалъ ихъ въ неясныхъ намекахъ.

Еще въ 30-хъ годахъ, когда строились за монастыремъ деревянныя гостинницы на возвышенныхъ холмахъ, Наумъ замѣчалъ, что лучше бы было строить ихъ подъ горою; тогда не задѣла бы ихъ буря, не коснулась бы молнія. Одна изъ этихъ гостинницъ, болѣе всѣхъ зданій пострадала во время бомбардированія, бывъ прострѣлена ядрами, какъ рѣшето.

Въ 1848 году, когда Россія, вспомоществуя Австріи, вступила въ брань съ Венгріей, Наумъ не переставалъ твердить о войнѣ съ Англичанами. Вѣроятно и самые дальновидные политики въ то время не гадали еще о восточной войнѣ.

За годъ до смерти особенно усилились его попеченія о сохраненіи монастыря отъ какой то великой опасности. Онъ началъ нерѣдко выходить на крѣпостную стѣну, даже въ ночное время, и встрѣчающимся говаривалъ: «какъ бы хорошо было, еслибъ заложить всѣ эти окна (амбразуры) толстыми кирпичами, а по стѣнѣ, вмѣсто деревянной крыши, сдѣлать каменную сводомъ, и покрыть дерномъ. Богъ вѣсть, что случиться можетъ?» говорилъ онъ въ поясненіе своихъ опасеній; «вдругъ взволнуются стихіи, загремятъ громы, посыплется градъ, налетятъ молніи.... Далеко ли тутъ отъ бѣды?»

О сбереженіи хлѣба онъ говорилъ: «хорошо бы хлѣбъ схоронить въ лѣсу; выкопать тамъ большую яму, ссыпать въ нее хлѣбъ и закрыть досками и дерномъ». Послѣ бомбардированія, въ *ожиданіи новаго отъ непріятеля нападенія,* дѣйствительно, согласно съ совѣтомъ старца, хлѣбъ свезенъ былъ въ лѣсъ, и одна половина его положена въ амбаръ, а другая въ ямѣ.

О сохраненіи рогатаго скота, содержимаго за монастырскимъ проливомъ на Муксальмскомъ островѣ, въ 9 верстахъ

отъ монастыря, онъ говорилъ: «лучше бы намъ коровъ перевести на здѣшній островъ, сдѣлавъ для того изъ бревенъ большой плотъ, а для помѣщенія ихъ устроить широкую изъ досокъ загородку». «Для чего же», возражали ему слышавшіе; «тамъ коровамъ гораздо привольнѣе и покойнѣе». «Ну, да послѣ и опять туда же перевезли бы ихъ», отвѣчалъ старецъ. Дѣйствительно, по предреченію Наума, во время опасности скотъ былъ перевезенъ съ Муксальмы на большомъ плоту на Соловецкій островъ и помѣщенъ въ загородкѣ.

«Завистливо смотрятъ эти Англичане на нашихъ быковъ» говорилъ онъ одному иноку. Эти слова относили къ тому, что Англичане, по торговымъ дѣламъ плавающіе мимо Соловецкихъ острововъ, могутъ видѣть пасущійся по берегамъ скотъ. Но недавнія событія показали, что слова старца имѣли смыслъ предреченія. Во время войны, Англичане, дѣйствительно, желали пользоваться монастырскими быками, и отправили въ монастырь парламентера съ требованіемъ скота; получивъ же отказъ, послали настоятелю пулю, думая подѣйствовать на него угрозою.

Мѣсяца за три предъ смертію, идучи отъ вечерни, Наумъ остановился на паперти Преображенскаго собора, и, обратившись лицемъ на западъ, долго смотрѣлъ вверхъ, какъ бы пораженный какимъ то ужаснымъ созерцаніемъ, и со слезами сказалъ: «очень жарко здѣсь будетъ».

Свои предреченія о будущихъ опасностяхъ Наумъ, обыкновенно, заключалъ благоговѣйною преданностію волѣ Божіей и несомнѣнною надеждою на Его милосердіе:—«Богъ милостивъ, и Угодники Божіи сохранятъ свою обитель отъ бѣды и погибели».

Сохранилось въ памяти потомства нѣсколько случаевъ, показывающихъ, что Наумъ имѣлъ прозрѣніе дѣлъ человѣческихъ, въ тайнѣ совершаемыхъ, и не рѣдко обличалъ согрѣшающихъ, желая тѣмъ обратить ихъ на путь покаянія и исправленія. Однажды у двухъ братовъ въ разныхъ кельяхъ, послѣ вечерни, было по собесѣднику; между прочимъ празднословіемъ рѣчь клонилась къ осужденію настоятеля, будто слабо управляетъ монастыремъ и проч. На другой день подходитъ

Наумъ къ одному изъ этихъ иноковъ и говоритъ: «о чемъ вчера вечеромъ была у тебя бесѣда? Что архимандритъ у насъ слабъ? Управлять не умѣетъ? Мы съ тобой лучше управили бы монастыремъ? А знаешь ли, что нѣсть власть, аще не отъ Бога?», и проч. Изумленный обличеніемъ, братъ просилъ прощенія. «Богъ проститъ», отвѣчалъ Наумъ, и подошелъ къ другому иноку, въ томъ же виновному, и сталъ говорить ему тоже. Но этотъ инокъ, имѣя пылкій нравъ, оскорбился обличеніемъ старца и съ горячностію сталъ доказывать справедливость своихъ мнѣній о настоятелѣ, высказанныхъ имъ вечеромъ. «Ну, такъ увидимъ», сказалъ Наумъ, «какъ будущій настоятель сломитъ твои рога». Не проживъ года при новомъ настоятелѣ, этотъ инокъ былъ высланъ изъ монастыря за строптивый характеръ.

Одинъ изъ монашествующихъ разсказывалъ о себѣ слѣдующій случай. «Въ бытность свою послушникомъ, я похитилъ у одного богомольца нѣсколько чаю и остался внѣ всякаго подозрѣнія; но оказалось, что, кромѣ Бога, есть и люди, знающіе о моемъ проступкѣ. Вскорѣ встрѣтился я съ Наумомъ, который, обращаясь ко мнѣ съ веселымъ видомъ, ласково замѣтилъ: «а что братъ, нынѣ попиваешь чаекъ, и теперь у тебя его вдоволь, да спокойно ли у тебя на сердцѣ?» Сказавъ это, старецъ медленно отошелъ отъ меня.

Два молодыхъ послушника въ церкви Преподобныхъ, во время служенія молебновъ, скрылись въ алтарѣ за иконостасомъ и пустословили. Вдругъ вбѣгаетъ въ олтарь Наумъ и отъискавъ за иконостасомъ празднословцевъ, говоритъ имъ: «что вы дѣлаете? смотрите, какой чадъ идетъ отсюда; вы закоптите весь иконостасъ; вотъ васъ Преподобные!»

Многочисленны опыты вразумленія и вспомоществованія Наума страждущимъ душевными недугами; но не мало онъ помогалъ и въ немощахъ тѣлесныхъ. Монахъ И., по ремеслу сапожникъ, страдалъ глазною болѣзнію, такъ что не въ силахъ былъ чѣмъ либо заниматься. Наумъ пользовалъ болящій глазъ масломъ отъ лампады; зрѣніе исправилось, и до самой смерти этотъ инокъ не переставалъ отправлять послушаніе.

Послушникъ М. (нынѣ іеромонахъ), во дни новоначалія,

исправляя послушаніе на скитскомъ дворѣ, былъ сильно избитъ дикою коровою; поднятый въ безчувственномъ состояніи, съ разбитою головою, ранами на лицѣ и поврежденіями на тѣлѣ, онъ былъ отправленъ для врачеванія въ монастырь. Въ то время, какъ происходило это несчастіе съ братомъ, Наумъ началъ говорить: «какъ осторожно надо обходиться съ коровами; онѣ по своему безсмыслію изъувѣчатъ и того, кто за ними ходитъ и ихъ питаетъ». Послушникъ М., почитавшій Наума, по прибытіи въ монастырь, прежде врачеванія, пошелъ къ нему, и лишь только вступилъ въ корридоръ, гдѣ находилась келья старца, какъ самъ старецъ вышелъ къ нему на встрѣчу и съ веселымъ видомъ принялъ его. Недопустивъ послушника высказаться о несчастіи, Наумъ тотчасъ спросилъ: «что, братъ, вѣруешь ли, что Богу все возможно, что Онъ можетъ исцѣлить и твои недуги?» На утвердительный отвѣтъ опять спросилъ: «твердо ли и всѣмъ ли сердцемъ вѣруешь, что для Бога нѣтъ ничего невозможнаго?» Послѣ вторичнаго подтвержденія, Наумъ *налилъ въ деревянный ковшъ воды и, перекрестивъ, подалъ*, говоря: «пей во имя Отца и Сына и Святого Духа». Послушникъ выпилъ. «Пей и еще». Послушникъ съ рѣшимостію отказался отъ третьяго пріема, говоря: «не могу болѣе пить». Тогда старецъ вылилъ третій ковшъ на голову его, сказавъ: «во имя Святыя Троицы будь здоровъ». Вода съ головы полилась на шею и по всему тѣлу, и съ тѣмъ вмѣстѣ *страждущій почувствовалъ себя совершенно здоровымъ*; раны на головѣ вскорѣ зажили, и, чрезъ нѣсколько дней, послушникъ снова возвратился къ своему дѣлу.

Въ заключеніе повѣсти о проявленіи благодати Божіей, дѣйствовавшей въ Наумѣ, представимъ сказаніе о событіи, въ которомъ видна сила его молитвъ о требующихъ его помощи.

Соловецкій іеромонахъ Г., ѣздившій на богомоліе, возвращался въ монастырь съ поморцами на суднѣ, нанятомъ въ Архангельскѣ; но противные вѣтры задерживали плаваніе и много дней плаватели стояли безъ движенія въ устьяхъ Двины. Между тѣмъ приближался въ монастырѣ праздникъ Преподобнаго Савватія (27 Сентября) и іеромонахъ Г. весьма оскор-

бѣлъ душою, что не можетъ прибыть въ монастырь къ памяти св. Угодника. Вечеромъ за день до праздника, стоя на палубѣ и обратившись лицемъ къ монастырю, онъ началъ молиться: «святые Чудотворцы, Зосима и Савватій, призрите на меня, раба своего, и благопоспѣшите мнѣ Своею помощію достигнуть мнѣ Вашей обители къ дню праздника». При этомъ онъ вспомнилъ о Наумѣ, и, мысленно обращаясь къ нему, сказалъ со слезами: «ты ежедневно находишься въ храмѣ св. Угодниковъ и читаешь предъ ихъ святыми мощами канонъ; умоли ихъ, чтобы услышали мое желаніе и удостоили меня торжествовать съ вами свѣтлый день ихъ праздника».

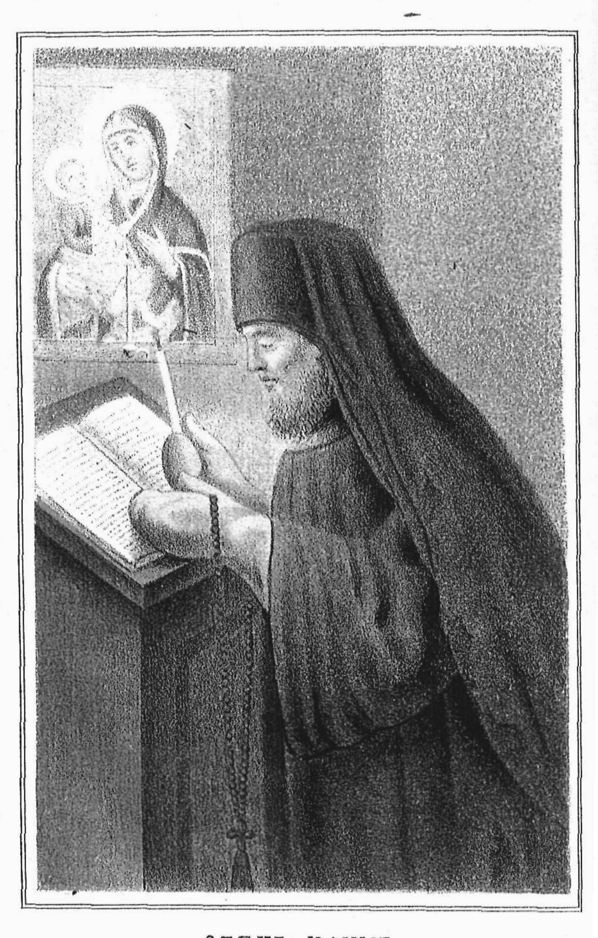
Прошла ночь и утромъ вдругъ онъ слышитъ, что кормчій велитъ поднять паруса. Попутнымъ вѣтромъ они скоро переплыли 300-верстное пространство, и вечеромъ того дня іеромонахъ Г. высадился съ морского судна на Соловецкій берегъ, въ 15 верстахъ отъ монастыря. Не думая о покоѣ, онъ пѣшкомъ поспѣшилъ въ монастырь и прибылъ сюда къ самой литургіи». «Вотъ, братъ», сказалъ ему Наумъ, здороваясь въ церкви предъ литургіею, «въ самый разъ попалъ домой: въ праздникъ, да и къ литургіи». «Да», отвѣтствовалъ Г., «молитвами Угодниковъ Божіихъ». «Это правда, сказалъ старецъ, «но меня зачѣмъ поминалъ? Вспомни Архангельское устье, какъ ты тамъ молился? Я земля и пепелъ, и какія отъ меня молитвы? однакожъ объ этомъ ни кому не говори, покуда не умру; а теперь иди и молись Богу и Его Угодникамъ».

Какъ догорающая свѣча, исполненный дней, Наумъ приближался къ концу земнаго странствованія. За два года до смерти онъ опасно заболѣлъ, и нѣсколько дней не выходилъ изъ кельи. «Богъ дастъ», говорилъ онъ, «еще поправлюсь». Дѣйствительно, онъ скоро поправился на этотъ разъ и по прежнему обратился къ трудамъ. Какъ бы предсказывая свою кончину, онъ сказалъ архимандриту Димитрію: «ты прежде меня умрешь», хотя архимандритъ былъ моложе Наума десятью годами. 1852 года, въ августѣ, когда архимандритъ отправлялся въ Архангельскъ, Наумъ, провожая его, шелъ до самой пристани, къ удивленію всей братіи. Цѣлуясь въ послѣдній разъ

съ своимъ настоятелемъ, въ скорбномъ расположеніи духа онъ сказалъ: «прости, далекій тебѣ предлежитъ путь»; и смотря на отплывавшее отъ пристани судно, проговорилъ въ слухъ окружающимъ: «нужно бы взять съ собою своихъ досокъ; въ дорогѣ можетъ случиться и нужда въ нихъ», намекая, какъ послѣ стало понятнымъ, на потребность, въ гробѣ. Чрезъ двѣ недѣли архимандритъ Димитрій скончался въ Архангельскѣ и тѣло его было привезено въ монастырь для погребенія. На мѣсто его былъ назначенъ Югской пустыни архимандритъ Варѳоломей; но какъ зима прекратила сообщеніе съ берегомъ, то осталось для иноковъ неизвѣстнымъ, что Варѳоломей отказался отъ настоятельства. Любопытствуя знать, гдѣ Варѳоломей—въ Югской пустынѣ, или уже въ Архангельскѣ, братія спрашивали Наума. Но старецъ отвѣчалъ: «давно живетъ въ Архангельскѣ,—такой высокій ростомъ». Это предсказаніе оправдалось назначеніемъ въ Соловецкій монастырь, по причинѣ отказа Варѳоломея, настоятелемъ архимандрита Александра, въ то время бывшаго протоіереемъ Соломбальского собора.

1853 годъ былъ послѣднимъ въ жизни Наума. Впрочемъ онъ до послѣднихъ дней ходилъ въ церковь, не оставлялъ своихъ трудовъ, и, судя по его бодрости, даже нельзя было предполагать близость его кончины. Дня за четыре до смерти братія замѣтили болѣзненное изнеможеніе его, но самъ больной, едва передвигая ноги, ходилъ въ церковь. За два дня предъ смертію, пришедши къ вечернѣ, онъ съ большимъ трудомъ могъ зажечь свѣчу предъ иконою Божіей Матери, замѣтивъ подошедшему на помощь ему иноку: «въ послѣдній разъ самъ зажгу». Послѣ этого онъ не былъ уже въ церкви.

Хотя и были приставлены къ нему два послушника, но онъ самъ служилъ своимъ малымъ потребамъ. За сутки до кончины, около полудня, онъ вышелъ къ озеру, и, опустившись въ воду по грудь, долго стоялъ, не имѣя силъ выдти на берегъ, пока проходившій мимо монахъ вывелъ его изъ озера и привелъ въ келью. Въ тотъ же день вечеромъ совершено



ОТЕЦЪ НАУМЪ,

подвижникъ Соловецкій, скончавшійся въ 1853 году.

надъ нимъ святое Елеопомазаніе, а утромъ на другой день послѣ ранней литургіи онъ причащенъ Св. Таинъ.

Въ послѣднія минуты жизни онъ тихо и невнятно творилъ молитву, едва двигая устами и дрожащими перстами правой руки быстро перебирая четки. Многіе иноки приходили къ нему для прощанія и безмолвно кланялись ему, не нарушая послѣдняго его молитвеннаго подвига.

Въ два часа по полудни большой колоколъ возвѣстилъ братіи о преставленіи старѣйшаго ихъ собрата, 62 года съ неослабною ревностію трудившагося для своего спасенія. Старецъ Наумъ скончался 1853 года іюня въ 10-й день. Всѣ братія собрались помолиться о упокоеніи души его; было довольно и пріѣзжихъ богомольцевъ. 12 іюня заупокойная литургія и отпѣваніе, за небытностію архимандрита, совершены были намѣстникомъ монастыря съ братіею. Предъ отпѣваніемъ произнесено было надгробное слово, во время котораго проповѣдникъ и братія не могли удержаться отъ слезъ. По желанію всей братіи, могила устроена внутри монастыря, за алтаремъ Преображенскаго собора, близъ усыпальницы Преподобнаго Зосимы,—почесть, которой удостоиваются одни настоятели. На могилѣ его положена каменная плита, на которой начертаны слова: «блажени мертвіи, умирающіи о Господѣ!.. Ей, глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ».

Былъ ли постриженъ Наумъ, неизвѣстно. Архимандритъ Досиѳей, встрѣтившись съ нимъ однажды, спросилъ: «желаешь ли постриженія въ мантію? Я намѣреваюсь представить Св. Сѵноду о разрѣшеніи на твое постриженіе». «А развѣ я не монахъ? А это что на мнѣ?» возразилъ Наумъ, указывая на клобукъ и рясу. Послѣ этого Досиѳей, а за нимъ и другіе настоятели не думали о представленіи его къ постриженію. Впрочемъ всѣ полагали, что онъ постриженъ кѣмъ либо келейно, и потому по смерти положили его въ гробъ въ мантіи.

Іеросхимонахъ Матѳей.

Происхожденіе.—Жизнь въ мірѣ.—Поступленіе въ монастырь.—Пономарство.—Священство.—Казначейство.—Келейныя занятія.—Схима.—Болѣзнь.—Кончина.

Матѳей былъ изъ купцовъ города Вологды и родился въ 1777 году. Сорока пяти лѣтъ онъ поступилъ въ Соловецкій монастырь. Но еще живя въ мірѣ, онъ проводилъ благочестивую жизнь, хранилъ себя въ дѣвствѣ и цѣломудріи, любилъ принимать странниковъ и съ любопытствомъ распрашивалъ ихъ о св. обителяхъ и монастырскомъ подвижничествѣ. Занимаясь торговлею, онъ не пропускалъ ни одной службы церковной; съ первымъ ударомъ колокола запирая свою лавку, отправлялся въ церковь. О честности его, чуждой малѣйшаго лихоимства, знали даже отдаленные деревенскіе жители, и съ терпѣніемъ ожидали его выхода изъ церкви для покупки у него необходимыхъ предметовъ. «Вотъ придетъ Матѳей изъ церкви, и у него купимъ сходнѣе и безъ обману»,—говорили простолюдины.

Много лѣтъ онъ состоялъ церковнымъ старостою и въ это время изучилъ въ совершенствѣ церковный уставъ, такъ что каждую службу по постной и цвѣтной тріодямъ твердо зналъ на память. По вступленіи въ монастырь сперва проходилъ должность пономаря, потомъ, какъ опытный въ торговыхъ дѣлахъ, былъ сдѣланъ закупщикомъ, а по принятіи священства былъ опредѣленъ въ должность казначея, которую и прохо-

дилъ 10 лѣтъ. Отъ юности пріучивъ себя къ воздержанію, онъ во всю жизнь не употреблялъ вина и чаю, не мылся въ банѣ и вкушалъ пищу однажды въ день, и всегда въ трапезѣ. Никогда не случалось, чтобы онъ опустилъ какую либо и малую церковную службу, даже и въ преклонной старости; приходилъ въ церковь всегда къ началу и никогда не выходилъ до окончанія; во время чтенія каѳизмъ никогда не садился, несмотря на монастырскій обычай. Отъ продолжительныхъ стояній церковныхъ и келейныхъ ноги его опухали и раны на нихъ не заживлялись. По этой причинѣ онъ не могъ носить и сапоговъ, а ходилъ въ широкихъ башмакахъ; но никогда не лечилъ ногъ и никому не говорилъ о своей болѣзни. Въ кельѣ своей постоянно занимался душеспасительнымъ чтеніемъ и списываніемъ того, что казалось достойнымъ вниманія и памяти. Многіе десятки книгъ аскетическаго содержанія, въ то время еще не изданныя печатію, онъ списалъ своею рукою и полууставнымъ почеркомъ. Этими книгами доселѣ пользуются ищущіе спасенія. Исполняя въ точности келейное правило, онъ имѣлъ обычай полунощное время посвящать на чтеніе Евангелія. Постоянно проникнутый благочестивыми чувствами, онъ имѣлъ умиленный видъ, стоялъ при церковныхъ службахъ съ поникшею головою, внимая чтенію и пѣнію.

Матѳей былъ строгимъ ревнителемъ церковныхъ законоположеній и убѣждалъ поющихъ и читающихъ совершать службы со всею точностію и должнымъ благоприличіемъ.

Всѣ настоятели обращались къ нему съ уваженіемъ и пользовались его опытностію и благоразуміемъ; а братія смотрѣли на него, какъ на образецъ подвижничества. 1849 года онъ постригся въ схиму, и съ того времени оставилъ священнослуженіе; причащался Св. Таинъ въ ряду съ прочею братіею, предъ алтаремъ; даже не благословлялъ никого по священнически. Любя протяжное столповое пѣніе, онъ ходилъ на службы въ соборъ, не тяготясь, но радуясь ихъ продолжительности. За нѣсколько лѣтъ до кончины у него закрылся одинъ глазъ, въ слѣдствіе чего, не имѣя возможности зани-

маться списываніемъ книгъ, во избѣжаніе праздности, сталъ вязать шерстяные четки для братіи и богомольцевъ. Во всю жизнь не пользуясь братскими услугами, онъ молилъ Бога, чтобы и при кончинѣ своей не безпокоить кого либо,—и желаніе его исполнилось. За два дня до смерти, онъ былъ еще на утреннемъ пѣніи въ соборѣ, но отъ крайняго изнеможенія вышелъ изъ церкви до окончанія службы. На другой день братія пришли въ келью для совершенія надъ нимъ таинства Елеопомазанія. „Меня уже соборовали“, сказалъ старецъ, видя въ кельѣ приготовленіе къ Елеопомазанію. «Кто же тебя соборовалъ»? «Вотъ недавно приходили изъ собора іеромонахи молодые и благообразные, и меня соборовали». «И мы особоруемъ; вѣдь это таинство повторяется»,—возражали ему братія, и совершили надъ нимъ Елеопомазаніе. Старецъ могъ еще стоять на ногахъ. Приготовляясь на утро къ принятію Св. Таинъ, онъ не допустилъ ученику своему, монаху Палладію, остаться на ночь въ его кельѣ, желая самъ, и безъ свидѣтелей, прочесть послѣдованіе ко св. Причащенію; но утромъ найденъ лежащимъ въ епитрахили предъ налоемъ. Съ благоговѣніемъ стоя на ногахъ, онъ причастился Божественныхъ Таинъ, и чрезъ нѣсколько часовъ почилъ съ миромъ о Господѣ, 1857 года, сентября 25 дня, имѣя отъ рожденія 82 года.

СХИМОНАХЪ ГЕРАСИМЪ.

Происхожденіе и жизнь въ мірѣ.—Удаленіе въ Никандрову пустынь.—Странствованіе по св. мѣстамъ.—Прибытіе въ Соловецкій монастырь.—Пустынная жизнь. — Пребываніе въ монастырѣ. — Смерть.

Георгій родился и сначала жилъ въ городѣ Карачевѣ, Орловской губерніи, имѣя жену и дѣтей. Овдовѣвъ, онъ удалился въ пустыню, въ брянскихъ лѣсахъ, къ старцу высокой жизни Арсенію, пришедшему съ Аѳона. Вскорѣ оба пустынника перешли въ Псковской уѣздъ, къ Никандровой обители. Здѣсь Георгій принялъ отъ своего старца монашество, съ именемъ Герасима. Похоронивъ своего наставника, Герасимъ одинъ подвизался въ постѣ и молитвѣ. Въ воздаяніе за всецѣлую преданность Богу, онъ сподобился надъ собою видѣть дивные опыты Божественнаго промысла, подающаго потребное тѣмъ, которые ищутъ только царствія Божія. Разъ случилось у него оскудѣніе въ хлѣбѣ, и, пробывъ безъ пищи 12 дней, Герасимъ хотѣлъ идти въ селеніе за пищею; но утромъ слѣдующаго дня, въ преддверіи своей кельи, неожиданно нашелъ ячменный хлѣбъ, великій и теплый, котораго было достаточно ему на пропитаніе на долгое время. Распалась отъ ветхости срачица его, и, не имѣя другой, пустынникъ долгое время оставался нагимъ; но въ одинъ день вдругъ очутилось предъ кельею полотно, котораго было до-

вольно ему на устроеніе одежды *). Много онъ терпѣлъ напасти отъ бѣсовъ, старавшихся разными привидѣніями поколебать его терпѣніе, но молитвою Іисусовою и чтеніемъ псалмовъ онъ прогонялъ демонскую силу; а умиленнымъ чтеніемъ акаѳиста Пресвятой Богородицѣ удалялъ отъ себя уныніе и отчаяніе. Два раза онъ выходилъ изъ своей пустыни и странствовалъ по святымъ мѣстамъ Россіи, — былъ въ Кіевѣ, Почаевѣ, Тихвинѣ, даже оставался жить въ двухъ монастыряхъ (Арзамасскомъ и Дымскомъ), но, ненаходя покоя духу своему, снова возвращался въ пустыню, томимый жаждою полнаго безмолвія. Въ 1823 году Герасимъ прибылъ въ Соловецкій монастырь при архимандритѣ Макаріѣ, и, какъ мужъ духовный, опытный въ подвигахъ отшельнической жизни, получилъ благословеніе на пустынное житіе. Сначала онъ, около 5 лѣтъ, жилъ въ 10 верстахъ отъ монастыря въ земляной пещерѣ, питаясь въ сутки горстію сухарей и непрестанно упражняясь въ молитвенномъ трудѣ. Потомъ, по желанію братіи пользоваться его бесѣдами, и по преклонности лѣтъ, онъ былъ переведенъ ближе къ монастырю въ новоустроенную келью. Когда же чрезъ два года эта келья сгорѣла: онъ поселился съ ученикомъ своимъ Памфиломъ въ Филипповской пустынѣ, гдѣ нынѣ устроена церковь Живоноснаго Источника. Учитель и ученикъ подвизались вмѣстѣ, восходя отъ силы въ силу духовнаго совершенства посредствомъ молитвы, и упражняясь въ дѣланіи малыхъ сосудовъ для соленыхъ сельдей. Въ 1845 году, по причинѣ изнеможенія силъ и притупленія зрѣнія, Герасимъ переведенъ въ монастырскую больницу. Какъ младенца водили его къ богослуженію, котораго онъ никакъ не хотѣлъ оставлять. Въ то время было ему болѣе 100 лѣтъ; но память ему не измѣняла, и пріятно было бесѣдовать съ нимъ, какъ съ пришельцемъ изъ инаго міра, касавшимся воспоми-

---

*) Свѣдѣніе о чудесномъ пріобрѣтеніи хлѣба и полотна на одежду взято изъ келейныхъ записокъ вышеназваннаго іеросхимонаха Матоея, который былъ духовнымъ отцемъ Герасима.

наніями своими царствованія императрицы Елисаветы Петровны. Глубоко назидательны были его бесѣды о подвижничествѣ, дышавшія рѣдкою простотою и состоявшія въ краткихъ изреченіяхъ, въ которыхъ давало себя чувствовать какое то особенное духовное помазаніе. Въ послѣднее время старецъ казался совершеннымъ младенцемъ; не заботился о томъ, въ рубашкѣ ли онъ, или нагой, и, забывая о временахъ дня, спрашивалъ вечеромъ, отошла ли утреня, а утромъ, звонили ли къ вечернѣ; но молитвенное расположеніе не оставляло его никогда. Случалось, что въ бесѣдѣ съ братіею, среди разсказа, онъ вдругъ останавливался и начиналъ произносить молитву Іисусу. 1848 года, октября 28 дня, Герасимъ почилъ о Господѣ, имѣя отъ рожденія 108 лѣтъ.

МОНАХЪ ПАМФИЛЪ.

Жизнь въ пустынѣ.—Опытъ повиновенія.—Подвиги.—Видѣнія. — Жизнь въ монастырѣ.—Прозорливость.—Кончина.

Старецъ Герасимъ воспиталъ въ своемъ ученикѣ Памфилѣ инока, превозшедшаго даже своего учителя духовнымъ преуспѣяніемъ. Памфилъ, по занятію своему въ монастырѣ, былъ бочаръ и колесникъ. Ввѣривъ себя въ безусловное послушаніе своему старцу, онъ во всю жизнь свято исполнялъ завѣтъ послушанія и ничего, до малѣйшей вещи, не дѣлалъ безъ благословенія своего наставника. Но претккновенія и погрѣшности неизбѣжны въ жизни каждаго человѣка. Однажды онъ получилъ изъ рухольной палаты для опоясыванія кожаный ремень съ желѣзною пряжкою, не взявъ на то позволенія у старца. Старецъ оскорбился самоволіемъ ученика, и, замѣтивъ въ немъ довольство и радость о пріобрѣтенной вещи, взялъ у него ремень, а для опоясыванія далъ ему толстую веревку; послушный ученикъ опоясывался веревкою до самой смерти, лѣтъ 20-ть. Многіе годы Памфилъ прожилъ съ Герасимомъ въ пустынѣ, занимаясь дѣланіемъ боченковъ, и если когда не успѣвалъ исполнить назначеннаго старцемъ урока, то лишаемъ былъ въ тотъ день и обѣда. Велики были его молитвенные подвиги. Просвѣтивъ молитвою мысленныя очи, онъ и тѣлесными очами сподобился видѣть сверхъестественныя явленія. Неоднократно онъ видѣлъ явленіе церкви на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ поставлена церковь Живоносснаго Источника, и сообщалъ о томъ тогда же своему стар-

цу. Иногда въ темную ночь онъ видѣлъ необыкновенный свѣтъ, озарявшій окрестность ихъ пустыни. Но ему запрещали обращать вниманіе на такія явленія, чтобы не подпасть обольщенію духовной гордости. Не напрасны были эти мудрыя предостереженія. Въ одну ночь, стоя на молитвѣ, онъ пораженъ былъ страшнымъ видѣніемъ, и отъ насилія ли бѣсовскаго, или отъ одного страха, лишился чувствъ, и на утро найденъ былъ безчувственно лежащимъ на полу. «Я видѣлъ тогда», говорилъ Памфилъ впослѣдствіи, «стоящаго предъ окномъ человѣка съ огненными глазами, дышащаго пламенемъ; онъ просился на ночлегъ; потомъ вдругъ вся келья наполнилась черными воронами, которые съ громкимъ карканьемъ летали и кружились вокругъ меня». Съ этого времени у него закрылся одинъ глазъ и искривилось лице. Оставивъ пустыню, Памфилъ теперь большею частію жилъ въ монастырѣ, занимаясь обычнымъ рукодѣльемъ; въ слезныхъ молитвахъ онъ проводилъ иногда цѣлыя ночи, рыданіями пробуждая близъ живущихъ; въ полночь отправлялся въ братскую трапезу и тамъ продолжалъ молиться до утрени предъ образомъ Тихвинской Божіей Матери. Всегда молчаливый и молитвенно сосредоточенный, Памфилъ имѣлъ расположеніе духовное и почтеніе къ одной юродивой женщинѣ, по имени Христинѣ, которая часто посѣщала монастырь. Въ одно время онъ пошелъ на пристань, сказывая встрѣчавшимся на пути: «Христина ѣдетъ, иду ее встрѣчать». Но и Христина, находясь еще далеко отъ монастыря, объявила сплавателямъ, что на встрѣчу имъ выдетъ монахъ. Съ взаимнымъ уваженіемъ встрѣтились друзья на берегу и лобызали другъ друга въ рамена. До самой своей кончины онъ непреставалъ обращаться къ своему старцу, повѣряя ему тайны своей совѣсти и прося наставленій въ затруднительныхъ случаяхъ. Вся его жизнь была непрерывнымъ подвигомъ молитвы и труда, отъ котораго онъ успокоился сномъ смерти, прежде старца своего, въ 1845 году, сентября 8 дня. По смерти лице его совершенно исправилось отъ искривленія, и въ удивленіе всѣмъ сдѣлалось благообразнымъ и радостнымъ.

СХИМОНАХЪ ЗОСИМА.

Жизнь въ монастырѣ.—Нестяжательность.—Подвиги.—Кончина.

Вся монастырская жизнь Зосимы, происходившаго изъ чудскаго племени, протекла въ неутомимыхъ трудахъ, строгомъ воздержаніи и примѣрномъ нестяжаніи. Живя въ монастырѣ, онъ не держалъ никогда въ рукахъ денегъ и не принималъ кружечнаго награжденія, которое въ небольшомъ количествѣ дается инокамъ для необходимыхъ келейныхъ нуждъ. Голгоѳскій строитель, желая искусить твердость его обѣта — не прикасаться къ деньгамъ,— велѣлъ однажды положить горсть мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ на тропинкѣ, по которой нужно было Зосимѣ идти въ скитъ къ праздничному бдѣнію. Увидѣвъ деньги, Зосима бросился въ сторону, и завязъ въ болотѣ, по которому пролегала тропинка. Онъ готовъ былъ почесть этотъ случай за искушеніе бѣсовское, желая лучше измараться въ грязи, чѣмъ дотронуться до ненавистнаго металла. Тогда вышли изъ засады двое искусителей и объяснили въ чемъ дѣло. «Не зналъ я этого", отвѣчалъ простосердечный Зосима, „иначе побросалъ бы ваши деньги въ болото». Въ кельѣ нестяжательнаго инока не было ничего излишняго; кромѣ мантіи и клобука у него было только двѣ одежды, — зимняя, простой полушубокъ, и лѣтняя — сѣрый кафтанъ. Такимъ образомъ уходя изъ кельи, Зосима уносилъ

съ собою все свое имѣнье, подобясь птицѣ, при перемѣнѣ мѣста, не оставляющей за собою ничего. Во всю 47-лѣтнюю жизнь въ обители, лѣтомъ онъ трудился въ звѣриной и рыбной ловлѣ на тоняхъ Троицкой и Кирилловской, а зимою занимался вязаніемъ сѣтей. *Ночи нерѣдко онъ проводилъ въ слезной молитвѣ.* Зная о его ночномъ бодрствованіи, братія просили его будить ихъ въ извѣстный часъ, и онъ исполнялъ эти просьбы съ удовольствіемъ и неопустительно, хотя и не было у него въ кельѣ часовъ. Предъ смертію, заболѣвъ, онъ отрекался отъ схимы, чтобы по выздоровленіи имѣть возможность обратиться къ обычнымъ трудамъ въ пользу обители. Кончина его послѣдовала на другой годъ, послѣ извѣстнаго бомбардированія монастыря Англичанами, когда иноки все еще не были безопасны отъ вторичнаго нападенія враговъ. Умирающій старецъ, увѣщавалъ остающихся въ живыхъ братій не предаваться *малодушію, при видѣ опасности,* увѣряя, что по молитвамъ Преподобныхъ, Богъ не попуститъ болѣе оскорбить святое мѣсто. Оставшееся послѣ него имущество состояло въ одномъ только поясѣ. Схимонахъ Зосима почилъ 1855 года, іюня 23 дня.

ІЕРОСХИМОНАХЪ ІЕРОНИМЪ.

Жизнь въ мірѣ. — Поступленіе въ Хутынь монастырь. — Іеромонашество. — Служеніе при Московскомъ Синодальномъ домѣ. — Пребываніе въ Черноморской Николаевской пустынѣ и въ Новгородѣ. — Заключеніе въ Петропавловскую крѣпость. — Отсылка въ Соловецкій монастырь. — Кончина. — Наставленія его о священствѣ, о добротолюбіи, о схимѣ, о молитвѣ.

Іеронимъ, въ мірѣ Іероѳей Лукинъ, сначала состоялъ въ гражданской службѣ съ 1782 по 1795 годъ; потомъ поступилъ въ Новгородскій Хутынь монастырь, гдѣ въ 1799 году постриженъ въ монашество. Въ іеромонаха онъ рукоположенъ въ 1808 году въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, послѣ чего служилъ при Московскомъ Сѵнодальномъ домѣ. Во время нашествія французовъ Іеронимъ трудился при отправленіи изъ Москвы патріаршей ризницы и, выѣхавъ съ нею, не имѣлъ времени сохранить свое имущество. По окончаніи войны онъ перешелъ въ Черноморскую Николаевскую пустынь Екатеринославской епархіи, а чрезъ четыре года перемѣстился въ Новгородскую епархію. Будучи близко знакомъ съ Фотіемъ, впослѣдствіи Юрьевскимъ архимандритомъ, а въ то время законоучителемъ кадетскаго корпуса, Іеронимъ узналъ отъ него о распространеніи въ обществѣ масонства и противныхъ православію ученій, и рѣшился донести правительству. За это донесеніе онъ посланъ былъ въ Петропавловскую крѣпость, изъ которой 1830 года переведенъ подъ строгій надзоръ въ Соловецкую обитель. Іеронимъ со

слезами принялъ объявленіе о выводѣ его изъ Петропавловскаго каземата. «О чемъ ты плачешь?» спросилъ его комендантъ. «Повѣрьте», отвѣчалъ узникъ, «я не нашелъ лучше сего мѣста для иноческаго подвига». Хотя Іеронимъ и не учился въ школахъ, но, при обширномъ умѣ, онъ самъ образовалъ себя духовнымъ чтеніемъ и бесѣдами съ духовными старцами, съ которыми приходилось ему встрѣчаться на жизненномъ пути. Онъ имѣлъ увлекательный даръ слова и рѣдкую силу убѣдительности; совѣты его были особенно полезны для боримыхъ помыслами и смущаемыхъ совѣстію. Наставленія его, основанныя на опытѣ, были истиннымъ врачевствомъ духовнымъ. Въ послѣднее время онъ велъ дневную запись своихъ мыслей, представляющую много любопытныхъ психологическихъ данныхъ. Іеросхимонахъ Іеронимъ почилъ съ миромъ о Господѣ въ Анзерскомъ скитѣ 1847 года, сентября 23 дня, 82 лѣтъ.

Извлеченія изъ рукописей старца Іеронима, представляемыя вниманію читателя, познакомятъ съ направленіемъ духа и образцомъ рѣчи его.

О СВЯЩЕНСТВѢ.

Въ древнія времена монахи проводили жизнь безмолвную и уединенную; по этому въ патерикахъ рѣдко упоминается о священно-инокахъ. Нынѣ же въ обителяхъ священно-иноки умножились для отправленія священнослуженія, и иные скучаютъ о лишеніи прежняго безмолвія. Объ этомъ я неоднократно бесѣдовалъ съ искусными отцами, и слышалъ отъ нихъ слѣдующее: монахи, оставшіеся въ безмолвіи и уединеніи, получали утѣшеніе душамъ своимъ отъ молитвы Іисусовой, совершаемой умомъ въ сердцѣ, и то при искусныхъ и не прелестныхъ наставникахъ; потому что нѣкоторые упражняяся въ этой молитвѣ, по неискуству и самочинію, подпали прелести діавола и болѣли иногда неисцѣльно. Монахамъ же, пребывающимъ въ священствѣ, нѣтъ никакой прелести: по-

тому что освященіе отъ Христовыхъ Таинъ непрелестно и дѣйственно для пріемлющаго съ вѣрою. Тѣ же отцы говорили мнѣ, что награда, даруемая отъ Бога иноку, усердно пребывающему въ священствѣ, несказанна. Потому говорили отцы, не скорбите, что не безмолвствуете, подобно прежнимъ пустынножителямъ; но благодарите Бога, сподобившаго васъ священства. Цѣль ихъ и ваша одна и таже: нравственное совершенство. Тѣ полагали восхожденія въ сердцахъ своихъ; вы же полагаете въ церквахъ Божіихъ. Они шли отъ силы въ силу,— отъ силы дѣянія въ силу видѣнія. И вамъ предлежитъ тотъ же путь идти отъ силы вѣры въ силу видѣнія умнаго. Писано: „пойдутъ отъ силы въ силу и явится Богъ боговъ въ Сіонѣ (Псал. 83, 8)". У тѣхъ Сіонъ въ сердцѣ; у васъ въ церкви на престолѣ. Здѣсь умнымъ окомъ узришь въ священнодѣйствіи всю Святую Троицу: Отца—пріемлющаго св. дары, Сына приносимаго, и Духа Святаго—Содѣтеля и Совершителя ихъ. И такъ, другъ, когда стоишь у престола въ священнодѣйствіи, не пари мыслію къ облакамъ, взыскуя Бога. Онъ предъ тобою есть и будетъ во вѣки. Такого боговидѣнія сподобишься, когда вмѣнишь въ уметы все земное, будешь жить на землѣ небесною жизнію. Вотъ тебѣ, священно-инокъ, награда на землѣ; о будущей же по этой суди.

О ДОБРОТОЛЮБІИ.

Какой человѣкъ сыщется, могущій научить насъ собесѣдованію съ Іисусомъ въ своемъ сердцѣ такъ, какъ учитъ Добротолюбіе? Едва ли кто изъ самыхъ великихъ мудрецовъ вѣка сего можетъ взяться за это дѣло. Безъ Бога жить скучно. Христосъ сказалъ; «безъ Мене не можете творите ничесоже» (Іоан. 15, 5). Слѣдовательно Онъ объявилъ намъ Свою волю: быть намъ съ Нимъ неразлучно. По этому св. отцы оставили намъ въ Добротолюбіи наставленія, какъ соединяться съ Богомъ умомъ въ сердцѣ. Хотя въ нѣкоторыхъ монастырскихъ библіотекахъ есть выписки изъ тѣхъ же св. отецъ, сдѣланныя

прежде изданія Добротолюбія, но они очень кратки. До изданія Добротолюбія, желавшіе учиться Іисусовой молитвѣ ходили въ Молдавію и Нямецкій монастырь къ истинному учителю Іисусовой молитвы, старцу Паисію Величковскому, и тамъ получали наставленія, и согласно съ ними жили въ Россіи. Таковыхъ людей я видалъ. Нынѣ же, по изданіи Добротолюбія, для желающихъ заниматься умною молитвою открылся удобный случай, потому что всѣ козни діавола въ этой книгѣ объяснены. Сердечная молитва есть даръ Божій, а не человѣческая хитрость. Обращаясь съ искусными молитвенниками, я насмотрѣлся, какъ они занимаются этимъ дѣланіемъ; совершенно вѣрую и чистосердечно возвѣщаю, что это дѣланіе душеполезно, но только требуетъ совершеннаго безмолвія. И тѣ люди лишаются этого дѣланія, которые вдаются въ какое либо хлопотливое занятіе. Во первыхъ, какъ мнѣ говорили искусные старцы, надобно устами творить молитву по четкамъ, напримѣръ хоть сотню разъ наединѣ въ кельѣ, такъ чтобы и мысль наша внимательно прислушивалась къ словамъ молитвы, чрезъ что будетъ впечатлѣваться молитва въ памяти. Надобно тогда беречься отъ всякаго помысла и мечтанія; если же безъ помысла не возможешь исполнить сотни, то опять начни и постарайся исполнить ее безъ помысловъ. Это наша азбука; съ нея мы начинаемъ всѣ, говорили старцы. И если кто навыкнетъ, можетъ и болѣе ста разъ творить молитву, не внимая помысламъ. Я послушалъ этихъ старцевъ и уже слишкомъ сорокъ лѣтъ учусь умной молитвѣ, и благодарю Господа моего Іисуса Христа за навыкъ.

Упражняющійся въ Іисусовой молитвѣ не пренебрежетъ церковною службою. Онъ прежде всѣхъ спѣшитъ въ церковь и послѣдній исходитъ. Одни самочинники пренебрегаютъ церковную службу. Я лучше хочу сказать въ церкви одно: «Господи помилуй», нежели прочитать въ кельѣ на воздухъ всю Псалтирь.

О СХИМѢ.

Мантія есть предобрученіе схимы. Слѣдовательно каждому монаху, имѣющему мантію, прилично принимать схиму. Но нынѣ истинное понятіе о схимѣ почти совсѣмъ исчезло. Многіе монахи не принимаютъ схимы, боясь великаго правила относительно пищи, питія и поклоновъ. Но такую недостаточность понятій должно исправлять съ разсужденіемъ. Схима есть отложеніе ветхой жизни, то есть состоитъ въ томъ, что одинъ инокъ однимъ умомъ своимъ, въ безмолвіи, въ сердцѣ своемъ, упражняется въ молитвѣ Іисусовой. Схимникъ долженъ употреблять пищу и питіе легкія, а не грубыя, чтобы не получить болѣзни; онъ можетъ или долженъ и поклоны класть, сколько ему Богъ поможетъ, а не счетомъ или назначеннымъ числомъ. Если схимникъ не довольно свѣдущъ въ писаніи, долженъ упражняться въ чтеніи божественныхъ и отеческихъ книгъ; но не приводить чрезъ это умъ въ разсѣяніе. Когда же Богъ дастъ подвижнику молитву духовную, духовнѣ въ сердцѣ совершаемую, тогда уже не оставлять ее, доколѣ сама собою не престанетъ, и молиться ею со смиреніемъ, отнюдь ничѣмъ въ то время не занимаясь. Схимникъ есть истинный и буквальный исполнитель заповѣди — любить Бога всѣмъ сердцемъ, умомъ, крѣпостію, всею мыслію, всею душою. Схимникъ можетъ быть уподобленъ Серафиму, по горячности любви къ Богу. Нынѣ понуждаютъ схимника заниматься совсѣмъ не свойственнымъ дѣломъ (продавать свѣчи, собирать съ кошелькомъ деньги, молиться и служить молебны, стоять на опредѣленномъ мѣстѣ на показъ мірянамъ). Мастеру золотыхъ и брилліантовыхъ дѣлъ даютъ въ руки желѣзныя клещи и молотокъ и заставляютъ ковать гвозди. Схимникъ есть вмѣстилище Духа Святаго, пріятелище многихъ духовныхъ дарованій, столпъ православія, живая какъ бы копія съ Господа Іисуса по человѣчеству. Да не помыслитъ кто, что я по пристрастію такъ высоко сужу о схимѣ,— это истина.

Благодать Духа, вселившаяся въ сердце, умудритъ его болѣе всякія науки. Если же кто послѣ внѣшняго образованія подклонитъ свою выю благодати Духа, такой можетъ сдѣлаться премудрѣйшимъ между премудрыми, какими были Апостолъ Павелъ, Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій.

О МОЛИТВѢ.

Многіе, пребывая въ страстяхъ, тщатся стяжать благодать отъ Іисусовой молитвы. Если въ какой бочкѣ держали деготь, согласится ли кто, и по испражненіи дегтя, влить въ нее благовонное масло? Такъ и сердце, въ которомъ гнѣздились или гнѣздятся еще страсти, скоро ли пріиметъ въ себя благодать Святаго Духа? По этому, постараемся прежде очистить сердце отъ дегтя страстей, и потомъ уже можемъ надѣяться получить лучшее.

Прежде молитвы Іисусовой, подобаетъ испросить у Бога прощеніе прегрѣшеній и умертвить въ себѣ ярость и похоть. Тогда самъ Богъ будетъ тебѣ учителемъ въ молитвѣ сердечной. Сердечная молитва есть даръ Божій, подаваемый возлюбленнымъ рабамъ Божіимъ; сподобляется сего одинъ изъ тысячей. Мнится мнѣ, что одна молитва Іисусова, безъ дѣланія заповѣдей, быть не можетъ. Какъ нѣкоторые думаютъ, что они молитвенники, и учатъ другихъ молитвѣ Іисусовой, ни мало не заботясь объ исполненіи заповѣдей Господнихъ?... Еще: и всесвятое Его имя (Іисусъ) должно часто произносить устами. Хорошо строить храмину съ основанія, а не съ крыши. Писано есть: мелызи млеко, и будетъ масло. То есть: поговори молитву Іисусову устами подольше, заговоритъ и сердце. Возлюби количество и пріидетъ качество; то есть: послѣ долгаго и многолѣтняго пребыванія въ устной молитвѣ, стяжешь сердечную. Кто же сначала учитъ, или учится творить молитву въ сердцѣ, тотъ, видно, и устами творить ея не умѣетъ. Божія благодать приходитъ не замѣтно. Иногда благодать дается подвижнику въ началѣ подвига, а иногда подъ конецъ житія.

Въ Соловецкой и Анзерской книжницахъ, есть много письменныхъ сборниковъ. Изъ нихъ видно, что и здѣсь были прежде молитвенники Іисусовы. Теперь же эти сборники спокойно лежатъ въ библіотекахъ.

Не мни кто либо, чтобы нынѣ не было сподобившихся дара умной молитвы. Въ Гороховскомъ Николаевскомъ монастырѣ, жилъ монахъ о. Амвросій, бывшій ученикомъ Паисія Молдавскаго. Амвросій, не далеко отъ монастыря, въ селеніи, имѣлъ друга, художествомъ иконописца, именемъ Аѳанасія. Однажды Амвросій ночевалъ у Аѳанасія, расположившись для сна на дворѣ. Аѳанасій ночью, выйдя на дворъ, увидѣлъ Амвросія стоящимъ на колѣнахъ и молящимся, и лице его сіяло необыкновеннымъ свѣтомъ. Аѳанасій ужаснулся; когда же замѣтилъ это Амвросій, закричалъ: «не вѣрь, не вѣрь: это прелесть»; потомъ не велѣлъ сказывать видѣннаго ни кому. Это слышалъ я отъ самого Аѳанасія. У Амвросія въ томъ же монастырѣ былъ также сподвижникъ и ученикъ Паисіевъ, имѣвшій не меньшую благодать, именемъ Аѳанасій.

Излишнимъ считаю говорить о богоугодной жизни схимонаха Василиска Валаамскаго. Василискъ былъ представленъ митрополиту Гавріилу, желавшему видѣть его.

Я зналъ въ Москвѣ простаго мужа Гр. Ѳед—ча, по прозванію Гончара. Онъ былъ знакомъ митрополиту Платону и пользовался его расположеніемъ. Однажды между разговорами о спасеніи, Гончаръ сказалъ Владыкѣ: «научи меня молиться». Платонъ велѣлъ ему творить молитву Іисусову. Послушалъ Гончаръ, началъ творить молитву и потомъ просилъ у Платона дальнѣйшихъ наставленій. Владыка послалъ его въ Пѣсношскій монастырь къ іеромонаху Самуилу. Пошелъ къ нему Гончаръ, посовѣтовался, и возвратился домой въ крайнемъ молчаніи; оставилъ всю домашнюю заботу; устроилъ себѣ въ домѣ укромный чуланецъ; поставилъ въономъ образъ съ лампадкою и началъ безмолвствовать. Въ церковь же ходилъ всегда и былъ до смерти церковнымъ старостою. За смиреніе и милосердіе къ нищимъ, Богъ явилъ ему его кончину.

Въ Оттинскомъ Новгородскомъ монастырѣ былъ извѣстный

мнѣ любитель безмолвія и сердечнаго трезвѣнія, монахъ Патермуфій. Онъ жилъ въ Отнѣ, пока народу ходило туда мало; когда же провели туда новую широкую дорогу отъ Новгорода, Патермуфій бѣжалъ, и началъ жизнь юродственную. Митрополитъ Гавріилъ, уважая его, позволилъ пребывать гдѣ захочетъ. И жилъ онъ въ Новгородѣ и Петербургѣ, гдѣ попало, и часто по почамъ при церквахъ молился. Ходилъ въ чемъ попало; я видалъ его сидящимъ на распутіяхъ съ нѣсколькими въ рукахъ копѣйками, какъ бы милостынею; но что ему давали, все раздавалъ нищимъ. Иногда видалъ въ Хутынскомъ Орѣховскомъ саду, сидящаго сутокъ трое и сильно искусаннаго комарами. Онъ тридцать лѣтъ ни съ кѣмъ не говорилъ. Все священное и отеческое писаніе зналъ вполнѣ; имѣлъ даръ прозорливости и разсужденія. Кто съ вѣрою спрашивалъ о чемъ, отвѣчалъ минами, и вѣрно. Скончался и погребенъ въ Невской лаврѣ.

Знаю и нынѣ богоугодныхъ подвижниковъ, въ трезвѣніи сердечномъ занимающихся Іисусовою молитвою; но Испытующій сердца и утробы и исчитаяй множество звѣздъ, знаетъ и видитъ ихъ лучше меня.

СХИМОНАХЪ НИКОДИМЪ.

Прибытіе въ монастырь. — Пономарство. — Удаленіе въ пустыню. — Подвиги. — Схима. — Кончина.

Овдовѣвъ, Никодимъ помѣстилъ единственную дочь въ дѣвичій монастырь и пришелъ въ Соловецкую обитель. Здѣсь онъ съ ревностію и усердіемъ трудился во многихъ послушаніяхъ; долгое время состоялъ главнымъ управителемъ просфорной и потомъ опредѣленъ пономаремъ въ больничной церкви. Но душа его горѣла желаніемъ пустыннаго безмолвія. Пробывъ нѣкоторое время въ пономарской службѣ, въ первый день четыредесятницы, рано утромъ, онъ скрылся изъ монастыря. Скоро узнали о мѣстѣ его пребыванія, но архимандритъ Димитрій, ради всеобщаго говѣнія, не позволилъ тревожить его въ пустынномъ пребываніи. Чрезъ недѣлю же, призвавъ въ монастырь, за самовольный поступокъ, сперва подвергъ его церковной епитиміи, такъ, что Никодимъ цѣлую недѣлю въ веригахъ въ церкви клалъ земные поклоны, а потомъ, удовлетворяя его стремленію къ пустынному житію, съ благословеніемъ отпустилъ на безмолвіе. Келья Никодима находилась въ четырехъ верстахъ отъ монастыря, между горами въ глубокой лѣсной лощинѣ. Близъ кельи былъ выкопанъ имъ колодезь и разведенъ огородъ для посадки овощей. Со всѣмъ усердіемъ онъ подвизался здѣсь въ постѣ и молитвѣ, носилъ вериги, питался сухимъ хлѣбомъ, смягченнымъ водою;

вареную пищу употреблялъ только въ праздники; масла на его трапезѣ никогда не бывало. Въ великій постъ, усугубляя молитвенное правило, Никодимъ прочитывалъ всѣ четыре Евангелія каждодневно. Кромѣ поклоновъ, для утружденія своего тѣла, онъ по долгу стоялъ на молитвѣ съ простертыми руками, въ образъ креста Іисусова, и сему подвигу наставлялъ своего сподвижника, жившаго въ другой пустынѣ. Для всегдашней памяти о смерти, у него предъ кельею былъ устроенъ гробъ. Всѣхъ приходящихъ принималъ съ ласкою и добродушіемъ, и, по заповѣди страннолюбія, угощалъ картофелемъ и ягодами. Проживъ въ пустынѣ 17 лѣтъ, Никодимъ сдѣлался боленъ отъ простуды и привезенъ въ монастырь, гдѣ, по пріятіи схимы, съ христіанскимъ напутствіемъ окончилъ свою подвижническую жизнь въ 1854 году, ноября 3 дня.

СХИМОНАХЪ ІОАННЪ.

Происхожденіе. — Поступленіе въ монастырь. — Схима. — Жизнь въ Филипповой пустынѣ. — Подвиги. — Кончина

Схимонахъ Іоаннъ изъ вольноотпущенныхъ поселянъ Псковской губерніи. Честно и усердно служилъ онъ земному своему господину и сопутствовалъ ему всюду въ трудную эпоху войнъ Россіи съ Наполеономъ I. Получивъ свободу, какъ должную дань вѣрной и усердной службы, онъ всецѣло посвятилъ себя на служеніе Богу въ подвигахъ иноческихъ. 1827 года онъ поступилъ въ Соловецкій монастырь, имѣя отъ роду 52 года, и какъ искусный портной, долгое время несъ послушаніе закройщика, а потомъ рухольнаго. Въ 1842 году онъ принялъ постриженіе въ схиму, и съ этого времени болѣе 20 лѣтъ жилъ въ Филипповой пустынѣ въ строгомъ воздержаніи, безмолвіи и молитвѣ. Всю дневную службу онъ исправлялъ по чину церковному, съ приложеніемъ иноческаго правила, состоящаго изъ трехъ каѳизмъ Псалтири и 300 земныхъ поклоновъ; никогда не оставлялъ и занятія иглою для пользы братской; въ монастырь приходилъ въ нѣкоторые праздники для пріобщенія святымъ Тайнамъ. Многія и различныя испытывалъ онъ отъ бѣсовъ въ ночныхъ молитвахъ мечты и страхованія. Былъ искреннимъ другомъ пустынножителя Никодима, и не рѣдко посѣщали они другъ друга для взаимнаго подкрѣпленія въ подвигахъ. Послѣдніе годы жизни

онъ жилъ въ монастырской больницѣ, но и внѣ пустыни онъ не оставилъ пустыннаго образа жизни, такъ что не только гдѣ либо на монастырѣ, но и въ своемъ корридорѣ между собратіями рѣдко его можно было встрѣтить; къ церковному же богослуженію, не смотря на преклонную старость, ходилъ неопустительно почти до самой кончины. Спокойно и почти безболѣзненно онъ приближался къ своему скончанію, постепенно и едва замѣтно угасая, какъ угасаетъ лампада, въ коей истощился до тла горючій матеріалъ. Схимонахъ Іоаннъ скончался о Господѣ 1870 года, 26 мая, имѣя 95 лѣтъ отъ рожденія.

СХИМОНАХЪ ѲЕОДОРЪ.

Происхожденіе.—Постриженіе.—Жизнь въ пустынѣ.—Подвиги.—Искушенія. Смерть.

Ѳеодоръ служилъ сначала въ воинскомъ званіи въ Преображенскомъ полку. Но сердце его сгарало желаніемъ послужить Царю Небесному въ иноческомъ чинѣ. Однажды, увидѣвъ Государя, онъ въ простотѣ сердца высказалъ ему свое искреннее желаніе быть Соловецкимъ монахомъ. Государь, выслушавъ его просьбу, не сказалъ ни слова и продолжалъ путь. Чрезъ два дня адьютантъ, вручивъ Ѳеодору отъ Государя 25 рублей на дорогу въ Соловецкій монастырь, велѣлъ явиться въ полковую канцелярію за полученіемъ увольненія отъ службы. Можно представить, какою радостію исполнилось сердце его при такомъ неожиданномъ исходѣ дѣла! Съ полнымъ рвеніемъ спѣшилъ Ѳеодоръ къ Соловецкому острову, гдѣ съ любовію былъ принятъ и вскорѣ удостоенъ постриженія съ именемъ Филиппа. Но жизнь монастырская, въ многолюдномъ обществѣ, не вполнѣ соотвѣтствовала его пламеннымъ стремленіямъ; по этому Филиппъ, испросивъ благословеніе начальства, поселился въ пустынѣ, гдѣ предался со всею строгостію подвигамъ отшельничества. Постъ и ночныя бдѣнія были его постоянными занятіями; хлѣбъ, приготовляемый имъ, состоялъ изъ смѣси толченой брусники съ мукою. Сначала Фи-

липпъ жилъ на Заяцкомъ островѣ, при церкви св. Апостола Андрея Первозваннаго, въ мѣстѣ дикомъ и угрюмомъ; потомъ перешелъ на Анзерскій островъ въ пустыню Преподобнаго Елеазара. Много, особенно въ Заяцкой пустынѣ, онъ претерпѣлъ нападеній отъ нечистыхъ духовъ. Въ одну темную ночь, когда онъ стоялъ на молитвѣ, вдругъ сильные и частые удары посыпались въ окно. Встревожившись такою нечаянностію, пустынникъ вышелъ съ молитвою изъ кельи, думая встрѣтить кого либо изъ приставшихъ къ берегу, но никого не находилъ. Не однократно онъ слышалъ, какъ со скрипомъ отворялась запертая дверь и кто то входилъ въ сѣни, поднимался по лѣстницѣ на вышку, ходилъ тамъ, стучалъ и возвращался внизъ. Сначала пустынникъ обращалъ вниманіе на такіе случаи; но познавъ бѣсовскую прелесть, впослѣдствіи безъ смущенія продолжалъ молитвенное занятіе. Однажды въ Анзерской пустынѣ, во время ночной молитвы, онъ также услышалъ стукъ на верху своей кельи и, вышедши за дверь, увидѣлъ тамъ незнакомаго человѣка, который на вопросъ его: «кто ты и что дѣлаешь»? отвѣчалъ: «я монастырскій работникъ и тешу топорище». „Да тутъ ли мѣсто?» сказалъ ему пустынникъ; «Христосъ съ тобой» и съ этими словами видѣніе исчезло. Достигши глубокой старости, Ѳеодоръ вышелъ изъ пустыни въ Анзерскій скитъ, гдѣ и почилъ съ миромъ.

Схимонахи Адамъ и Андрей.

Незлобіе Адама. — Рыболовство. — Кончина. — Андрей. — Предсмертное видѣніе. — Кончина.

Схимонахъ Адамъ былъ истинное чудо простоты и незлобія, какимъ Господь обѣтовалъ небесное царство. Никогда не видали его гнѣвающимся и ни за кѣмъ онъ не замѣчалъ погрѣшностей и пороковъ, Его занятіе было рыболовное, а въ кельѣ вязаніе сѣтей. Когда оказывался недостатокъ рыбы для братіи: то Адамъ горевалъ и скорбѣлъ, и какъ бы въ наказаніе лишалъ себя пищи. Никакъ не оставлялъ церковныхъ службъ, и въ церкви никогда не садился. Незная читать и писать, онъ питалъ умъ и сердце молитвою Iисусовою, любилъ слушать жизнеописанія святыхъ и старался, по возможности, подражать имъ. Адамъ скончался въ 1859 году, 86 лѣтъ. Во время новоначалія онъ имѣлъ своимъ наставникомъ роднаго своего дядю—схимонаха Андрея, строгаго подвижника, котораго едва помнятъ нынѣшніе иноки. Въ послѣднія минуты жизни сатана окружилъ одръ этого Андрея своимъ полчищемъ, дыша злобою и неистовствомъ, чтобы смутить и поколебать подвижника въ упованіи на милость Божію. «О, какъ ихъ окаянныхъ много набралось сюда», восклицалъ старецъ, видя келью наполненною темными посѣтителями; но въ тоже время сподобился горней помощи и заступленія, и

духи злобы исчезли. «А, побѣжали, испугались Царицы Небесной“, проговорилъ онъ съ радостію. Послѣ этого дрожащимъ голосомъ онъ себѣ пропѣлъ надгробную пѣснь: «Со святыми упокой.... надгробное рыданіе« и съ побѣдною пѣснію «аллилуіа“ испустилъ дыханіе.

Схимонахи Иларій и Матоей.

Пустынная и монастырская жизнь Иларія.—Жизнь Матоея въ скитѣ.—Кончина въ монастырѣ.

Не можемъ не указать и на эти двѣ свѣтлыя звѣзды иноческаго подвижничества. Первый изъ этихъ подвижниковъ происходилъ изъ духовнаго званія, и послѣ многихъ послушаній провелъ не малое время въ пустынѣ; но потомъ счелъ для себя полезнымъ жить безмолвно въ монастырѣ. Онъ имѣлъ правиломъ не вкушать пищи въ продолженіе трехъ дней недѣли; хранилъ совершеннѣйшее безмолвіе, скрывая свои подвиги отъ всѣхъ и зная одну церковь, которая была отъ его кельи въ трехъ шагахъ. Второй, по постриженіи въ схиму, жилъ много лѣтъ въ Голгоѳо-Распятскомъ скитѣ, неусыпно упражняясь въ молитвѣ и трудѣ, имѣлъ даръ слезъ, и въ ночное время его рыданіе слышалось въ сосѣднихъ кельяхъ; церковнаго богослуженія никогда не оставлялъ, и при сильныхъ вѣтрахъ, иногда по глубокому снѣгу, ползкомъ пробирался къ храму. Умирая, въ монастырской больницѣ, онъ увидѣлъ при одрѣ своемъ Ангеловъ. «Вотъ стоятъ два Ангела», сказалъ онъ бывшему тутъ духовнику, и на вопросъ «что они дѣлаютъ?» отвѣчалъ: «о чемъ то разговариваютъ между собою». Оба сіи подвижника скончались въ глубокой старости.

МОНАХЪ МИХАИЛЪ.

Отличительныя черты.—Кузнечество.—Кончина.

Монахъ Михаилъ отличался трудолюбіемъ, смиреніемъ и молчаливостію. Все время монастырской жизни, въ продолженіи 24 лѣтъ, онъ простоялъ съ молотомъ, предъ кузнечныхъ горномъ, въ должности начальника ковачей, и, проходя свое послушаніе съ неослабнымъ усердіемъ и терпѣніемъ, очистилъ душу свою, какъ злато въ горнилѣ, отъ всякой нечистоты, и сдѣлалъ себя сосудомъ благоугоднымъ Богу. Сначала, не имѣя кельи около десяти лѣтъ, онъ помѣщался въ кузницѣ подлѣ горна, въ небольшой загородкѣ, гдѣ невозможно было и протянуться. Получивъ же келью, онъ не имѣлъ въ ней не только чего либо лишняго, но и необходимаго, такъ что ложемъ ему служила простая доска безъ изголовья. Михаилъ всегда хранилъ строгое безмолвіе, хотя ежедневно находился въ обществѣ со многими. Подчиненнымъ своимъ онъ не любилъ дѣлать замѣчаній и внушеній, но всѣхъ и каждаго обязывалъ къ исполненію долга своимъ постояннымъ усердіемъ къ дѣлу. Не имѣя ни съ кѣмъ особенной дружбы, онъ ни у кого не бывалъ въ кельѣ; по смиренію своему, никогда не участвовалъ въ трапезѣ съ братіею и довольствовался тѣмъ, что ему дадутъ трапезные прислужники, а въ случаѣ отказа не требовалъ ничего, питаясь однимъ хлѣбомъ. Не имѣя возможности бывать въ простые дни у литургіи, Ми-

хаилъ никогда не оставлялъ утренняго богослуженія, а также и вечеромъ, съ первымъ звукомъ колокола, оставляя молотъ, бѣгомъ поспѣшалъ къ вечерни и становился не въ рядахъ братіи, а въ толпѣ тружениковъ по обѣту. Отъ постничества и тяжелаго труда онъ былъ весьма сухъ, въ кельѣ тайно держалъ вериги, въ коихъ вѣроятно совершалъ ночныя моленія. За годъ до смерти Михаилъ пожелалъ было постричься въ схиму или удалиться въ пустыню, чтобы запастись въ напутствіе къ вѣчности молитвенными подвигами; но за молодостію было ему отказано, и это рѣшеніе начальства онъ принялъ, какъ изволеніе Божіе. «Видно нѣтъ къ тому званія Божія», говорилъ Михаилъ, оставаясь предъ пылающимъ горномъ, гдѣ его вскорѣ постигло другое званіе Божіе: отъ трудовъ временныхъ къ покою нескончаемому. 1853 года, мѣсяца іюня 23 дня, онъ почилъ съ миромъ, имѣя отъ рожденія 48 лѣтъ.

ПОСЛУШНИКЪ ІОАННЪ СОРОКИНЪ.

Происхожденіе. — Бѣгство изъ отечества. — Жизнь въ расколѣ за границею. — Ссылка въ Соловецкій монастырь. — Знаменательный сонъ. — Обращеніе въ Православіе. — Кончина.

Заключимъ сказаніе о современномъ подвижничествѣ, воспоминаніемъ о старцѣ младенцѣ, который жилъ на землѣ 78 лѣтъ, но собственно считалъ своей жизни только 38 дней. Иванъ Васильевичъ Сорокинъ, государственный крестьянинъ Калужской губерніи, былъ рожденъ и воспитанъ въ расколѣ. Бѣжавъ изъ отечества, онъ большую половину жизни провелъ за границею въ Бѣлокриницкомъ раскольническомъ убѣжищѣ, гдѣ былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Ираклія. Когда онъ прибылъ на родину для свиданія съ своими: его арестовали и препроводили въ Соловецкій монастырь, подъ строжайшій надзоръ, для увѣщаній и вразумленій въ его заблужденіяхъ. Десять лѣтъ онъ прожилъ въ Соловецкомъ острогѣ, не трогаясь никакими убѣжденіями и, повидимому, желая кончить жизнь въ нераскаяніи. Но всеблагій Богъ, не хотящій смерти грѣшника, взыскалъ и это заблудшее овча, и привелъ въ ограду св. Церкви. Долго отказываясь отъ чтенія книгъ, писанныхъ въ обличеніе раскола, онъ какъ то прочиталъ описаніе путешествія инока Парѳенія, обратившагося изъ раскола, и это чтеніе возбудило въ немъ нѣкоторое сомнѣніе въ истинности своихъ убѣжденій. Онъ началъ молиться Богу

о вразумленіи его. «Въ одно утро», такъ разсказывалъ онъ самъ, «послѣ келейной молитвы, въ которой со слезами просилъ Бога: скажи мнѣ Господи путь, въ онь же пойду, я заснулъ и увидѣлъ во снѣ, будто нахожусь въ какомъ то великолѣпномъ чертогѣ, и слышу надъ собою голосъ: иди въ Церковь, потому что внѣ Церкви спастись нельзя. Я отвѣчалъ: въ Церкви находится много плевелъ и соблазновъ. Голосъ говорилъ: что тебѣ до этого? Ты будешь избраннѣе пшеницы. Я еще сказалъ: есть въ Австріи Церковь съ епископомъ и священствомъ. Голосъ отвѣчалъ: Австрійская Церковь — не Церковь, потому что она отдѣлилась отъ Восточной церкви и нѣтъ въ ней спасенія». Этимъ окончился знаменательный сонъ, и вотъ Иванъ, отъ самаго рожденія ни разу не переступавшій порога церковнаго, пришелъ въ храмъ 5-го января, въ навечеріи Богоявленія Господня.

Торжественность великой вечерни и литургіи св. Василія Великаго, величественный обрядъ освященія воды, съ велегласнымъ многолѣтствованіемъ Императора, Сунода и всѣхъ православныхъ христіанъ, свѣтлое освѣщеніе, множество благоговѣйныхъ священнослужителей и стройное иноческое пѣніе: все это сильно подѣйствовало на душу заблуждающаго, и тутъ же онъ утвердился въ мысли, что въ Православной церкви обитаетъ истинная благодать, которой ослѣпленные напрасно ищутъ въ Бѣлокриницкой лжеіерархіи. Съ этого времени, Иванъ ежедневно началъ ходить въ церковь, со слезами раскаяваясь въ своихъ заблужденіяхъ, и 17 Апрѣля 1860 года, съ разрѣшенія Святѣйшаго Сунода, былъ присоединенъ къ Православной церкви и включенъ въ разрядъ старшихъ послушниковъ, съ ношеніемъ рясы. Но и по присоединеніи къ Церкви онъ не оставлялъ еще двоеперстія. Постоянно слыша объ этомъ напоминанія отъ воспріемнаго отца, онъ съ искреннею вѣрою и упованіемъ началъ молить Бога, чтобы Онъ самъ подалъ ему извѣщеніе объ истинности и древности употребляемаго въ Церкви троеперстія; и вотъ въ одну ночь, стоя на молитвѣ, Иванъ явственно услышалъ голосъ: «вѣрь всему глаголемому тебѣ; тебѣ говорятъ правду». Съ неизреченною радостію, въ

тоже время, онъ сложилъ три перста и назнаменовалъ на себѣ ими крестное знаменіе. Теперь онъ сдѣлался истиннымъ сыномъ Церкви, и какъ будто этого ожидала благодать Божія, потому что чрезъ нѣсколько дней Иванъ почилъ съ миромъ (25 Мая), пребывъ въ числѣ братства и въ чину послушниковъ 38 дней. Въ послѣднія минуты жизни, сидѣвшій у его одра воспріемный его отецъ, опасаясь, чтобы врагъ не поколебалъ вѣры его въ св. Церковь, тихо спросилъ: «не смущаютъ ли тебя какіе нибудь помыслы?» и услышалъ отвѣтъ: «нѣтъ, батюшка, я спокоенъ духомъ и благодарю Бога». Надобно замѣтить, что Иванъ, и въ расколѣ пребывая, проводилъ жизнь сосредоточенную и дѣвственную, и отъ другихъ раскольниковъ отличался особенною кротостію и снисходительностію ко всѣмъ несоглашавшимся съ его мнѣніями; увѣщанія, предлагаемыя ему, онъ выслушивалъ съ полнымъ вниманіемъ, за что, конечно, удостоился познать свои заблужденія и умереть въ нѣдрахъ Православной церкви.

Заключеніе.

«Хотя я и отхожу отъ васъ тѣломъ, по закону естества смертнаго, но духомъ неотступно буду съ вами»,— такъ говорилъ на смертномъ одрѣ ученикамъ своимъ, Преподобный Зосима. «Знайте, если я обрѣту благодать у Бога, то по моемъ отшествіи, обитель еще болѣе увеличится и соберется во имя Христово множество братій; это мѣсто наполнится обиліемъ духовнымъ и не будетъ имѣть скудости въ тѣлесныхъ потребностяхъ». И вотъ пять вѣковъ Соловецкая обитель существуетъ молитвами Преподобнаго основателя своего. Составляя убѣжище иноческой жизни, самою природою отдѣленное отъ міра, она воспитала многихъ подвижниковъ и угодниковъ Божіихъ, которыхъ имена благоговѣйно чтутся, а жизнь служитъ назиданіемъ для православныхъ. Рядъ Соловецкихъ подвижниковъ еще не заключился и, по милости Божіей, не заключится, пока будетъ стоять среди волнъ моря и міра, духовная твердыня—Соловецкій монастырь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.